

Илья Стейн

*Я всегда
буду
с тобой...*

*Девушка по имени
Дарина*

Илья Стейн

Девушка по имени Дарина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70335244

SelfPub; 2024

Аннотация

Марат – сильный духом парень, живущий мечтой покинуть деревню и покорить мегаполис. Его жизнь в глухой деревне все больше и больше тяготит его, и его любимая девушка проявляет соучастие, пообещав сбежать из деревни вместе с ним. Его цель – развитие. Его желание – быть выше деревенской жизни. Его задача – построить карьеру, начав с малого. И в этом ему поможет Дарина – его сердце и душа, девушка, которая ради него готова на многое. Но не так все просто с этой девушкой. Что если, от одиночества среди ветхих захолустных домов парень ее себе выдумал? Тем не менее, эта девушка-призрак помогает и наставляет на всем его пути, способствуя безболезненному контролю эмоций во время преодоления жизненных препятствий. К чему же это приведет?....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	69
Глава 10	74
Глава 11	81
Глава 12	89
Глава 13	101
Глава 14	111
Глава 15	121
Глава 16	128
Глава 17	138
Глава 18	147
Глава 19	158
Глава 20	172
Глава 21	185
Глава 22	196
Глава 23	209

Глава 24	217
Глава 25	228
Глава 26	246
Глава 27	256
Глава 28	264
Глава 29	277
ЭПИЛОГ	289

Илья Стейн

Девушка по имени Дарина

Глава 1

Блики мерцали праздничными гирляндами на водной глади, в которой отражался ветхий, измученный жизнью дом. Одинокая ива шумела, злясь на каждую тягостную мысль Марата, и словно тянулась корявыми старческими пальцами к тому, что изображено на воде. Природа как будто напоминала 21-летнему парню, что это покосившееся строение – вся его жизнь, и нужно довольствоваться тем, что имеешь и возвеличивать то, что не любишь. Только он не был согласен. Он хотел выбраться из деревни, построить свою жизнь, найти себя, стать независимым и обеспеченным. Именно таким видела его Дарина – его любимая девушка. Его вторая половинка, ради которой он был готов на всё, с которой он сидел сейчас у пруда и любовался её красотой, как ценитель искусства любит шедевром. Его по-настоящему переполняло чувство любви к этой девушке. Это было ощущение родного и близкого и в то же время недостижимого и желанного, но заставляющего внутри расцветать прекрасному цветку, чьи нежные лепестки приятно щекотали пределы его души. В Дарине было идеально всё: внешность, черты ха-

рактера, и даже её голос напоминал Марату пение прекрасного ангела. Это была девушка среднего роста, с тёмно-русским цветом волос, правильной, стройной от природы фигурой и приветливым лицом, на котором часто появлялась завораживающая своим волшебством улыбка. Сам же парень был высоким и широкоплечим, с крепкими руками (что говорило о частой физической работе), правильной осанкой, светлыми волосами, предпочитающий легкую небритость на уверенном молодом лице.

Отражение родного дома разбилось от пущенного камня из руки Марата и разлетелось на множество водяных осколков, а затем уже заново собиралось в природный акварельный рисунок старого дома.

– Марат! – послышалось откуда-то из дома. – Опять ты там сидишь! Сходи и почисти у коровы!

– Сейчас, бабуль! Пять минут!

Парень, ехидно прищурившись, посмотрел на девушку рядом с собой. Она смеялась.

– Отдохнул – пора и поработать! – сквозь улыбку сказала она, невольно демонстрируя изумительные ямочки на щеках. Её фиалковые глаза, чуть тронутые звучанием востока, светились, глядя на него, но в то же время в них был заметен отблеск сомнения.

– Что случилось, Солнце? – спросил он.

Дарина спрятала улыбку и, пытаясь не выдать тоскливый голос, робко произнесла:

– Марик, изо дня в день ты чистишь у коровы... Да ведь ты так и будешь чистить за коровой до конца своих дней...

Этот разговор возникал у них с частой периодичностью, но это не ссорило их, а наоборот, Марат только поддерживал тихие укоры, развивая тему и окунаясь вместе с любимой в призрачные грёзы, утопая в них без желания выбраться на поверхность и глотнуть свежего воздуха. Вот и теперь все эти слова вновь нашли простор между ними.

– Ты несчастлива?

– С тобой я всегда счастлива. И буду еще счастливее, если увижу, как мой мужчина развивается и покоряет Олимп! Ведь дело в том, что это важно для ТЕБЯ. Я лишь хочу видеть свет в твоих глазах.

Марат задумчиво перебирал травинку между своих пальцев, наблюдая, как та перекачивается между ними и трепыхается кончиком от легкости деревенского воздуха.

– Пора уже что-то менять, – продолжала девушка. – Ты хозяйственный. Ты помогаешь бабушке. Но ведь это же не цель. Найди свою жизненную цель!

– Моя цель – делать тебя счастливой, Даринка! Ты моё спокойствие и мой приют!

В доме раздался шум падающего ведра и стук разбегающихся по полу яблок.

– Марат! – вновь крикнула бабушка.

– Всё-всё! Я уже иду! Я уже делаю первый шаг – смотри бабуль, о-оп! Вот второй шаг! Эти шаги по направлению к

сарая, бабуля!

– Ты мне давай там, не дерзи! – громко забрюзжала старушка. – А то ты не смотри, что я меньше тебя! Вмиг оприходуя веником по голове!

Дарина хохотала своим прекрасным смехом, похожим на звон божественного хрусталя. Марат любил дышать им, каждый раз придумывая различные смешные и несмешные шутки, поскольку девушка была очень проста и смеялась абсолютно над всем, что взбредет молодому парню в голову. Эта её черта очень подкупала Марата и дразнила его, заставляя вновь и вновь изображать комичные ситуации или изобретать каламбуры.

– Хочешь, я пойду с тобой? Может, помогу чем-то... – спросила она, все еще посмеиваясь.

– В сарай?! К коровам?! Ну, нет! Это кощунство! Я не позволю моей прекрасной девушке так осквернять свою красоту!

После этих слов он увидел настоящее чудо, кое происходило каждый раз после воспевания Дарине дифирамбов. Она просто засветилась, опустив свои прекрасные глаза, и улыбнулась той самой улыбкой, что заставляла его сердце трепетать от восторга. На щеках её горел пунцовый окрас.

– Я буду ждать тебя здесь, – тихо произнесла Дарина.

– Я скоро! – воскликнул парень и побежал к сараю. – Салют! – громко крикнул он и скрылся в пахучей темной пещере, прихватив проржавевшую совковую лопату.

Через полчаса, выполнив всю требующуюся работу, он вернулся в дом и, проходя мимо пруда, не застал там Дарину. Но ему это и не было нужно, его голову снова заполнили мысли о разговоре, который произошёл накануне. Да, нужно менять жизнь! Нужно проявить характер и волю! Взять судьбу в свои руки и... Только почему он до сих пор этого не сделал? Подсознательно он знал, в чём причина. Его останавливала привычка жить той жизнью, которая была ему предоставлена без права выбора. Но, с другой стороны, дающая сделать выбор в течении самой жизни. Марат понимал, что главное – сделать первый шаг. Сделав один, сразу попросится и второй, и после нескольких шагов оглядываться на старт уже не будет никакого смысла.

Бабушка мирно храпела, завернувшись в одеяло, в одной из двух комнат домика, тем самым добавляя окружающей атмосфере некой эпичности. На стене, рядом с ней, висел старый ковёр – неизменный атрибут жилых помещений деревенских домов. Чуть далее стоял сервант с чашечками и старыми пыльными книгами (которые не раскрывались уже многие годы). Окно напротив было занавешено старой грязной тюлью, а на столе, под окном, красовалась гора свежих яблок, собранных сегодня утром. Четверть всей комнаты занимал разложенный диван, на котором и спала старушка.

«Я её накрыла», – вдруг услышал Марат шепот над ухом. Он повернулся и увидел улыбающуюся красавицу Дарину.

«Она улеглась прямо так, – продолжала девушка, – види-

мо очень устала... Но я ей немного помогла на кухне»

«Какая ты у меня молодец, Даринка! Ты просто чудо! Заботливая, хозяйственная!» – весело шептал он.

«Тсс. Пойдем».

Старушка хрюкнула во сне. Они вместе прыснули, зажимая ладошками рты.

«Подожди-подожди, давай послушаем!»

Хрюк. Хрюк.

Они оба выбежали во двор и уже смеялись, не сдерживаясь.

– Какая милая и забавная у тебя бабушка!

– Да, она хорошая, – сказал он и, подойдя к девушке, провел кончиками пальцев по ее щеке. – Спасибо, что ты есть, мне так с тобой весело! Так уютно! Я... Я обязан сделать тебя счастливой! Я много думал... И... Я пока не знаю, но...

Она улыбалась, глядя глубоко в его глаза, говоря тем самым, что верит ему.

Послышался автомобильный сигнал. Марат посмотрел на дорогу, проходящую за прудом, и обнаружил, что его деревенские дружки Лёва и Пацик стоят и курят, прислонившись к любимой бежевой машине, которую они звали не иначе, как «мерсидесь». Эта была «Жигули 99» – личный «конь» Лёвы, в которой они все вместе гоняли на дискотеку и которая пережила множество хороших и нехороших историй.

– Едешь или не?! Мы долго ждать будем? – крикнул Па-

цик, парень 20 лет, дохлый на вид, но способный дать отпор любому. Его кличка прилипла к нему с детства, с тех пор, как он пытался всех уверить, что он «настоящий пацан». И сейчас уже толком никто не помнил его имени, для всего окружения он был «Пацик».

– А вы долго там стоите? – растерянно бросил Марат.

– Минут 15! Мы ничего не видели, не ссы!

Двое друзей разразились гоготом.

– Ладно, я ща!

Марат тихо прошел в свою небольшую комнату, переоделся в потёртые джинсы и парадную футболку, чуть вспрыснул на себя дешёвым одеколоном и уже собирался уходить, как в двери комнаты показалась бабушка.

– Почистил у коровы?

– Да, бабуль, я еду на дискач с Лёвой!

– Смотри у меня, опять напьешься...

– Да я чуть-чуть ба! Ну как плясать-то без этого! Это ж дискотека! Девчонки-мальчишки...

Он говорил как можно непринуждённой, тем самым как бы уговаривая бабушку.

– А я тебя предупреждаю... – проворчала старушка, разглядывая в окне силуэты его друзей, и вдруг воскликнула. – Девчонки какие хорошие с Лёвой твоим, может, женишься, наконец! Помощница мне будет! Корову будет доить!

Марат посмотрел в окно и увидел рядом со своими друзьями двух знакомых девушек, что в последнее время часто

были в их компании. Видимо, до этого они сидели в машине.

– А... Эти... Мне не нужен никто, у меня есть Дарина!

Бабушка пристально посмотрела на него и, вздохнув, произнесла:

– Ладно, езжай... Поел хоть?

– Да, – соврал Марат и пошел по направлению к друзьям. Огибая пруд, он помахал кому-то в сторону, где стояла, наклонившись, старая ива. Старушка наблюдала за ним в окно до тех пор, пока они не уехали. «Бедный парень», – прокричала она, наклоняясь за ведром.

Он её выдумал. На самом деле, не было никакой Дарины. Просто, он любил это имя и представлял себе идеальную во всех смыслах девушку, проводя с ней всё свободное время в своей голове. Таким образом, одинокий парень скрашивал скучное существование, которое казалось не таким пасмурным в обществе придуманной любви. Осознание того, что он обязан развиваться и изменить свою жизнь ради этой девушки, пусть призрачной, толкало его на дальнейшие шаги по направлению к своей мечте. Но Марат не был сумасшедшим, он прекрасно понимал, что Дарина – выдуманный персонаж, и прилюдно старался не говорить о ней, зная, что его сочтут шизофреником. Кроме, конечно, его бабушки, которой, как он считал, было на это всё равно. Представлять себе эту девушку, представлять в ней лучшее для себя, уже являлось привычкой, что была почти невредной и даже приятной. Да-

рина была его борьбой с одиночеством.

Глава 2

– Ну что, сначала раскуримся? У меня сегодня тема! – весело лепетал Пацик, доставая сверток из внутреннего кармана. – Девочки, вы с нами?

– Обижаешь, Пацанчик! – отвечала с заднего сидения Юляха, девушка 17 лет, пухлощекая, с чрезмерным количеством помады и крашенными в синий цвет кончиками волос. Всерьез Юлю никто не воспринимал – это была заядлая деревенская тусовщица. Другое дело, её подруга Настя – тихая симпатичная девушка, с правильными чертами лица, ухоженная (насколько позволяет деревенская жизнь), по-приятному скромная и любящая хорошие, добрые шутки. Настя была влюблена в Марата и под видом Юлиной подруги (на самом деле, она её терпеть не могла) каждый раз пыталась оказаться в их компании.

Они сидели в машине на обочине у опушки леса. За рулём был Лёва, на пассажирском Пацик. На заднем сиденье умещались трое: Марат, Юля и Настя.

– Я не буду, – хмуро сказал Марат, глядя сквозь небрежно тонированное стекло на плавные колебания ели.

– Да ты задрал уже! То будешь, то не будешь! Шишечки – это только разгон! У меня есть кое-что получше!

– Опять «улыбочки»? – так они называли таблетки пресованной кислоты плохого качества, которые продавал мест-

ный барыга по кличке Дыра. Местные знали, что эти таблеточки ничего хорошего не приносят, кроме как ужасную тошноту, но ради получаса эйфории и веселых галлюцинаций (которые были не всегда) готовы были пожертвовать своим самочувствием, а после мучиться от жуткой рвоты.

– Чем тебе не нравятся эти малышки?

Пацик вытаскивал очередной сверток из другого кармана.

– Всем не нравятся! Я не хочу этого всего, – буркнул Марат.

– Ты в последнее время сам на себя не похож, друже!

– Я тоже не буду ничего, мне и так весело, – вдруг послышался тихий голос Насти, после чего раздался всеобщий хохот, в котором не участвовал лишь Марат, продолжая разглядывать лапу покосившейся ели.

Юля ткнула в плечо Настю и противно захохотала:

– Как не будешь?! Ты меня бросаешь на проездвол?

Пауза.

– Произвол, дура. – мрачно изрек Лёва, почесывая рукой бархат рулевого колеса. Пацик продолжал ржать, держа осторожно сверток, чтобы не просыпать содержимое.

– Ну, произвол... Чего ты обзываешься, блин! – насупилась тусовщица.

Лёва только улыбнулся, покачав головой. Потом повернулся всем корпусом к остальным и сказал:

– Кто не хочет, тот не курит и не глотает. Заставлять мы никого не собираемся. Лично я только курну, мне больше

ничего не надо. Пазик и Юля, делайте, что хотите, только не блюйте в машине. Если Марат не хочет, то это его дело. Если Настя не хочет, потому что не хочет Марат...

Он не договорил: салон опять громыхнул смехом. Настя покраснела и украдкой взглянула на Марата, тот продолжал смотреть в окно и, казалось, даже не слышал, о чем шла речь. Он как будто кивал кому-то и улыбался чему-то другому. Эту привычку Настя заметила в нём давно, но старалась не обращать внимания, так как считала, что каждый человек имеет право на присущую только ему странность.

Старая «99-я» с тонированными стёклами подъехала к клубу. Клуб – одно название. На самом деле, это было бывшее совковое кафе, и находилось оно недалеко от реки, на небольшом возвышении. Рядом с ним проходило шоссе, связывающее два посёлка, по которому к нему и стягивалась на тусовку вся прогрессивная молодежь. Музыка доносилась из открытой двери клуба: видимо, там кто-то уже подключил к музыкальному центру старую колонку и запустил заезженный, потёртый компакт-диск с танцевальными хитами. В летнее время колонку вытаскивали на улицу, но сегодня организаторы сей вечеринки почему-то не спешили это делать, однако хрипящий некачественный звук, вырываясь из своей клетки через раскрытые окна и двери, всё же заполнил собой всю округу.

– Началось уже! Пошла долбёжка! Может, искупаемся?

Меня поднакрыло что-то, язык еле шевелится... Мне кажется, что он надулся, как шарик... – бубнил Лёва за рулём.

Юляха и Пацик были похожи на человекообразное желе, исторгающее из себя кряканье, отдаленно напоминающее смех. Они вывалились из машины на старую каменную плитку и на карачках ржали, повторяя какое-то несурзное слово. Марат и Настя продолжали сидеть в машине: он смотрел на обдолбанных друзей, она украдкой смотрела на него. Между ними сидела Дарина.

Бросив на Марата взгляд крайней досады, Дарина заговорила:

– Марик, ты посмотри на них! Ты хочешь это видеть по выходным? Или, может, сам таким хочешь быть?

– Ну, выходные не каждый день...

– А ведь по будням, у тебя на работе дела обстоят не лучше! Пьяные трактористы приходят в гараж играть в карты, а ты моешь тракторную технику, глядя на их балаган!

– Я знаю, Даринка, знаю...

– Вы как хотите, девочки-мальчики, а я пойду, искупнусь! – громко сказал Лёва и вдруг резко обернулся и строго посмотрел на Настю. Его веки опухли, а белки глаз были влажными и покрасневшими. Настя испуганно отпрянула, воскликнув «ой». Бессменный водитель их компании резко вышел из машины и зашагал чрезмерно уверенными шагами к реке. Пацик и Юляха перебрались на перевернутую старую лодку, которая была смята наподобие деревянного ди-

вана, и продолжали дебильно сюсюкать несусветную чушь. Оставшиеся двое пассажиров в «мерседеси» сидели молча какое-то время, затем Настя тихонько произнесла:

– Я рада, что ты не с ними.

Спящий наяву парень будто бы очнулся.

– А... Что?..

– Ну, я рада, Марат, что ты не хочешь сегодня быть, как они.

– А... Спасибо. Да, ты знаешь, я в последнее время чувствую себя не в своей тарелке. Мне некомфортно стало жить такой жизнью.

– И... И что ты собираешься делать?

– Я пока не знаю, Даринка...

– Я Настя, – девушка испуганно посмотрела на него.

– Ой, да, извини. Я тут вспомнил кое-что, просто...

Воображаемая Дарина именно сейчас не выражала для Марата никаких эмоций. Она как будто сидела рядом и просто улыбалась, тем самым позволяя ему быть самому себе хозяином. Он представлял себе, что Дарине жаль Настю и что она по-доброму относится к этой девушке (ведь он сам симпатизировал Насте). Иногда он воображал, что Дарина шутливо ревнует его, и это ему нравилось. Но сейчас, глядя на вакханалию, что творилась с его друзьями, он захотел отвлечься не на воображаемого ангела, а на реально существующего человека.

– Слушай, Насть, – сказал он, – может, прогуляемся вдоль

реки?

– Да, конечно, давай пройдемся! – заметно повеселела девушка.

Глава 3

Охристый летний вечер плавно рассеялся среди гуляющей молодежи. Теплый ветерок прогуливался по следам опьяненных свободой и алкоголем молодых людей. Он заглядывал в каждую компанию, прислушивался ко всем разговорам, осторожно развеивал волосы девушек и щекотал крепкие плечи молодых ребят.

– Почему ты стал такой задумчивый в последние пару месяцев? – спросила Настя, тихонько поглядывая на парня, шагающего рядом.

– Я не знаю... Просто, вот как-то я понял, что всё это не моя жизнь.

Они шли вдоль реки. Вокруг продолжалась деревенская тусовка с пьяными воплями, девчачьим визгом, купанием в одежде, драками и, конечно же, звуками рвоты в кустах. Вся деревенская богема была пропитана некачественным алкоголем и дешевыми наркотиками. На небольшой разломанной лодочной пристани лежал Лёва, опустив макушку в воду.

– Ему плохо?

– Нет, нормально, сейчас придёт в себя. Это его средство для вырезвления.

– Зачем вообще курить, если знаешь, что будет плохо?

– Ну, вот он не знал. Раз на раз не приходится... Ну и смотря какие шишечки. Вот Пазик, однажды, «гаш» привозил...

– Слушай, давай о другом! – всплеснула руками Настя, а затем испуганно покосилась на Марата.

Он не обратил на её взгляд внимания, но улыбнулся каким-то своим мыслям.

– Да, прости... Не очень хорошая тема. Чем ты любишь заниматься в свободное время?

– Я люблю читать книги. Иногда пытаюсь смотреть телевизор, но здесь, в деревне, сигнал плохо ловит, так что мои попытки просмотра обычно заканчиваются через десять минут.

– А в городке нормально ловит каналы?

– Ну да, в городке же вышка стоит...

Настя переехала жить из Пироговска в деревню 2 года назад, когда предприятие, на котором работал её отец, расформировали, и здание продали под склад для какой-то компании. Её отец долго не мог никуда пристроиться. В итоге, они всей семьёй решили переехать в деревню, где у них была дача, а квартиру решили сдавать в аренду и иметь какой-то доход. Сама 19-летняя девушка мечтала пойти учиться в университет в Омске, огромном мегаполисе со своей инфраструктурой и суматошной жизнью (очередной российский «муравейник»). Но для того, чтобы попытаться поступить в один из местных вузов, нужно было поехать и поселиться хоть на какое-то время. Ни на дорогу, ни на проживание и содержание не было денег как у неё, так и у родителей, не говоря уж о платном обучении в случае провала при

поступлении на бюджет.

– Марат, а скажи, у тебя есть мечта? – спросила вдруг девушка.

– Хм... Мечта?

Этот вопрос очень часто задавала ему Дарина – это была их своеобразная игра. И поначалу он не понял, что произошло; представил ли он в очередной раз Дарину с этим вопросом, или это прозвучало в действительности от Насти. Когда он посмотрел на живую девушку, то сразу понял, что спрашивала не Дарина, и ответ «моя мечта – делать тебя счастливой» прозвучал бы, как минимум, глупо.

– Я хочу увидеть свет в собственных глазах, – потупился парень, почесав макушку.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну.. .Это... Ну, мне нужно ощущать, что я живу. Что я развиваюсь.

– Как я тебя понимаю! Но деревня нас не отпускает...

– Не меня.

– Что ты хочешь сделать? Ты хочешь уехать?

Марат собрался и заговорил твёрдым, уверенным голосом.

– Я уеду. Я просто больше не могу так жить. Ты посмотри вокруг, просто оглянись... Мы живём один раз, и этот один раз мы хотим провести упиваясь и убиваясь, дабы забыть настоящую жизнь.

Со стороны клуба, между деревьями, послышался стран-

ный шум попеременно с пьяными голосами. Марату не было дела до очередных здешних баталий, и он поспешил пройти мимо, увлекая за собой Настю.

– Э, ты! – слышался пьяный голос от места потасовки.

Марат узнал этот голос и сразу почувствовал, что обращаются к нему.

– Я с тобой разговариваю, придурок! – вновь раздалось оттуда. Это был Родя, местный 35-летний алкаш, который приставал ко всем местным по абсолютно любым поводам, каким только приходили в его пьяную голову. Ему просто хотелось подраться, ведь он был крепок, хоть и немного вял от переизбытка различных веществ. Его отличительной особенностью являлся свернутый нос, который ему сломали однажды в драке. Впоследствии он с ним ничего не делал, просто гасил боль, без меры употребляя обезболивающие. Так нос свёрнутым и сросся. Родя уверял округу, что он десантник, и не снимал никогда потрепанный берет и тельняшку, но при этом никогда нигде не служил, и все об этом знали. Но его боялись: девушки обходили стороной, парни не хотели связываться. Из-за этого он злился на окружающих, вымещал всё зло в драках, топил одиночество в алкоголе. Вот и сейчас, увидев потенциальную жертву новых разборок, он пытался докопаться, а может, и обчистить «лошка».

– Придурок! Слышь!

Марат стал закипать. «Придурок, здесь, ты!» – хотел крикнуть в ответ, но сдержался. Он, конечно, легко мог от-

ветить, поскольку был не из робкого десятка и умел постоять за себя. Но в последнее время понимал, что если собираешься менять жизнь, то нужно начинать меняться самому. И уже не хотел уподобляться местной пьяной шпане. Не поступать и не вести себя как одурелая деревенщина, значит, не быть одурелой деревенщиной.

– Что ты хотел?

– Пацан! Я старше тебя лет на двадцать! Ты чё тыкаешь мне?!

Марат дышал ровно и молчал. Настя испуганно стояла за его спиной и дрожала, раз за разом повторяя: «Ребят, не надо...»

– Чё ты молчишь, пёс? Если я к тебе обращаюсь, значит ты мне отвечаешь, понял?!

– Что ты хотел?

Родя заржал. Его верные дружки, как гиены, окружили добычу и гыгыкали, вторя своему предводителю.

– Смотри, дерзит! Я ему говорю на «вы» обращаться ко мне, а он всё равно! Ты чё, сука мелкая!...

Вдруг рядом с Маратом, выросла фигура его друга Лёвы.

– Родион, не надо. Слушай, мы никого не трогаем, отдыхаем, как все...

– Вы будете отдыхать не как все, а как я того захочу, – злобно процедил алкаш, продолжая смотреть на Марата.

– Слушай, да что ты к нам пристал... – начал было Лёва, но резко получил тычок головой в зубы от Родиона. Началась

всеобщая потасовка: девушки кричали, мужчины били друг друга, речной ветерок уносил запах крови и пота. Откуда ни возьмись появился Пацик и два его приятеля. Юляха стояла среди деревьев и верещала как курица, закрыв рот ладонью. Настя суежилась среди дерущихся мужчин и со слезами на глазах кричала: «Ребята, хватит!» Марат и Родя катались по земле, сцепившись, как собаки, но вдруг Марату удалось высвободиться и нащупать камень под собой. В порыве безумства и агрессии он, не помня себя, поднял булыжник и зарядил им по черепу пьяного «десантника». Тот обмяк без чувств с окровавленной головой, а губы его издавали тихий звук «пфффф». Резко всё стихло. Мужчины отцепились друг от друга. Настя в ужасе подошла к лежавшему Родиону и склонилась над ним, а через минуту тихо сказала:

– Дышит.

– Скорую вызывайте! – заорала Юляха. Снова началась суматоха, но только уже вокруг бесчувственного Роди.

– Я... Я не хотел... – вымолвил Марат, откидывая в сторону камень. Рядом стоял Лёва и держался за губу. К ним шли Пацик с товарищами.

Один из корешей Роди сел у его головы и прижал снятую с себя майку к его ране, затем поднял взгляд на Марата и сухо произнёс:

– Твоя спокойная жизнь окончена. Мы тебя найдем. Можешь не прятаться, тебе пи...ц.

Марат без слов резко обернулся и зашагал прочь. Никто

его не держал.

– Марик, ты же не виноват! Живой он! Они «скорую» сейчас вызовут, и всё будет хорошо. Ну, максимум, легкое сотрясение у него...

– Наверное, ты права, Даринка, но мне не по себе...

Он шел пешком по дороге в направлении своего дома, который находился в 4-х километрах от клуба. Вокруг сгустилась светлая летняя ночь: было прохладно, где-то ухала сова, небо сплошь было покрыто разноцветными мерцающими росинками – тишина и спокойствие.

– Ты все-таки решил это сделать?

– Ну, ты же слышала его, что они меня будут искать, и мне здесь уже нет места.

– А может, удастся все замять?..

– Нет, я не думаю.

Он представил, что девушка остановила его и, положив руки на его плечи, посмотрела сквозь глаза в его внутренний мир.

– Ну раз так, тогда действуй! Когда ты долго хочешь что-то сделать, и судьба даёт тебе знак, что пора, нужно следовать ему, не ожидая повторного знака. Сделаем это вместе! Я с тобой.

Вдруг послышался шум колес, и рядом с Маратом вскоре остановился «мерсидесь».

– Ты как? Нормально? – спросил Лёва, опустив переднее

стекло. Рядом сидел Пацик, молча уставившись на дорогу впереди. Сзади сидели девушки.

– Нормально. Сегодня ночью меня уже никто не тронет, сам понимаешь... Отвечать буду потом. Я пройдуся.

Парень отвернулся от водителя и взглянул в дальнюю полумглу.

– Уверен? Ладно... Смотри сам. Увидимся! – 99-й «жигуль» стартанул с места, поднимая облако заволакивающей пыли. Сквозь небрежную тонировку Марат заметил, что кто-то ему помахал с заднего сидения.

– А если я не готов? – сказал он, провожая взглядом знакомый автомобиль.

Дарина снова заговорила:

– Человек никогда не будет готов к тому, в чем он сомневается. Но постепенно приобретёт уверенность, когда шагнет в этот омут. И только лишь тогда он узнает, что на самом деле был готов.

Глава 4

Ночь все ещё таилась среди деревьев и постепенно растворялась в светлой дымке рассеянного полусвета. Марат пошёл к своему дому и осторожно открыл калитку. Её петли, как обычно, скрипнули, но парень не боялся разбудить бабушку. Он был уверен, что та ничего не слышит, поскольку её и пушкой было не разбудить. Здоровый старческий сон – счастье для того, кто видел жизнь. Пройдя в свою комнату, парень опасливо, но не слишком торопясь, стал собирать свою сумку, укладывая необходимые вещи. Так... Пара футболок, пара трусов, спортивные штаны (грязноватые, но ладно), полотенце, сложенное в несколько раз небольшое одеяло, раскладной нож, паспорт...

– Мыло и зубную щетку в ванной возьми, – одёрнула его Дарина.

– Да, точно, – шепнул Марат. Взял из ванной принадлежности, а из кухни захватил железную кружку.

– Деньги... Главное, деньги, Марат. Без них ты не купишь билет.

– Я помню.

Он снял защитную сетку с колонки магнитофона, и ему на руку выпала пачка купюр небольшого достоинства. Сумма составляла всего 3800 рублей. Эти совсем небольшие деньги он прятал от бабки для непредвиденных карманных расхо-

дов. Так как старушка любила копаться в его вещах и найденные деньги присваивала себе, то приходилось откладывать совсем по чуть-чуть с каждой зарплаты и прятать их в импровизированном тайнике. В доме этой старушки было негласное правило – все заработанные деньги идут на хозяйство, на карманные расходы брать только с согласования.

На горизонте уже светлело. Марат вышел из калитки с сумкой на плече и подошел к наклонившейся над водной гладью иве. Дерево не шумело как днем и спокойно дремало, посапывая маленьким ночным ветерком.

– Как думаешь, Даринка, я еще вернусь? Ведь если я уеду, то назад пути уже не будет. А оставаться не могу и прятаться не могу...

– Я верю, что ты добьешься огромных высот в мегаполисе, и однажды ты вернешься. Но вернешься уже успешным. Тебе только нужно не бояться, а я всегда тебя поддержу и всегда буду с тобой.

– Честно говоря, этот омут пугает. Смогу ли я там устроиться? Найду ли жильё? Смогу ли найти отца? Согласится ли он мне помочь...

Дарина молчала.

История рождения и жизни Марата была довольно непроста. Его отец был государственным служащим – попросту чиновником – который, будучи женатым, провел ночь с одной из рядовых работниц офиса, увезя её на тайную квар-

тиру с очередного корпоратива. Она, как водится, забеременела, и все девять месяцев этот чиновник скрывал её существование, тайно спонсируя её. Она родила мальчика, но сама вследствие тяжелейших родов умерла. Чиновнику мальчик был не нужен, и он решил избавиться от нежелательного балласта, отправив ребёнка в глухую деревню к женщине, матери его друга, которая согласилась вырастить ребёнка, получая определенную сумму ежемесячно. Ребёнок, названный Маратом, рос смыслёным и сильным и вскоре стал помощником для стареющей женщины, которая, заимев сильные мужские руки в доме, решила построить сарай и завести домашний скот. Впоследствии, это стало смыслом жизни для неё, и все силы она отдавала хозяйству, при этом внушая Марату, что он обязан ей всем, поскольку она его вырастила.

Дарина поглаживала руку Марата, расслабляя напряженные нервы. Она пыталась, будто бы смягчить эмоциональное напряжение так же, как спортсмен стремится успокоить себя самого перед стартом.

– Ты справишься. Я с тобой.

Парень еще раз посмотрел на свой дом, в котором он прожил почти всю свою жизнь. Мысленно попрощался с бабушкой, мысленно попрощался с друзьями и вдруг резко ухватился за ветку ивы и дернул, обломив её, а потом оторвал маленький кусочек и положил в карман. Это было своего рода прощание с любимым местом, прощание с прошлым, и,

уходя, нужно было забрать частичку прошлого с собой.

Он вышел на дорогу и двинулся в сторону городка. До райцентра было 19 километров, но Марат надеялся на удачу, что, быть может, ему удастся поймать ночную попутку. Хотя обычно по ночам машин было немного, а точнее, практически совсем не было. Но ведь дело близилось уже к раннему утру... А удача имеет свойство сопутствовать тому, кто на неё надеется и берёт жизнь в свои мягкие руки, которые в дальнейшем отвердеют и покроются коркой уверенности.

– Ты слышишь, как колотится сердце, Даринка?

– Это от страха неизвестности. Беспокойство будет сопровождать тебя весь твой путь. Ведь ты не знаешь, что тебя там ждёт. Главное, не конфликтуй ни с кем, будь покладистым и добрым, но, в то же время, никому не доверяй. Помни – какой бы человек ни был приветливый и дружелюбный, в конце концов, он тебя обманет в угоду себе.

Марат с силой пнул камешек, попавшийся ему на пути. Вышло так, что тот точно попал в деревянный столб старого шлагбаума.

– Страшно резко что-то менять, – сказал он.

– Оно и будет страшно. Но пусть этот страх не будет тебе препятствием, а будет лишь призывом к действию. Страх – это не что иное, как нежелание разума реализовывать непривычную для него среду и опасный способ уговорить себя оставить все, как есть.

– Ты говоришь очень правильные вещи! В очередной раз

говорю тебе – спасибо, что ты есть!

– Или что меня нет...

– Если я хочу, чтобы ты для меня существовала и была рядом, то ведь так и будет. Представлять то, как ты красиво улыбаешься – это самое ценное!

И он это сделал. Представил её смущенную улыбку. От этого нерв Марата приходил в норму и возбуждение утиhalo. Вдруг послышался скромный шорох шин, и этот одинокий путник почувствовал свет фар автомобиля где-то позади. Он обернулся и увидел, что к нему приближается старая иномарка с огромной трещиной на лобовом стекле. Марат знал эту машину и был знаком с её хозяином. Александр Григорьевич Шилин – старожил из его деревни, который много лет зарабатывал тем, что торговал зеленью на рынке. Вот и теперь, видимо, он двигался в сторону райцентра, чтобы одним из первых начать торговлю на арендованном месте.

Дарина, чуть торопясь, проговорила:

– Марик, следуй своей мечте! Помни: на пути к ней тебя все будут отговаривать! Не слушай никого! Если ты что-то решил, то позволь себе потворствовать именно своему решению, а не внимать каждому встречному «умнику».

Машина остановилась рядом с идущим. Пассажирское стекло опустилось, и из салона послышался чуть хрипловатый голос:

– Здорово, Маратик! Как жизнь молодая? Куда это ты брёдёшь среди ночи?

– Здравсте! В городок наш, в райцентр. Ну, а вообще, мне на вокзал надо.

– Ну, садись, подвезу, что ли!

Марат уселся на пассажирское сидение, бросил сумку назад и пожал руку Григоричу.

– А за каким тебе на вокзал, если не секрет? – спросил Шилин, когда они, тронувшись, разогнались до приличной скорости. Старый забугорный драндулет ещё был живчик.

– Да вроде не секрет... – ответил парень и, чуть подумав, продолжил. – Уезжаю я, Ксан Григорич. Нет мне здесь места... Хочу жить в большом городе.

– Ооо, боец! Да ты никак прописку сменить решил? Что, надоело в деревне?

Молчание.

– Не, ну ладно! Дело-то твоё, я ж не наседаю... А есть где жить-то? Где работать?

Ты ж в Майский едешь, поди? Там-то не просто сейчас!

Марат призадумался: доверить ли этому знакомому свои планы? Открывать ли ему все карты? Ведь если Марата будут искать, то Григорич может проболтаться, а вся идея заключалась в том, чтобы никто не знал, куда делся парень (даже бабка, которая, кстати, была неродная). С другой стороны, может, никому и в голову не придёт спрашивать местного торгаша, что живет на краю деревни. Тем более дружбы как таковой за Маратом и Александром Григорьевичем никогда не водилось. Просто они знали друг друга и приветливо улы-

бались, здороваясь при встрече. Но парню нужно было выговориться сейчас – освободить накопленные переживания, облегчить сердце, утешить душу перед живым человеком, а не перед призрачной мечтой, Дариной.

– Ксан Григорич... Ты только никому не рассказывай...

С этим мужичком вся деревня была исключительно на «ты», ибо он сам желал этого. Не любил «выканий» даже от местных подростков.

– А что за тайна-то такая? – прохрипел мужичок.

– Ну, как вам сказать... Я бегу от этой жизни, обрубая концы.

Марат нервно барабанил пальцами по коленке.

– А-а, я тебя понял, – засмеялся Шилин, – а бабка твоя знает?

– Нет. Никто не знает. И ты тоже никому...

– Я могила, Маратик! Ты парень взрослый, хозяйственный, не пропадёшь! Я так понимаю, что нет смысла у тебя спрашивать – где именно в Майском ты собрался остановиться?

– Во-первых, действительно, смысла нет, потому как я не скажу, вы это уже поняли. А во-вторых, я еду не в Майский.

– А куда? – удивленно произнёс Григорич, повернувшись к парню, но в глазах его явно уже мелькнула догадка.

– В Омск.

– Ух! Вот это, конечно, в омут с головой!

Григорич заметил, что Марат призадумался, напустив на

лицо прохладу сомнения. Тогда мужик спешно затараторил:
– Не, боец, если ты что-то задумал, то действуй! Ты взрослый парень!

Вдалеке показался старый, потемневший от времени, бездыханный торговый центр – первый признак приближения Пироговска.

– Слушай, ну ты мне скажи, есть, где жить-то? Есть, где работать?

– Нет, Григорич, я вот как-то... – замялся парень.

– Э-э, брат, тут дело, конечно, опасное. Но я все-таки верю, что ты не пропадешь! Вон, какой вымахал! Сурьезный мужтшина! – расхохотался водитель.

– На крайняк, я думаю найти своего отца. Может, он мне поможет чем-то...

– Я и не знал, что у тебя есть отец.

– Да я и сам не знал. Бабка не так давно выпалила в гнев, когда я пьяный домой заявился. Отправлю, говорит, тебя к отцу, забирай, мол, своего алкаша! Только вот не нужен ты ему сто лет! А я в непонятках – что это за отец? Я же думал, родители умерли давно, а тут...

– Н-да... И ты думаешь, он в Омске?

– Бабка сказала, что семья у него там своя и что я ему на хрен не сдался...

– Вот так «Санта-Барбара»! – хмыкнул мужик.

– Еще какая, Ксан Григорич, еще какая...

Машина въехала в город.

– Ну, так подкинешь до вокзала, да? А там простимся, дальше я уж сам.

– Да, брат, как скажешь.

После паузы Шилин протянул руку к бардачку и, покопавшись, достал потрепанную картонку – некое подобие визитки.

– Слушай, если ты не знаешь, где твой отец и как его искать, то у меня дочка замужем за сотрудником ГИБДД. На, вот тебе номер его рабочего телефона. Может, он как-то поможет найти... На обратной стороне, кстати, рабочий номер Юленьки моей. Домашнего у них нет.

Марата охватило чувство неловкости:

– Юля – это твоя дочь?

– Вот ты молодец! – заржал Григорич, – ты её не помнишь, что ли? Ты когда был маленький, я с ней пару раз к вам в гости заходил!

– Нет, не помню, извиняй...

– Ладно, это не суть. В общем, живут они где-то на окраине Омска, я точно не знаю, они давно не приезжают.

– Спасибо на добром слове, Ксан Григорич! – воскликнул Марат, когда машина остановилась напротив входа на вокзал.

– Дай Бог, у тебя все получится, боец! Не поминай лихом! Будешь проездом в нашем райцентре на своем личном «феррари», заезжай на рынок, за свежей зеленью, выращенной вот этими руками!

– Обязательно, Григорич, обязательно!

Глава 5

В столь раннее утро Марат был единственным посетителем вокзала в Пироговске. Это было небольшое помещение продолговатой формы, которое, казалось, упорно держало на своих стенах краску столетней давности и уже совсем смирилось с отсутствием ремонта. Здесь было несколько ободранных и сломанных сидений вдоль зарешеченного окна; на одной из колонн висела широкая, потемневшая от времени фанера с расписанием, написанным от руки; плитка на полу во многих местах была побита (а кое-где и замазана раствором), и небольшое окошко, испуганно притаившееся в углу, над которым полукругом висели буквы из дерева, образующие слово «Касса». Касса еще не работала, но, судя по табличке, открывалась она через час. За это время можно было пройтись внутри помещения и изучить его обстановку подробнее, ведь он бывал здесь всего пару раз в жизни, и было совсем не до этого, а теперь представилась хорошая возможность. Незнание обустройства и атмосферы местного вокзала объяснялось тем, что дальше Пироговска он никогда не выезжал (поездка в город Майский со школьным классом в музей – не в счет). Прогуливаясь внутри, Марат не хотел выходить за пределы здания, чтобы ненароком не встретить кого-то, кто мог бы увидеть его побег. Он знал, что на электричке по утрам мало кто ездит из знакомых. А тем людям, кто все-

таки мог бы ему встретиться, не было до него никакого дела. Пусть для каждого – кроме, естественно, Григорича – он будет пропавшим бесследно.

– Ты посмотри, Марик, на эти старые афиши, – указала Дарина на обшарпанную стену в противоположном от кассы углу. Когда-то это место было неким информационным уголком, но, видимо, это было очень давно, так как плакаты были исписаны ручкой и изодраны, а некоторые из них датировались «бородатым» годом. Всё помещение сквозило прошлым, и, казалось, претило наступлению будущего. Это одновременно отвращало и угнетало Марата. Ему хотелось чего-то современного и свежего, чего-то принципиально нового на пути к своей цели.

Касса открылась. Марат, подойдя к окошку, увидел недовольную грузную женщину, которая взглянула на него безразличным взглядом и продолжила писать что-то в большой тетради.

– Здравствуйте! Есть ли, билеты в Омск? И когда будет отправление?

– От нас нет отправления. Через нашу станцию не идут поезда в Омск.

– А как же быть? Мне нужно попасть в Омск.

– Молодой человек, у нас есть расписание, – надменным голосом произнесла кассирша.

Марат подошел к небрежно висящей фанере и обнаружил у края небольшой листок с надписью «Майский» в оглавлении.

нии. Среди корявых записей, сделанных синей ручкой, он разобрал, что из этого города поезд отправляется в 17:00. Он купил билет и принялся ждать, устроившись на разодранном кресле возле окна. Электричка должна была быть через час.

Дарина снова утешала, положив голову ему на плечо:

– Не переживай, это всего лишь одно из препятствий. Выехать сразу в Омск было бы слишком просто. Эти трудности закаляют тебя, делают сильнее. Относись к этому как к неким ступеням на пути к своей цели. Представь, что ты играешь в игру – проходишь квест. А я... А я всегда буду рядом.

– Ты мой уют и мой покой. Ты моё вдохновение, Даринка!

Дарина, улыбаясь, приподняла голову и посмотрела в глаза Марата.

– Интересно, как там бабушка? Представляешь, что будет, когда она поймет, что скотина в сарае не кормлена...

– Ну что будет... что будет... «МАРАААТ!!!!» на всю деревню.

Дарина уткнулась ему в грудь и захохотала. Он чувствовал её горячее дыхание, и от этого было сладко и тепло на душе, а кожу щекотали приятные мурашки. Чувство напоминало летний морской бриз, который, нарастая, обволакивал внутренний мир и заставлял его трепетать от малейшего дуновения.

Через час подошла электричка, и она была переполнена – все сидячие места были заняты. В проходах и даже тамбу-

рах стояло много народу, но парня это нисколько не смутило. Марат кое-как протиснулся и встал в углу тамбура, напротив немолодой женщины с цветочной корзиной. Впереди была двухчасовая дорога, и учитывая, что скоро внутри вагона осядет жара, то этот этап квеста будет непростым.

«Остржнщц дффф рщц» – послышалось из шуршащих динамиков. Это означало только одно – «осторожно, двери закрываются».

– Марик, улыбнись! Всё будет хорошо! – азартно воскликнула Дарина.

Марат посмотрел на закрывающиеся двери, потом взглянул через окно на знакомую даль за райцентром и шутливым гундосым тоном изобразил Гагарина:

– «Поехалии!»

Полтора часа пути прошли без приключений, если не считать того, что кому-то в вагоне стало плохо. Но из тамбура Марат не видел всех подробностей, а потому просто размышлял, общаясь с Дариной. Он представлял, что женщины с корзиной, стоящей напротив, нет и что на этом месте стоит его любимая девушка и рассказывает истории из детства. Парень настолько увлекся этим занятием, что порой ему казалось, что женщины и впрямь не существует, а существует лишь она – девушка его мечты. В этих разговорах и пролетели полтора часа поездки на электропоезде, увозившем Марата далеко от дома.

В первый раз он приехал на вокзал Майского один, предоставленный самому себе, с минимальной суммой в кармане и с минимальной уверенностью в дальнейшем. Он направился к кассам и купил билет на поезд, на который потратил больше тысячи рублей. Это одновременно огорчило и обрадовало его, а также возбудило в нём новый трепет перед будущим. Он испытывал смешанные чувства от этой непрестанной борьбы со страхом неведения и колючими сомнениями. Но все же он пока справлялся. И в этом ему очень помогала его любимая девушка Дарина. Впереди у него был практически целый день ожидания. Время подходило к обеду. Он зашел в одно из привокзальных кафе и стал вчитываться в названия блюд. Конечно, все эти блюда стоили недешево для него, ведь Марат берег каждую копейку, поскольку не знал, что его ждет впереди и для чего понадобятся деньги. Тем более, как он уже понял, исходя из цен, денег у него было очень мало. Его целью на данный момент было плотно поесть, потратив минимум средств. Парень выбрал самые дешевые, но сытные, на его взгляд, блюда – первое и второе, купил стакан минеральной воды и устроился на обшарпанном деревянном столике в углу.

– Сколько ты потратил? – спросила его Дарина, сидевшая напротив.

– 320 рублей... Плюс билет до Майского...

– И плюс билет на поезд. Значит, на данный момент у тебя в кармане уже две тысячи с чем-то.

– И неизвестно, какие цены в Омске, наверняка, всё будет дороже.

– Вот-вот, ну, ничего, Марик, мы же справимся?

– Да, Даринка, справимся.

Они обнялись. За окном моросил мелкий июльский дождь.

Поезд уже стоял у платформы, словно огромный стальной змей, прислонившись к заасфальтированным бетонным плитам. На часах было 16:00, и некоторые пассажиры, уже ехавшие в этом составе, рассыпались по вокзалу и ближайшим окрестностям – поезд будет стоять еще час. Марат быстро нашел свой вагон и стал пробираться к своему месту. Вероятно, там он будет не один, поскольку во всех делениях вагона было много людей – смеющихся, галдящих, шуршащими газетами и звенящих ложечками о стеклянные стаканы. Но оказалось, что соседей у него не было, и это очень порадовало парня:

– Значит, будем, Даринка, только мы вдвоём! Чему я очень рад!

– Помни, Марик, за удачей может последовать и неудача, важно быть готовым ко всему. Не стоит так возвеличивать акт везения, дабы потом не испытать сильнейшее разочарование. Но при этом подсознательно ожидай новой улыбки фортуны, не убеждая себя в её обязательстве перед тобой.

Он забросил сумку на верхнюю полку, а сам сел у окна.

Несмотря на бессонную ночь, спать не хотелось. Хотелось думать и размышлять. Весь день он слонялся по окрестностям: заходил в различные магазины и кафе, прошёлся по местному рынку и даже посетил бесплатный музей старых игрушек. И теперь, сидя у окна в вагоне поезда, он осознал. очередной этап его квеста пройден, следующее, что его ждёт – это долгий семичасовой путь до огромного мегаполиса.

Снова начинался дождь. Капли, оставляя кривые линии на стекле, становились все больше и злее и уже с неистовой силой стучали в окно вагона, с другой стороны которого сидел и скучал одинокий деревенский парень. Состав тронулся, и город за окном стал покидать Марата – сначала медленно, будто от нежелания прощаться, затем быстрее и быстрее стал убегать в прозрачную дымку дальнего простора. Вот и всё. Назад пути нет.

– Добрый день ещё раз, у вас всё хорошо? – показалась миловидная проводница лет сорока. Она уже подходила чуть ранее и с бесстрастным лицом проверяла билет, а потом немного проконсультировала касаясь самой поездки.

– Да, спасибо, – ответил Марат.

– Чаю не хотите?

– Нет, спасибо.

– Ну, смотрите. Если что, обращайтесь. У вас впереди два часа спокойной поездки – наслаждайтесь. Далее, как я уже говорила, – Благодярск. Там у вас появятся соседи. Если нужно постельное бельё, я вам сейчас принесу.

– Спасибо, можно и без белья. Если я захочу поспать, то я прямо так усну – не страшно.

Проводница улыбнулась, обнажив потемневшие от чрезмерного количества никотина зубы, пожелала счастливого пути и удалилась.

Вскоре перед Маратом появился новый кадр. Его сосед по вагону Володя (так он потом представился) был худой, как жердь, со впалыми щеками, большими грязными руками и двух метров ростом. Сев на нижнюю полку напротив, он с минуту молчал, глядя на парня, и непроизвольно часто кивал (видимо, это было что-то патологическое).

– Ты далеко? – спросил он низко поставленным голосом. Для Марата это было неожиданностью. Ему казалось, что Володя должен быть, как минимум, сиплым, исходя из своего внешнего вида. Как первый взгляд, порой, может быть обманчивым.

– В Омск, а ты?

– Я в Благоярск, домой. Вот так, Вась, вот так...

– Я Марат.

– Да, очень приятно, Вась, – сказал Володя и зашёлся мокрым кашлем. Слушать это было неприятно.

– Ты ко мне по какому вопросу?

– Ну... Это.. Мы там сидим. Вась-вась, все дела... Пойдём с нами – отдохнём, выпьем, сыграем в карты.

– Спасибо, но я не горю желанием.

К ним заглянула заметно подвыпившая девица, без двух

передних зубов, но при этом имела симпатичное лицо и милую улыбку.

– Гусар, ты где есть-то? – воскликнула она. Видимо, «гусар» была кличка у Володи.

– Я ищу нам четвертого человека на игру, Вась! Шо ты ходишь за мной!

– Лан, не ори!... Здравсье, молодой человек. Ну что, не желаете к нам присоединиться?

Она явно кокетничала с Маратом. Это не нравилось ему, а значит, не нравилось и Дарине. Кроме того, от этого был не в восторге и сам Гусар Володя.

– Давай, иди! Попой крутит тут, Вась... Ладно, Вась, без обид, я ещё поищу напарника. Тем более, ты сказал, не хочешь! А то сейчас начнётся, Вась.

– Да ты чего, Гусар, пусть идёт с нами, смотри, какой грустный! Как тебя зовут? Марат? Очень приятно – Лиля!

– А ну пошла на место, баба! – вскипел Володя. Из вагона послышались недовольные возгласы пассажиров.

Лиля поспешно ретировалась. Гусар, чуть подумав, махнул «пока» и тоже ушел. Марат уставился в серость окна и, подмечая продолговатые искры в небе, вновь размышлял. Была гроза. Деревенская жизнь словно не могла отпустить его, хотя он отчаянно старался её оставить позади. Но такие люди, как Володя и Лиля, вновь возвращали ту реальность, заставляя все его существо безмолвно вопить напряжением нервов. Марат лёг на спину, положил руки под затылок и

стал рассматривать потолок.

– Марик, можно я лягу рядом? Можно я тебя обниму? – шепнула Дарина.

– Конечно, можно, Даринка, – ответил он и с этими словами уснул.

Глава 6

Ему снилась деревня. Покосившиеся деревянные дома, проселочные дороги, небольшой прудик с ивой, сиротливые силуэты птичника и фермы вдали, трактора, коровы... Ему снились люди. Знакомые лица, сопровождавшие его на протяжении всей жизни: бабушка, друзья, соседи, знакомые... Но не снилась Дарина. Вероятно, в этот момент подсознание воспроизводило только то, что он оставил в прошлом, но не отображало призрачные картины настоящего. Ему приснился Родя. Он стоял на травянистом пляже у реки и в руке держал тот самый злосчастный окровавленный камень. «Тебе конец, придурок! Ты не скроешься, я тебя буду искать. А если не найду, то у меня всегда будет твоя Дарина, как запасной вариант», – скалился он. Марат с безразличием смотрел на мнимого десантника, поскольку был уверен, что всё это не что иное, как сон. К его сознанию наручниками была пристёгнута спасительная мысль: «Я уехал. Родион далеко позади, – и присосавшееся: – Дарины не существует».

Дарины не существует...

«Марик, я всегда буду рядом...»

Он проснулся, дёрнувшись во сне, и услышал неприятный, скрипучий шелест полиэтиленового пакета.

– Ой, молодой человек, мы вас не разбудили? – спросила полная женщина в очках, которая стояла у противополож-

ной полки, запустив руки в недра своего багажа. Вопрос был задан таким глупым тоном, что как будто она же сама им себе отвечала утвердительно. Это было что-то из разряда: «Вы дышите воздухом?»

– Эм... Мне все равно пора просыпаться было... Я Марат, здравствуйте.

– А меня зовут Лидия Андреевна. А это Вера – моя дочь, – указала женщина на девочку лет двенадцати, что сидела на одном из двух сидений бокового места. – Вы до куда едете?

– До конца, а вы?

– И мы тоже до конца, да, Верунь?

– Ага... – кивнула девчужка, чавкая спелым яблоком.

– Она у меня не очень разговорчивая, зато умная!

Лидия Андреевна комично сморщилась и театрально приложила руки к груди. Это позабавило Марата, и он расплылся в дружелюбной улыбке. Дарина сидела на краю полки у него в ногах и весело подмигивала ему, тем самым намекая на чудаковатость женщины, что заставляло парня улыбаться еще шире. Всё-таки хорошо он научился представлять эту восхитительную девушку! С ней было не страшно плыть дальше на этой полуразбитой лодке под названием «Судьба», по витиеватой реке под названием «Жизнь».

– Мам... – позвала женщину девочка Вера.

– Да, Верунь, чего ты?

– Мам, я хочу пить.

– Ой, горе ты моё! Сейчас найду. Где тут бутылка воды у

меня была...

Марат по своей излюбленной привычке вообразил, что в разговоре участвует Дарина.

– У нас есть вода, дать вам? – как будто спросила она.

Парню нужна была подпитка сладостного чувства умиления, кое он сам себе создавал, фантазируя добросердечность Дарины, и которое приятно тешило изысканным шелком его сердце. И для него стало полной неожиданностью, что женщина помахала головой и ответила:

– Нет, спасибо. Я уже нашла. Вот, Верунь, держи!

Это испугало парня. Он не понял, что произошло. Но потом осознал, что, кажется, он произнес слова Дарины вслух. Усмехнувшись, он пообещал сам себе следить за своими фантазиями и своим поведением, связанных с ними.

Весь остальной путь Лидия Андреевна читала газету и иногда общалась с Верой. Но из-за необщительности девочки это были недолгие разговоры, содержащие лишь вопросы и утвердительные или отрицательные ответы. В основном, девочка лежала на верхней полке над своей мамой и листала какой-то девчачий журнальчик. Марат сидел на своей стороне у окна и общался с Дариной.

– Отец... Я же его не знаю. Не знаю, что это вообще за мужик... Если он отказался от меня, то ведь способен меня и прогнать, и мне, может даже, не стоит ждать от него помощи...

– Мы ведь не знаем, как оно будет. Важно попробовать и узнавать. Есть люди, которые из-за страха неудачи не действуют, боясь переживаний, связанных с этой неудачей.

Он вспомнил о «памяти», которую захватил с собой, покидая деревню. Маленький обломок от ивовой ветки, что находился в правом кармане его джинсов. Марат достал его и, перекладывая мужду пальцами, ощутил его приятную шершавость, наводящую невыносимую тоску. Это напомнило ему о том, что где-то там за спиной остался его дом.

– Ты считаешь, что нужно его найти и встретиться во что бы то ни стало? – спросил он.

– Да, я считаю, будет лучше, если ты лично узнаешь, как поступит твой отец при встрече, чем тешить себя надеждой или, наоборот, уверять себя в провале.

– Да, ты права.

Поезд мчался сквозь прозрачную ткань оранжевого света, которую роняло на состав вечернее зарево. На душе было спокойно и тихо, и даже отдаленный крик из вагона и последующий смех не вызвали у Марата никакой реакции. Вот только при каждом воспоминании о приближении Омска к его спине присасывалась новая пиявка страха, а в груди пылало приятно-щемящее чувство наступления новой жизни, которое пугало парня и одновременно восторгало его. Он помнил, что сам сознательно пошел на этот риск, и если у него ничего не получится, то во всем виноват будет он сам и никто иной. И он не мог винить Дарину. Абсолютно ни в

чем не мог винить Дарину. Её нет. Есть только он – Марат. И вся ответственность лежит на нём. С этими мыслями Марат вновь провалился в сон.

Состав уже стоял на одном из шести путей вокзала города Омска, когда Марат открыл глаза. Была полночь. Его попутчицы уже спешно собирались, и, судя по шороху и крикам, которые заполняли пространство вагона, остальные пассажиры тоже готовились покинуть транспорт. За окном, несмотря на ночное время суток, то и дело мелькали люди, идущие по своим делам. Проводница, проходя мимо, взглянула на Марата и осмотрела Веру с Лидией Андреевной, потом осмотрела их пассажирские места и затем произнесла:

– Пожалуйста, не оставляем вещи. Пожалуйста, ничего не забываем.

Она двинулась дальше, а Марат спокойно достал сумку с верхней полки, проверил, все ли на месте и уже после улыбнулся женщине и маленькой девочке:

– Спасибо вам за эти пять часов, это было приятное соседство!

Лидия Андреевна на секунду отвлеклась от сумок, улыбнулась в ответ парню, ответив: «Взаимно. До свидания», а потом снова стала что-то доказывать своей дочери, изъясняясь на повышенных тонах. О чем шла речь, Марату было уже все равно, он прошел в тамбур, постоял около минуты и, представив, как Дарина говорит ему: «С Богом» – шагнул

на платформу.

Глава 7

Вокруг была пугающе другая жизнь. Не было старых деревянных домов, не было проселочных дорог – не было деревни. Был огромный ночной мегаполис, который разверзнул свои руки, зазывая в городскую ловушку без возможности вдохнуть хоть частицу свободы. Уже был поздний час, говорящий о том, что звонить по номерам, которые дал ему Григорич, не было никакого смысла, поскольку, по словам деревенского торгаша, это были именно рабочие телефоны зятя и дочери. Ну, что ж... Надо бы что-то предпринять: где-то пересидеть ночь, чтобы завтра с новыми силами попытаться сделать следующее движение.

Марат пересёк здание вокзала и, пройдя через турникеты, оказался на фактической стороне Омска.

– Марик, может, подойти и спросить у таксистов? Вдруг кто-то из них знает, где переночевать за небольшую цену? Или даже, может быть, кто-то знает, где есть какая-то работа?

– Это хорошая идея. Но я думаю, со мной никто сейчас разговаривать не будет. Смотри, какой ажиотаж сейчас у них, сколько народу приехало на поезде. Им не до меня и моих вопросов.

– Тогда нам нужно что-то поесть.

– Да, вот это сейчас первостепенная задача, – прошептал

чуть слышно Марат, почёсывая макушку.

Он огляделся вокруг, внутри здания было всё закрыто. Снаружи горели фонари, билборды, афиши, светофоры... Светились большие окна некоторых магазинов, и Марат догадался, что эти магазины были открыты и работали круглосуточно. Пройдя через небольшую привокзальную площадь, он направился к одному из них, но чтобы к нему приблизиться, нужно было перейти проезжую часть, которая была оживленной даже в столь поздний час. В их городке было всего три наземных перехода с потемневшими от времени светофорами, которые, загораясь красным, давали автомобилям знак «стой», а людям знак «можно идти, но будь бдителен, дураков полно». Для Марата это было в диковинку: здесь же светофоры были большие и чистые, да плюс ко всему, с дополнительным знаком, который загорался зеленым человечком, уведомляя пешеходов, что можно переходить. Он заметил, что по наземному переходу мало кто ходит. В основном, люди спускаются куда-то по лестнице в светлое пространство и выходят из такого же на другой стороне дороги.

– Помнишь, в кино мы видели, как парень играл на гитаре в подземном переходе? Так вот это он и есть. В Майском должны быть такие тоже, – сказала Дарина.

– Да, пойдём туда...

– Тебя он пугает?

– Меня пугает всё новое, а не конкретно подземный пере-

ход. Но я не отступлю перед этим страхом. Это даже забавно – знакомиться с новыми вещами.

– Какой ты у меня молодец!

Если б только она была настоящая... Если б реальная красивая девушка так сказала ему...

Марат подошел к переходу и уже начал было спускаться в эту большую ванную белого света, как его окликнул какой-то грязный старик:

– Эй, Парень! Да-да, я тебе! Ты же псих! Ты больной, ты куда приехал?!

После этих слов бездомный старик противно захихикал. Это было похоже то ли на смех, то ли на кашель. Если есть выражение «мокрый кашель», то это был мокрый смех. Женщина, проходящая рядом, сморщилась и, отвернув голову, покачала головой.

– Чего? – растерянно посмотрел на него Марат.

Бомж неожиданно потерял интерес к парню и, резко развернувшись, побрел в другую сторону, чуть подволакивая одну ногу.

– Странно... – чуть слышно произнесла Дарина.

– Ладно, пошли. Нечего над этим думать. Он сам больной, допился до чертиков. Я таких много видел у нас в деревне...

– Хочешь опять сказать, что деревня не отпускает нас?

– Быть может, она и не отпустит никогда. Может, нужно смириться с тем, что её элементы тем или иным образом все равно будут возникать на пути...

– Я думаю, что это не её элементы возникают на пути. Скорее всего, ты сам видишь эти элементы вокруг себя, проецируя на них деревенскую жизнь. Деревня тебя отпустила ровно тогда, когда ты сел в электричку до Майского. Вопрос в том, готов ли ты сам отпустить её.

– Даринка, если бы ты была реальной девушкой, я бы тебе прямо сейчас посоветовал идти работать психологом!

Она рассмеялась.

– Ой, да кто меня возьмёт-то! Ты же знаешь, я мечтаю сначала отучиться! Да и не на психолога!

– А на кого?

– Я бы хотела учиться на архитектора.

– Всё будет, Даринка, мы всё сумеем! Я буду не я, если не сделаю тебя...

– Нас! – поправила его девушка.

– Если не сделаю НАС счастливыми.

Марат спустился в переход и направился в другой его конец, лавируя между людьми. Их в переходе было немного. Интересно, каково здесь днём? Наверное, не протолкнуться, учитывая, что рядом вокзал, и путники постоянно прибывают и отбывают... Подземный переход был светлым, просторным и чистым, одна лишь лампочка, висящая под потолком в дальней части, судорожно моргала, но это было даже забавно, поскольку говорило о том, что не бывает ничего идеального. Марат прожил жизнь в грязи – среди тракторов, шин, разбитой плитки и потемневшей вагонки. Поэтому даже та-

кая мелочь, как обстановка ухоженного подземного перехода, являлась для него чем-то новым, цивилизованно развитым. И это поднимало настроение. Он прошел сквозь длинное помещение, нарочито огибая столбы и подмечая некоторых бумажки с различными объявлениями – с ними он ознакомится завтра, сейчас его целью была еда из магазина напротив.

Поднявшись из перехода на другой стороне широкой проезжей части, он проследовал к круглосуточному супермаркету и открыл его стеклянную дверь. Изнутри вырвался теплый сквозняк, приятно овеяв парня и подарив ему легкий душевный уют. Он постоял у входа, а потом прошел в глубь магазина, наугад выбирая направление. Марат заметил, что здесь было три кассы. Такое он видел только по телевизору, ведь в его деревне, да и в Пироговске, все магазины были с прилавком и продавщицей, а здесь... Но ничего. Что делать, ему было понятно.

– Марик, пойдем посмотрим какие-нибудь булочки с мясом.

– Да, хорошо бы... А еще купим воды, хлеба и батон дешевой колбасы. Завтра будем питаться бутербродами. Далее что-то придумаем. Так, сколько у меня денег?..

Парень полез в боковой карман сумки, достал содержимое и опешил. Денег было намного меньше, чем он считал, их едва хватит на один день.

– Боже... Меня ограбили...

– Ты уверен?

– Да, точно! Денег намного меньше. Когда мы с тобой считали их в Майском, оставалось...

– Две тысячи...

– Да, вот. А теперь у меня девятьсот с чем-то рублей!

– Что теперь будешь делать? – спросила Дарина, коснувшись его руки. Он был готов поклясться, что почувствовал это прикосновение. Но Дарина была всего лишь его фантазия, он был в этом уверен. Что-то его воображение стало заходить далеко, ибо этот жест девушки он не хотел себе представлять. Это случилось само по себе. Галлюцинация? Она его напугала. Но пусть это будет последствием усталости. Все же, сейчас были переживания и важнее. Поэтому он пока бросил представлять себе эту девушку и сосредоточился на мыслях об исчезновении денег и покупке еды на оставшиеся средства.

«Это, наверное, Лидия Андреевна, соседка по плацкарту... Или, может быть, даже её дочка Верочка... Хотя, вполне возможно, это мог быть и Володя Гусар, и его эта беззубая пассия... Но почему они не забрали всё? Почему какую-то часть оставили?»

Марат купил пластиковую коробку с мясными булочками, небольшую бутылку минералки и двинулся по направлению к выходу. За стеклянной дверью стояли три неприятных, грязных существа (иначе их назвать язык не поворачивался). Два мужичка неопределенного на вид возраста с

красными округлыми лицами – что говорило об алкоголизме – а также одна «мадам» с разбитым опухшим лицом и без зубов. Все они были вусмерть пьяные. Марат попытался их обойти, но не тут то было. Пьяная беззубая баба больным голосом вскричала:

– Парень! Делиться будешь с нами?

– Чем?... – растерянно взглянул на неё Марат

– Да мы видели паря... Пожрать купил! Пузырь купил!

– Мне нечем делиться... Пузырь я не покупал. Это минералка...

– А если мы проверим! – прохрипел второй бомж.

Марат нахмурился.

– Ну рискни!

– Если чё найдем – всё наше! – пропитым баритоном засмеялась баба Яга (так её Марат окрестил про себя).

– Слушайте, вы не на того нарвались, – совсем другим тоном заговорил парень. Это был строго угрожающий, стальной голос, который появлялся у него каждый раз перед назревающей разборкой. Это была часть его. Часть воспитания деревенскими улицами.

Привокзальные бомжи мгновенно стушевались. Они явно не ожидали такого напора от симпатичного парня.

– Э, да ладно тебе... – промямлил третий, он вроде бы был моложе первых двух.

– Уйди.

Марат отодвинул рукой первого бомжа и прошел в проти-

воположную от подземного перехода сторону, вдоль неширокой, слабо оживленной дороги, мимо закрытых офисов и спящих магазинов. Ему нужно было найти какое-то место, где можно было пересидеть до утра.

Глава 8

– Марик, я очень рада, что ты сдержался! Каждая мелочь, сделанная по-новому, меняет тебя, и из этих мелочей, как конструктор, собирается новый человек!

– Твоя поддержка очень важна для меня, милая моя Даринка! Дай мне руку. Ты замерзла? Будь ближе ко мне, давай пойдем совсем-совсем рядом. Позволь мне стать твоим телохранителем и телосогревателем!

– Ой, как интересно! А кем еще ты хочешь быть? – чуть смеясь, спросила девушка, тесно прижавшись к нему и позволив себе провалиться в укромный уют под его могучей рукой.

– Всем, кем только пожелаешь!

Парень шёл в глубь ночного города в поисках пристанища. Он миновал автобусную остановку, отметив про себя, что в крайнем случае можно попытаться пересидеть на ней и, забившись в уголок, возможно, подремать. Но все-таки она была открыта, как на ладони, и даже тень в углу не скрыла бы спящего парня. Один раз мимо Марата прошел, как он понял, патрульный, а может, просто охранник вокзала отлучался по делам. В другой раз прошла женщина на каблуках. Всё это, конечно же, ни о чем не говорило, но зарождало опасение, что его могут обнаружить спящим на остановке и, в лучшем случае, разбудить и прогнать. А могут и задавать

вопросы, которые были ему совсем сейчас не нужны. Именно поэтому он искал какое-то убежище, что скроет его от лишних глаз. Когда тебя не замечают – тебя не существует.

Дарина пыталась снова его вразумить:

– Скорее всего, ты не найдешь ничего похожего на то, что видишь у себя в голове. Ты думаешь, что здесь будет какая-нибудь заброшенная лавочка, утонувшая в тёмном переулке, где никто никогда не бывает?

– Да я всё понимаю, что это было бы слишком просто... Вокзал недалеко, бездомные облюбовали уже все хорошие укромные места.

Кстати. Булочки с мясом. Марат достал из коробки одну и, шагая дальше, сжевал ее, затопив проглоченное двумя глотками минеральной воды. Далее он шел вдоль высокого забора, сквозь прутья которого виднелось какое-то административное здание, освещенное ярким фонарём. Марат заметил, что на территории вокруг этого здания соблазнительно много тенистых уголков, поросших кустами. Только бы перебраться, каким-то образом через этот забор, а утром, перед открытием здания и появления людей, – обратно. Он решил исследовать весь железный частокол на предмет расшатанных прутьев или чего-то, что поможет ему пересечь ограду. Шагая параллельно забору по ночному тротуару, он обнаружил ворота (которые, естественно, были закрыты) и, пройдя мимо них, продолжил изучать железные прутья.

– И на что ты надеешься? – снова заговорила Дарина. –

На то, что какая-то стальная железяка отвалится? И ты свободно пролезешь в образовавшийся проём? Марик, я тебя уверяю – бездомные уже исследовали все заборы в округе.

– Я понимаю это. Но всё же... Чем чёрт не шутит? А так хоть чем-то себя займу, пока длится ночь.

– Что значит «хоть чем-то»? – рассмеялась девушка-фантазия, – а общение со мной тебе уже не интересно?

– Ну, иногда это надоедает... И хорошо, что тебя не существует, потому что если бы я сказал такое реальной девушке, то она бы меня бросила прямо здесь же!

– А может, и не бросила бы! Может, она бы мирилась со всеми твоими заморочками!

– Это с какого перепугу она бы мирилась с моими заморочками?

– Потому что любила бы тебя, дурачок... Мы любим тех, кого не понимаем, и мы искренне делаем вид, что всё давно поняли, потому что любим.

Вскоре он обнаружил небольшой заросший промежуток между окончанием забора и граничащим с ним зданием музея. Здесь, среди кустов и травы, валялось много мусора, а чуть далее, притираясь к боковой стене музея, росло дерево, что оплетало своей ветвистостью прутья знакомого железного частокола. Это шанс. Марат в силу своего спортивного телосложения легко мог взобраться на вершину при помощи этого дерева и прыгнуть внутрь. Но была проблема в том, как это сделать потом обратно. Ну ладно, есть надеж-

да, что когда утром ворота откроются, ему удастся незаметно вышмыгнуть с территории. Благо, кустов для перебежек вокруг полным-полно. Он затянул лямку своей спортивной сумки ту же, надев её через голову, и без труда перемахнул на внутреннюю сторону, чуть оцарапав плечо.

– Ох, Марик, отряхнись!

– Угу, спасибо.

– Не бубукай! Все хорошо! У нас всё получается! – весело щебетала Дарина.

– Будет забавно, если вдруг здесь какой-то сторож или охранник, вдруг меня увидит и погонит прочь.

Марат присел за кустом, огляделся – вроде тихо. Пробравшись в тень чуть далее и оценив окружающую обстановку, он понял, что место довольно удобное. Если и есть какой-то охранник, то он не пойдет сквозь бурелом проверять, есть ли чужой на территории, а издали парня можно было заметить только в том случае, если бы он встал в полный рост (чего он делать не собирался). Он достал сложенное в сумке небольшое одеяло, постелил его на предварительно примятую им траву и растянулся на нём, положив руки под голову.

Звезды рассыпались по небесной ночной глади, подмигивая всем, кто на них смотрит, тем самым убеждая людей, что они не одиноки.

– Иди ко мне, ложись рядом, смотри, как красиво! Смотри, какие звезды!

– Так ведь мы же с тобой миллион раз смотрели на звезды,

Марик. Они всё такие же.

– Нет, не такие. То были деревенские звезды. А это городские – они совсем другие. Смотри, видишь? Как называется это созвездие?

– Созвездие Водолея.

– Правильно, видишь, оно совсем не такое, как в нашей Ивановке.

– Да, не такое...

– Всё это – созвездия мегаполиса, и они говорят нам о том, что нет ничего невозможного. И нужно смотреть в будущее, ощущая его каждым сантиметром своей кожи, – мечтательно говорил Марат.

Дарина уже уснула, прижавшись к нему, и тихо посапывала. Каждый её выдох отдавался теплом на его груди, и каждый её вдох придавал ему уверенности, что ради неё он делает всё.

Утро прокралось между рядами домов, заполняя собой пустые дворы и оживленные проезжие части. Солнце раскрывшимся бутонем радостно озаряло туманные силуэты города, разбрасывая по всей округе искорки ярко-золотистых бликов.

Отдалённый лязг разбудил парня. Он выглянул из кустов и увидел, что охранник (а он всё-таки есть) раскрывает ворота и впускает какой-то небольшой грузовичок. Судя по этому событию, сейчас, должно быть, около 8-9 часов утра. Ма-

рат встал на колени, чтоб его не было видно, отряхнулся и сложил одеяльце в сумку. Пора. Он стал пробираться к воротам, перебегая от одного куста к другому; машина скрылась где-то на территории, и охранника тоже не было видно. По идее, путь свободен. Осталась последняя перебежка до куста неподалёку от ворот, и она оказалась самая длинная. Если его все же заметят, то это будет очень подозрительно, вызовут полицию, забьют тревогу. Нет, он пройдет торопливым шагом, будто бы зашёл не туда и опять уходит.

– Эй, парень!

«Так и знал!» – подумал Марат.

– Так и знала! – чуть слышно воскликнула Дарина.

– Парень! Ты чего забыл здесь? – к нему спешно приближался охранник. Он был крепенький малый, пусть и на голову ниже Марата. Конечно, не хотелось бы применять силу, но Марат был уверен в том, что смог бы одолеть противника, если бы того требовала ситуация. Да, может это было бы и не так, кто знает. Но главное – это уверенность. Уверенность в себе и своих силах рождает страх у сильнейшего.

– Извините. Я заблудился...

– В смысле, заблудился? Что ты ищешь?

– Эмм... Договорился встретиться... Друг работает где-то здесь... Я ему обещал кое-что отдать утром. Я, наверное, не туда зашёл.

– Странно... Друга как зовут?

– Павел Лизин, – назвал Марат своего знакомого из де-

ревни.

– У нас такого нет. Попрошу освободить территорию.

– Да-да, я уже понял что это не то место. Я уже ухожу! – спешно проговорил Марат и быстро зашагал прочь. Охранник все это время стоял на том же месте и смотрел ему вслед, пока Марат не скрылся за забором.

Дарина хохотала.

– Ну ты и шпиён! Тебе надо быть агентом разведки!

Марат смеялся вместе с ней – да, ночлег удался. Этот этап квеста пройден.

Он спустился вниз по улице по направлению к вокзалу, прошёл мимо вчерашнего магазина, а затем проследовал к подземному переходу. Это был совсем не тот ночной, сравнительно тихий подземный переход. Сейчас он был переполнен: каменное жерло глотало и выплевывало человеческую массу, спешащую по своим насущным делам. Марат спустился в него, непривычно поёживаясь от огромного количества людей, которые шли бок о бок. Он останавливался у каждого подземного столба, но, изучив все листки с объявлениями, понял, что здесь нет ничего, что бы могло его заинтересовать.

Таксисты. Ему нужно к таксистам.

Глава 9

Солнце уже палило во всю силу, когда Марат подошел к небольшой площадке напротив входа в здание вокзала. Здесь обосновались таксисты. Он долго высматривал, выбирая среди них жертву, которой он задаст свои вопросы. Главное, чтобы водитель был дружелюбный, а не грубый – с таким вероятностью найти общий язык более велика. Ему приглянулся усатый мужичок, который вечно посмеивался над всеми и шутил. Марат считал: юмор – это ключ к взаимопониманию. Усатый заметил, что на него смотрят, и крикнул Марату:

– Парень! Куда тебе? Поехали, у меня недорого!

Его резко оборвал один из его так называемых коллег, что стоял рядом. Это был кавказец:

– У ниво дорога, брат! Давай саа мной! Далико?

– Да я, вообще-то, по другому вопросу. Мне не нужно никуда ехать.

– Ааа, ну тагда чё ты тут забыль? Давай пррахади дальше!

– Погоди, Бага! Пусть скажет! Чего ты сразу грубишь ему!

Усатый мужичок подошел чуть ближе к Марату; видно было, что он расположен к общению и готов помочь. Остальная группа таксистов стояла чуть поодаль и не обращала на них внимания, рассказывая друг другу анекдоты и смеясь над несмешными шутками; и каждый из них искал своего

клиента среди людей, выходящих через вокзальные двери.

– Чего ты, парень? Заблудился?

– Да нет. Есть пара вопросов. Вы здесь всё знаете, может, подскажите...

– А чего у тебя штаны-то зелёные? – рассмеялся вдруг усатый. Марат взглянул на свои колени и действительно – они были зеленоватые. Джинсы испачкались об утреннюю росистую траву, когда Марат стоял на коленях, прячась за кустами.

– Ой...

– Ты где лазил, паренёк? – продолжал хохотать таксист.

– Неважно, – сказал Марат, махнув рукой, а затем продолжил: – Не подскажите, где можно недорого снять комнатку?

Он произнёс это, сам не веря в свои слова. В его сумке сейчас всего полтысячи или около того. Этого хватит на одну ночь, а ему ведь надо что-то есть. Судя по всему, первое время ему придётся ночевать где-то на улице, пока он не найдёт работу, и у него не появятся деньги. Разумеется, в мечтах всё было очень просто, но, столкнувшись с реальностью и со всеми её сложностями, стало понятно, что его ожидают те ещё камни преткновения, которые уж точно не облегчат его путь.

– Здесь отель есть небольшой рядом.

– А дорого, не знаете? – для проформы спросил Марат.

– Ну, рублей пятьсот за ночь... Тут хостел есть, кстати, недалеко, там студенты, рабочие живут! Если денег у тебя не

особо, что я и наблюдаю, глядя на зеленые джинсы, – опять захохотал мужик, – то, можно туда наведаться – там за койку ты заплатишь рублей сто пятьдесят.

– За ночь?..

– Я всё отдам за ночь с тобооой, – пропел усатый, хохоча.

Марат улыбнулся.

– Вас как зовут?

– Евгений! Будем знакомы! Тебе точно никуда не надо ехать? Нет? Слушай, пока я тут лясы с тобой точу, Бага, смотри, уже двух повёз. Хитрый Кавказ...

– Простите, я сейчас уйду, мне только нужно проконсультироваться... Я Марат.

– Да чё ты мямлишь то так заумно? Ты ж деревня, я тебя насквозь вижу! Говори по-простому! Я тебе не друг папы, чтоб ты со мной выкал. Я Женя, ты Марат. Всё! Какие еще вопросы? – отчеканил таксист и опять заразительно рассмеялся.

– Ну, ты меня старше лет на тридцать, мне неудобно незнакомого сразу так...

– Опять мямлит... Ладно! Тогда я друг папы! «Дядя Женя» тебя устроит? – и вновь этот заразительный смех, который оставлял в душе частичку позитива.

Вдруг его хохот резко прекратился, и Женя-таксист уже вполголоса проговорил:

– Слушай, Марат, давай-давай в темпе, мне правда некогда.

Группа таксистов, к этому моменту на половину сократилась.

– Жень, слушай, помоги, подскажи... – Марат решил ему открыться. – Я приехал почти без денег, хочу найти работу, обосноваться здесь.

– Ооо, ещё один покоритель Омска! – он усмехнулся и показал куда-то в сторону. – Пройдись, осмотришь, тут таких «покорителей» пруд пруди!

Парню это не понравилось.

– Я – это не они. У них нет того, что есть у меня!

– А что такого есть у тебя?

– Уверенность и упёртость. А также есть человек, ради которого я готов на всё.

– А-а! Вон оно что! И где эта девочка?... Это *девочка*?

– Девочка, девочка... – раздраженно буркнул Марат.

– Ладно, слушай, я не знаю чем тебе помочь, но могу дать наводку или совет. Ты, я вижу, парень крепкий. Попробуй устроиться куда-то охранником, что ли... Походи, поспрашивай по магазинам, зайди на вокзал... Во, слушай! – встрепенулся Женя-таксист, – Мне Ира, продавщица, не так давно рассказывала, что к ней зачастила какая-то женщина в погонах. Видно, работница вокзала. Может, это какая-то начальница охраны...

– Женщина – начальник охраны?

– Ну, а почему нет? Она ж сама не охраняет, ей силушка богатирская не нужна! – снова рассмеялся Женя.

– А где мне найти эту твою Иру-продащицу?

– Блин, я, если честно, внутри сто лет уже не был. Я её недавно подвозил до дому, она мне и рассказала... А так мы с ней давно знакомы, но в каком именно месте она стоит, я и не знаю... – смущенно потупился таксист.

– Ладно. А как её по имени отчеству?

– Ирина Олеговна, вроде...

– Может Ирина Аллегрова? – пошутил Марат.

– Точно! Ха-ха! – снова захохотал Женя.

– Ладно, спасибо, Жень, – улыбаясь, пожал ему руку Марат, – не буду отвлекать тебя от работы! Пойду...

– Заходи, если что, – изобразил таксист волка из известного мультфильма и, снова рассмеявшись, направился к заметно поредевшей группе коллег.

Глава 10

Прежде чем отправиться на поиски продавщицы Иры, Марат решил позвонить по телефонным номерам, указанным на импровизированной визитке. С самого утра он думал о том, что нужно сделать эти звонки, да и Дарина периодически напоминала об этой карточке, покоящейся в заднем кармане. Купив несколько жетонов, он направился к таксофонам.

– Марик, и что же ты будешь говорить?

– Не знаю, Даринка, буду импровизировать... Прежде всего, скажу про Григорича. А дальше разберёмся.

– Только не психуй и не груби. Я знаю, как ты не любишь ГАИшников.

– А, ну да... Зять Григорича же...

– Да-да, – ехидно улыбнулась девушка.

– Ладно, поживем – увидим...

Но парню не пришлось никому грубить или, наоборот, сдерживаться, поскольку никто не ответил ни по одному из этих телефонов.

– Ничего, будем звонить каждый день.

– Марик, не переживай. За неудачей может последовать и удача. Важно не упустить эту птицу, крепко ухватив за хвост.

Марат зашёл внутрь здания вокзала. Магазины и киоски были на каждом шагу, более того, вокзал состоял из

трех этажей и из основного зала было видно, как передвигаются люди находящиеся выше. Там, скорее всего, тоже можно было найти что-то. Обойдя всё здание и осмотрев всех продавцов, Марат и его воображаемая девушка решили, что начальница охраны (или кем бы она ни была) не может зачастиль в сувенирную лавку или в магазинчик мягких игрушек, где продавцами были женщины. Оставалась аптека и киоск с незамысловатым названием «Горячие пирожки». Скорее всего – второе.

Он приблизился к прилавку «Горячих пирожков» и ощутил сладостный аромат, который заполнил всё его существо и заставил живот недовольно урчать, требуя дать ему данное съестное. Но парень взял себя в руки. Женщине за прилавком было около пятидесяти лет, светлые волосы чуть выбились из под белого кондитерского колпака, а спереди красовался огромный красный фартук.

– Добрый день, извините, пожалуйста, вас случайно зовут не Ирина Олеговна?

Продавщица повернулась и оценивающе посмотрела на Марата. Он понял, что она испугалась: крепкий неопрятный парень, который ей совсем не знаком, спрашивает имя.

– Да, это я.

– Простите, если напугал! Мне посоветовал обратиться к вам Женя таксист...

Продавщица его перебила:

– Молодой человек, я не знаю никакого Женю таксиста.

вы брать что-то будете?

– Нет, я просто хотел спросить...

– Молодой человек. Мне правда некогда с вами что-то обсуждать. У меня клиенты, покупатели. Люди хотят кушать!

– Ирина Олеговна! Ну помогите! Подскажите... Ну я совсем почти без денег... Мне очень нужна работа! Женя меня обнадёжил, что я могу устроиться охранником.

– Молодой человек, не нужно повышать голос.

– Простите... Я от отчаяния.

Марат провел ладонью по щеке, потупив взгляд. Во взгляде продавщицы что-то изменилось, она как будто прониклась сочувствием к парню, а быть может, это была даже симпатия.

– Что таксист тебе сказал? – вдруг спросила женщина в фартуке.

– Женя сказал, что к его знакомой часто заходит начальница охраны вокзала и что я мог бы в непринужденной обстановке с ней поговорить...

Продавщица пристально посмотрела на Марата, затем окинула взглядом его одежду, но промолчала.

– Ир! Что тут у вас происходит? – вдруг послышался женский голос позади, который излучал авторитетность хозяйки.

Парень обернулся. Перед ним стояла женщина 45-ти лет, ниже на голову, с короткими крашеными в бордовый цвет волосами и взглядом, полным уверенности. Она была в фор-

ме, на плечах погоны.

«За неудачей может последовать и удача. Важно не упустить эту птицу, крепко ухватив за хвост»

– Да вот... Какой-то непонятный парень, весь обшарпанный и грязный. Хочет поговорить с вами...

– Со мной? У меня вообще-то обед. Ир, дай мне несколько вот этих, – сказала начальница, указав рукой на прилавок.

«Обшарпанный парень» спокойно заговорил:

– Послушайте, я не собираюсь жаловаться, если вы подумали об этом.

– Молодой человек! Вы меня слышите? У меня обед!

– Я хочу работать у вас охранником.

Женщина рассмеялась. От этого смеха Марат почувствовал небольшой укол стыда, но тут же усилием его подавил.

– Не смотрите, что я испачканный, я найду новую одежду. Я готов работать уже сегодня.

Женщина повернулась к нему и осмотрела с ног до головы, её взгляд чуть задержался на крепких плечах Марата, а затем снова устремился на прилавок киоска, ощупывая соблазнительность горячих пирожков.

– Вы упёртый! Я же вам четко сказала... – в её тоне ощущались нотки заинтересованности.

Марат её перебил:

– Да. Я упёртый.

Она улыбнулась.

– Хорошо, поднимитесь по той лестнице, найдёте меня

в кабинете в конце коридора. Если есть возможность переодеться, пожалуйста, сделайте это. Лицензия есть?

– Нет.

– Ладно, это не страшно. Крепкие люди нам нужны. Приходи через час – поговорим.

– Спасибо за проявленное терпение и...

– Слушай, только давай без вот этого? Будь собой. Я вижу, что ты «деревня». Вежливость тебе не к лицу.

Марат проводил взглядом женщину с бордовыми волосами и, повернувшись к продавщице пирожков, спокойно произнес: «Спасибо». Та уже не обращала на него внимания и занималась своими делами. Парень пожал плечами и с приподнятым настроением, шутя и веселясь со своей девушкой, направился на улицу. Переодевшись в одной из кабинок биотуалетов, что находились на площади перед вокзалом, он вышел снова на солнцепёк и приблизился к одному из автомобилей. Взглянув на отражение в боковом стекле он увидел себя и Дарину, которая стояла рядом и осматривала его с ног до головы. Это снова его напугало. Его фантазия все чаще и чаще стала проявляться в виде галлюцинаций. С момента приезда в Омск. это случалось уже несколько раз. Но Марат взял себя в руки, сославшись на резкую смену обстановки и эмоционального фона. Это пройдёт. Нужно просто не обращать внимания.

– Ну не так плохо, Марик, – весело сказала она.

– Ладно, будем надеяться, что мою работоспособность не

оценят по моей одежде.

– К сожалению, люди всегда оценивают опрятность человека, даже если это на самом деле неважно.

– Думаешь?

– Это происходит на подсознательном уровне. «Приятен ли он мне», «способен ли я общаться с ним не испытывая недоброжелательность», пусть даже человек с ним и не планирует встречаться в дальнейшем. Слышал выражение «встречают по одежке»?

– Да, конечно. Всё-таки ты думаешь, это играет роль?

– Конечно. Особенно при принятии на работу. Но этой женщине понравилась твердость и упорство, которые ты проявил. Ну и плюс...

– Ну и плюс – крепкие руки Марата, да?

Дарина захохотала:

– О да! Именно они! Ты заметил как эта охранница тебя оглядела? Ухх, какой мужчина, подумала она!

– Давай без ревности! – вторил её ироничному тону парень.

Ему оставалось еще около тридцати минут до назначенного времени. Он походил по магазинчикам, зашёл в «Сувениры» и даже зашел в аптеку. Для Марата оказалось странным, что на вокзале – этом месте встреч и разлук – не продавались цветы. Казалось, что может быть удобнее – купить здесь же цветы и подарить прибывшему родственнику. Но, видимо, здесь была своя история и своя нюансы.

Поднявшись по той самой лестнице, он направился к кабинету в конце коридора. В самом коридоре никого не было, но, когда Марат сделал несколько шагов, дверь перед ним открылась, и из неё вышел плотного телосложения машинист (во всяком случае, он так думал, что это он) и прошел мимо, на секунду вскинув на парня взгляд.

– Молодой человек, вы кого ищете? Сюда вообще-то нельзя! – услышал Марат позади, прошагав еще несколько шагов. Видимо, дядя-машинист всё-таки решил обратить своё внимание.

– Ну... Я вообще-то на собеседование. Я не знаю, как зовут женщину. Но она меня пригласила...

Дверь дальнего кабинета открылась, оттуда вышла та самая женщина в погонах и позвала Марата, затем скрылась внутри, оставив дверь приоткрытой. Машинист безразлично отвернулся и пошел по своим делам. Парень быстро дошел до открытого кабинета, ощущая некое воодушевление, и вошел внутрь.

Глава 11

Кабинет начальницы охраны представлял из себя хорошо оборудованную комнату, в которой было множество излишеств, совсем ненужных, как показалось Марату. Здесь был аквариум с золотыми рыбками, лосиные рога на стене, трофейная сабля, массажное кресло и даже небольшой бар в дальнем углу. Вся обстановка этого помещения говорила о высоком достатке хозяйки. За счет чего (или кого) так поднялась дама, сидящая напротив, парню оставалось только догадываться.

– Хочешь подработать?

– Да.

– Меня зовут Арина Николаевна. Это всё, что тебе нужно знать обо мне. Значит, смотри... В чём заключается работа. Нам нужны люди, контролирующие порядок на вокзале. Здесь, может, ты уже заметил много бездомных. Некоторые напиваются и пристают к людям, клячат деньги и ведут себя неподобающе. Также нередко случаются конфликты между ожидающими пассажирами...

Марат, не перебивая, слушал и только кивал в знак понимания. Арина Николаевна продолжала излагать все нюансы предстоящей трудовой деятельности, из которых он узнал, что работать нужно посменно с шести утра до шести вечера, с понедельника по пятницу, а в выходные заступает другая

группа.

– А обед?

– Не предусмотрен. Придётся терпеть до шести.

– Весь день на ногах и без обеда?

– Можешь отказаться и не работать.

Парень промолчал. Суровые, конечно, условия. Но ничего не поделаешь... Он справится.

– Всех бесчинствующих усмирять. При этом стараться не сделать больно. Главное – контроль. Нам важно спокойствие пассажиров. Это понятно?

– Да.

– Пятьсот рублей придётся отдать за форму. Там ничего особенного – простые брюки и простая рубашка с эмблемой. И дадим бейджик.

Ещё и форму чуть ли не на последние деньги...

– Устраивает такая работа?

– Я не могу ответить да или нет, не узнав самое основное, – сухо сказал Марат.

Женщина сурово на него посмотрела, а затем, странно покашливая между словами, недовольным тоном поведала ему:

– Хорошо, об оплате... Выдаётся два раза в месяц. Если ты заступаешь уже завтра, то первую оплату получишь уже меньше чем через 10 дней.

– Меня это устраивает. Я готов.

Арина Николаевна взяла у него пятьсот рублей и паспорт

для оформления, пообещав вернуть документ завтра на планёрке, а вместе с ним и выдать форму.

– Всё. Не опаздывай. Далёко живёшь?

– Эмм... Недалеко.

– А по твоему виду точно можно сказать, что по подворотням ночуешь.

Марат чуть подумал и соврал:

– К сожалению, родственники, к которым я приехал, были в эту ночь не дома, а прибыл я поздно ночью. Решил дождаться утра и, дабы не терять времени, сразу попробовать устроиться. Хотел пройтись по магазинам, поспрашивать...

– В магазин охранником тебя никто не возьмет – там строго. Там нужна лицензия. У тебя её нет.

– А у вас, значит, можно без лицензии? И вы даже не спросили у меня трудовую книжку...

Женщина посмотрела на него твёрдым взглядом.

– Тебе работа нужна? Не задавай лишних вопросов, – сухо отрезала она.

Марат, поблагодарив свою теперь уже начальницу, вышел из кабинета и спустился в зал ожидания. Люди спешили по своим делам, не замечая никого вокруг. Казалось, ничто не может их отвлечь от насущных мыслей, что терзали их головы. Каждый человек был поглощён своим собственным миром, безразлично наблюдая за вокзальной жизнью как за неким фоном их собственной реальности.

– Ты молодец, Марик! Я так рада!

– Радоваться-то особенно нечему. Ты посмотри, какие условия! – хмуро сказал Марат, представляя, что идёт по залу за руку с Дариной и рассказывая ей о прошедшем собеседовании.

– Условия как раз для таких сильных духом парней, каким являешься ты! Плюс в том, что после такого ты станешь сильнее!

– Не хотелось бы, начинать с такого своё развитие в мегаполисе.

– Прекрати! Смотри, как тебе повезло! Помнишь, что Женя-таксист говорил? Покорителей города Омска здесь очень много, которые никуда не смогли устроиться. И которые до сих пор живут на улице.

Марат поджал губы. Но он прекрасно понимал, что ему повезло с телосложением, благодаря которому он в первый же день нашел работу.

– Ладно. Всё же это хорошо, что так получилось. И я рад, что ты со мной, моя Даринка!

– Вот! Вот этот Марат – всем Маратам Марат!

– Перестань! – хохотнул парень. Но этот хохот вышел немного нервным. Опять что-то происходит не то. Что за «всем Маратам Марат»? Он бы не стал представлять себе такую глупую фразу.

– Чего ты? – испуганно спросила Дарина.

Галлюцинация. Это чёртова галлюцинация! Почему она так часто стала проявляться? Привычка воображать эту де-

вущку зашла слишком далеко.

Он выбрал свободное сидение – такое место, чтобы по бокам не было соседей – и присел на тёмную сеточку этого стального кресла.

– Ну что, придётся ночевать опять где-то на улице, – задумчиво сказал он.

– Скорее всего, Марик. Ну, ты же знаешь, что я с тобой рядом, – ласково пропела его фантазия. На этот раз Марат знал, что это именно его воображение и, успокоившись, прижал её к себе, представляя её тепло и шелковистость волос.

Весь день Марат гулял по городу, не уходя далеко от вокзала: зашёл в парк, побродил по его территории, посмотрел на фонтан; посетил местный рынок, хотя ввиду отсутствия денег быстро его покинул; и даже зашел в кинотеатр и посмотрел афиши с новыми кинокартинами. Во второй половине дня он вернулся к вокзалу и понаблюдавал за своими коллегами, чтобы быть в курсе, с чем примерно ему придется столкнуться, работая завтра днём.

Дарина, слава богу, молчала. Он представил, что она осталась в парке, и будто бы познакомившись с какой-то мамашей играла там с детьми. Парень догадывался, что эти внезапные галлюцинации можно контролировать, убеждая себя в том, что сейчас девушки нет рядом и она где-то в другом месте.

Выйдя на улицу и приблизившись к площадке для авто-

мобилей, он увидел Женю и приветственно махнул ему. Тот ответил на приветствие и подошёл к парню.

– Ну что, зачарованный странник, – как всегда, сквозь смех, сказал Женя, – как дела у тебя?

– Нашёл я твою Олеговну. И даже встретился с Ариной Николаевной.

Марат не стал рассказывать всех подробностей встречи, а лишь поведал Жене о том, что устроился охранником вокзала и с завтрашнего дня заступает на работу. Таксист очень обрадовался:

– Ооо! Значит, помог я тебе!

– Спасибо, дядя Женя! За идею, за подсказку, за доброту твою и за этот постоянный смех, что поднимает настроение! – широко улыбаясь, сказал Марат.

– Я дам тебе «дядя Женя»! – весело ответил усатый таксист.

– Слушай, ну а бывают у вас здесь на площадке какие-то инциденты?

– Конечно, бывают! Мы ж такси, мы грызём друг другу глотки за право быть первыми!

Марат не смог удержаться и тоже засмеялся. Очень уж заразительным был смех у Жени.

– Ладно, спасибо, дядя Жень, увидимся!

– Я тебе дам «дядя Жень»!

Нужно где-то переночевать сегодня. Близятся сумерки, а

Марат до сих пор еще не нашел для себя места. Возвращаться ко вчерашнему зданию нельзя, охранник его уже знает в лицо. Если только попробовать таким же способом попасть на территорию парка, который, судя по табличке у входа, закрывался на ночь. Но он находился примерно в трех километрах от вокзала. Учитывая, что парню нужно быть на планёрке в полшестого утра, то ночуя в парке он сильно усложнял бы себе жизнь. Нет, это не то. Тем более, скорее всего чуть позже начнется дождь, о чём говорили собравшиеся тучи, а крышами в парке были только кроны деревьев, которые являлись однозначно плохим укрытием. Нужно искать место возле вокзала. А может и внутри, прикинуться ожидающим пассажиром и спокойно подремать.

Он снова устроился на сиденье зала ожидания.

– Марик, я здесь! – представил он голос Дарины. Да, он, соскучившись, вообразил, что она вернулась.

– Привет, Солнышко! Всё в порядке?

– Да, всё хорошо. Ты нашёл нам место для ночёвки?

– Я ещё думаю... Хорошо, что тебя нет, Даринка! – вдруг развеселился он. – Я бы ни за что не позволил моей девушке превратиться в бомжиху!

Дарина с шутливым укором смотрела на то, как Марат смеётся, а на губах её играло обещание улыбки.

– Ну да, я бомжиха, и что? Разлюбишь меня? Я вообще-то это ради тебя делаю!

– Ну всё-всё, иди ко мне! Дай обниму тебя, бездомная ты

МОЯ...

Здесь Дарина уже захохотала вместе с Маратом.

– Когда к тебе придёт успех, мы с тобой будем вспоминать, что когда-то ночевали на вокзале.

– Ты все-таки веришь, что успех придёт?

– Вне всякого сомнения!

– Я тоже в этом уверен. А знаешь, почему?

Дарина вопросительно подняла брови.

– Потому что со мною ты.

– И я всегда буду с тобой.

Последнюю фразу он услышал наяву. Будто бы действительно девушка сидела рядом. Но он знал, что реальный звук голоса – это мнимая игра мозга. И в этот раз она его не испугала. Быть может, нужно просто привыкнуть. Скоро всё наладится. А если нет, то он уже избрал способ, как избавиться от этого самовольно возникающего образа. Нужно представить, что Дарина от него уезжает, покидает, бросает... И тогда галлюцинации прекратятся. Но он слишком полюбил свою мечту.

Глава 12

В плечо кто-то пихнул.

– Слышь, молодой! Здесь нельзя спать.

Марат открыл глаза и увидел перед собой одного из коллег ночной смены. Мужчина был не столько крепок телом, сколько крепок духом, и на возрастном лице его отражалась непоколебимость.

– Я жду поезд, – проговорил Марат хриплым после сна голосом, – если это зал ожидания, то я решил вздремнуть, ОЖИДАЯ свой поезд.

– Кому ты заливаешь? – чуть повысил голос охранник. – Ничего ты не ожидаешь!

– Вы в этом уверены?

Марат чувствовал, как внутри него нарастает раздражение.

– Скажи, какой поезд, во сколько отходит, и покажи билет. Если всё в порядке, то спи дальше, – спокойно сказал вокзальный секьюрити.

Марат потупился и не ответил. Что ж, об этом он не подумал.

– Давай, парень, выходи... Нечего тут. Умные слишком... Негде спать? Иди знакомься с бомжами, они тебя в раз научат...

Выйдя из дверей, Марат обнаружил, что дождь чуть при-

тих и уже мелко моросил, окропляя мелкими капельками площадь вокзала. Ночь поразительно отличалась от той, что была здесь вчера, когда он только прибыл. Фонари, билборды и афиши всё так же освещали город, но этот свет не был приветливым. Он отдавал серостью, грустью и тоскливой обыденностью, которая притупляла чувство восхищения перед чем-то неизведанным.

По всей видимости, на небольшом привокзальном псевдопарке, перед фасадом здания, который состоял из клумб, дорожек и отрезков земли, поросших травой, тоже периодически ночевали бездомные... Но не сегодня. Сегодня был дождь. Парень решил пройти к краю продолговатого вокзального корпуса в надежде обнаружить где-то там закутки под крышей или что-то вроде этого. Но единственное, что он нашел – это узкий проулок между зданиями, в котором увидел длинную вереницу «покорителей мегаполиса», сидящую вдоль одной из стен. Крыша над ними выступала где-то на метр вперед, поэтому если подобраться, то струи дождевой воды будут ровно перед тобой, но не на тебе. Вот так бездомные, видимо, здесь и ночевали во время осадков. Был слышен храп, шуршание по крыше морозящего дождика и едва слышимые разговоры среди ночующих.

– Ооо! Я тебя узнала, паря! – послышался громкий пропитый голос, в котором Марат узнал ту самую бомжиху Бабу Ягу.

– А ты чё здесь забыл? – прохрипел один из её дружков.

Марат собирался с мыслями. Он не готов был сразу заявить, что теперь фактически является одним из них.

– Ты смотри! – вдруг захохотала Яга. – Ты ищешь, куда пристроиться поспать? Иди ко мне, я тебя приласкаю! Вместе поспим!

Парню стало противно. Бомжи заржали, и акустика окружающих стен усилила звук. Те, кто спал, уже, скорее всего, проснулись.

Он повернулся было уходить, когда услышал:

– Деньги есть? Полтинник давай, и я тебе уступлю своё место.

– Перебьёшься, – бросил Марат в глубину проулка.

– Ты чё такой борзый то, паря? – спросил один из них.

– Какой есть.

– Ты в гостях! И нечего тут дерзить!

– Мы все здесь в гостях, – ответил Марат, – это и не ваше место и не моё, а государственное.

И снова раздался всеобщий смех, усиленный звукоотражением.

– Ладно, иди рядом с Герой садись. Только он храпит... Будешь значит терпеть. Пожрать есть чё?

Марат достал коробку с мясными булочками – вторую со времени приезда – в которой оставалась одна штука.

– Вот, угощайтесь, всё что есть.

– Так ты незлой, оказывается! – прогудела опять беззубая баба.

– Заткнись, Валюха! – прохрипел кто-то чуть далее. – Иди сюда, парень. Ты у нас новичок, да? Садись, скоро начнётся опять сильный дождь. А тут хоть как-то скрыться можно.

Новичок двинулся на голос. Проходя мимо сидящих у стены бродяг, он мельком оглядывал весь контингент. Здесь были и молодые, которые молчали и хмуро глядели в лужи, злясь, что их разбудили, и пьяные одутловатые товарищи, были и постарше, но присутствовали так же и старики. Всего Марат насчитал четырнадцать человек. Все они сидели в одну длинную шеренгу, но все-таки старались быть несколькими группами, притискиваясь друг к другу поближе. И только старик в конце был один. Вероятно, он и являлся хозяином голоса, звавшего к себе. Рядом с ним место пустовало.

– Меня все дядей Герой кличут, – сказал старик, когда Марат присел рядом с ним, скрывшись под козырек от морозящего дождя.

– Марат, очень приятно.

Бомжи уже не обращали внимания на пришедшего парня. Кто-то вновь спал, кто-то едва слышно переговаривался, а кто-то неприятно туберкулёзно кашлял. Здесь была своя атмосфера общего нищенского разума, которая впитывалась под кожу даже тому, кто обездоленным себя не считал.

– Ну и какими судьбами ты здесь? – спросил дядя Гера. Он сразу расположил к себе и не был так противен, как остальные. На нём был старый потёртый свитер, на голове совсем

истрепанная бейсболка с орлом и надписью USA, седая отросшая щетина и старые джинсы, которые были заметно велики. Чувствовалось, что эту фигуру все здесь уважали.

– Решил сменить прописку, – ответил Марат.

– Охохо... Уехал, значит, из дома, чтобы жить на вокзале?

– Это первое время. Быть может, всего несколько дней.

Посмотрим.

– Я сразу вижу – ты парень хороший. Ты не обижайся на Валюху и остальных... Они просто жрать хотят и выпить, – старик закричал старческим смехом.

– Я и не обижаюсь. Они просто не знают, с кем связываются.

– А ты у нас кто – спецназовец?

– Нет, просто...

– Просто умеешь постоять за себя.

– Ну да, наверное... – смутился парень. Он почувствовал, что дядя Гера улыбается.

– Тебе бы охранником сюда. Вон какой крепкий...

– Ну так я и...

– Ох! Вон оно что! А Аринка то время не теряет! Сразу с поезда к себе, да?

– Нет, я сам попросился...

– Сам так сам. Ты держи ухо остро с ней...

– А вы знаете Арину Николаевну?

– Давно друг друга знаем. Давно...

Марата удивило то, что дядя Гера был знаком с начальни-

цей охраны. Не все так просто оказывается на вокзале Омска.

– Ты к правильной группе пришел. Мы тебя примем, будешь с нами. Но будь осторожен с группой бездомных, во главе которых персонаж по кличке Буля. Если им сделаешь плохо во время работы на посту, то отомстят первой же ночью.

– Так может не говорить, что я с вами?

– Всё равно разношают. Здесь все про всех знают.

– Ну ничего, я справлюсь.

– Смотри-ка какой уверенный! – воскликнул старик.

Марат со вздохом проговорил свою излюбленную фразу:

– Какой есть.

Как ему нужна была сейчас Даринка. Её советы, её ласка, её смех. Уходя с вокзала, он представил, что девушка осталась в зале ожидания. Как будто бы охранник не обратил внимания на девушку, а Марат вроде её не знает. Всё это сделано было ради того, чтобы Дарина не проявлялась в виде галлюцинаций и не вела себя произвольно здесь, рядом с этими грязными людьми. Но он скучал по ней. Он очень хотел вообразить, как она приходит, садится рядом, а он заботится о ней и укрывает её. Но нельзя. Не хотелось, чтобы новые знакомые сочли его шизофреником. Хотя, с другой стороны, плевать на этих «друзей» и что они там думают о нём. Однако не хотелось бы выглядеть неадекватным именно перед стариком, имеющим в этом кругу безграничное уваже-

ние – дядей Герой.

– Ты откуда сам будешь-то? – спросил старик.

– Издалека. Город Майский знаете?

– Слышал.

Марат подробно рассказал расположение, откуда приехал.

– А что не устраивало там, в своей деревне?

– Всё. Я чувствовал, что это не моя жизнь.

– Эх... А я бы лучше жил в деревне и ухаживал за скотиной, чем вот это... Но стар я. Привык уже быть здесь. Да и некуда ехать... А здесь меня никто не трогает.

Кто-то из бомжей услышал последнюю фразу старика:

– Знаем мы, почему тебя не трогают, Гера!

– Не слушай их... Старый я. Никому не нужный... Зла никому не делаю и не желаю... Вот и не трогают.

Среди сидящих у стены послышался хохоток.

– А вы давно здесь? – спросил Марат.

– Ох... Я уже и не помню... Ну, наверное, лет пятнадцать живу я здесь на вокзале. За это время много чего изменилось. Развалилась та страна, образовалась другая... Я ведь всего этого не знаю, телевизора-то у меня нет. Только понаслышке, – засмеялся дядя Гера.

– И много здесь таких, как вы?

– Если ты спрашиваешь, много ли стариков, то все старики здесь в нашей группе. Все самые слабые и обиженные тоже здесь. Буля собрал вокруг себя самых преданных и крепких, но и самых отмороженных. А есть те, кто не с нами и не

с ним – сами по себе... Если же ты спрашиваешь, много ли на вокзале бездомных вообще, то это по-разному... Постоянных человек тридцать, остальные прибывают и отбывают.

– Бомжацкая текучка, – сказал кто-то.

– Во, точно! – приснул старик. – Ну а в целом полсотни, может...

Дождь хлынул с новой силой да так, что перед рядом сидящих образовалась водяная стена. Как Марат не подбирался, вода все равно попадала на него, и только лишь встав в полный рост и прижавшись к бетонной стене позади можно было не чувствовать прикосновения холодных капель. Осмотрев сверху сидящих бродяг, он понял, что является единственным из всех, кто не имеет на коленях непротекаемого покрывала. У каждого было что-то: грязная клеёнка, кусок брезента, пластиковый фрагмент покрытия и даже дождевик, расправленный и накинутый спереди. Все эти люди терпели попадание воды на колени и сидели, скорчившись в три погибели под холодными струями, но главное для них было убеждение, что они не промокнут благодаря этой импровизированной защите.

– Обожди, парень, пока дождь притихнет... Я тебе скажу, куда сходить, там найдешь что-то на ноги.

– Чё ты ему помогаешь, Гера! – крикнула Баба Яга.

– Заткнись, Валюха! Парень нормальный! У нас теперь тоже боец будет! – раздалось чуть далее.

Ряд сидящих загалдел, но из-за шума ливня невозмож-

но было разобрать, кто и что говорит. Вдруг Баба Яга снова вскрикнула:

– Паря, есть чё пожрать ещё?

– Нет, но я постараюсь в следующий раз достать побольше. Что-то придумаю.

– Ты особенно в волонтёра здесь не превращайся, – сказал дядя Гера, – а то насядут...

– Где насядут там и слезут, – буркнул Марат.

Старик захохотал.

– Нравишься ты мне, парень! Не поздоровится же Буле во время твоей работы на посту!

– А что, он часто возникает?

– Частенько...

– Ничего. Разберёмся, что это за Буля.

– Он, говорят, человека убил и сбежал сюда в Омск, – сказал один из бомжей, – а ещё, говорят, что он сидел.

– Нестрашно. Может, я сам кого-то убил...

– Неее, паря, тут уж не обманывай! – заверещала Валюха Яга. – Такой красавчик как ты не может быть убийцей! А где баба-то твоя?

– Отстань от него со своими вопросами, Валя! – повысил чуть голос дядя Гера. – Дождь утихает, давайте спать! А ты, парень, как будет морось, пройди через рельсы на ту сторону, поищи у старого заброшенного здания, там, может, найдешь кусок какой-то для укрытия.

– Спасибо.

Вновь послышался смешок.

– Подожди благодарить. Я тебе ещё не всё сказал... Эта заброшка – место, где ночует Буля и его дружки. Там они соорудили себе целое общежитие.

Марат усмехнулся.

– Ничего страшного. А почему же их оттуда не выгоняют?

– А кто их выгонит? Ну, бывают здесь облавы, приезжают менты и бьют нас, бродяг – развлекаются. И конечно же наведываются туда, на заброшку. Только каким-то образом Буля узнаёт заранее про ментовский визит и, собрав пожитки, уматывает оттуда куда-то до утра. Менты там, конечно, все у них громят... А один раз даже сожгли все их матрасы. Но пожара, слава богу, не случилось.

– Что ж это за менты такие?

– Да обычные. Развлечение у них такое. После каждой попойки едут на местный аттракцион. И мы ведь ничего сделать не можем, заявить на них никуда не можем... Мы же бездомная нищета.

– Ничего, дядя Гер, с вами теперь я. Будем выживать.

– Ох и нравишься ты мне, парень!

Вдруг Баба Яга беззубым ртом мило пролепетала:

– Да я сразу увидела, что паря хороший... Свой.

– Смотри-ка, протрезвела! – захрипел, смеясь, Гера.

Через 15 минут Марат отправился туда, где по словам старика находилась заброшенное небольшое здание. Вокруг было много мусора, который годами не убирался – зимой он

был засыпан снегом, а летом закрыт пышной зеленью. Побродив вокруг этого двухэтажного дома, парень таки обнаружил то, что ему приглянулось. Это был кусок металлического настила, который, сорвавшись с крыши, упал у боковой стены и торчал, подбоченившись, опираясь на ветки окружающей растительности. Странно, что этот кусок никого не заинтересовал: если его расправить, то за ним могут укрыться двое, а то и трое. А поскольку здание заброшено, то можно было бы оторвать остальное и соорудить из этого некую пологую крышу, установив её перед сидящими бомжами. Всё ещё моросило, поэтому, скорее всего, бомжи, спящие внутри, не выйдут, главное – не шуметь. Хотя по-тихому, конечно, не получится, так как придется ломать ветки растительности, что так мешала. Но вышло всё более чем удачно. Марат просто дотянулся до края стального куска и с силой потянул на себя. Железный прямоугольник легко поддался и, шурша, вылез из своей ниши прямо в руки парня. Он постоял пару минут, глядя в пустой оконный проём, который находился в двух метрах от него на небольшой высоте. Но там никто не появился. Видимо, спят. Ну и хорошо.

– Ооо! Ты смотри, чего нашёл! – закричала Валюха, когда Марат вернулся в проулок, волоча с собой железный прямоугольник.

– Дядя Гер, – сказал парень, – предлагаю присоединиться, места хватит для двоих. Положим этот лист перед собой на колени – и ни одна капля на нас не упадёт.

– Спасибо, Парень, я уж как-то сам. Привык я к своей клеёнке. Ты лучше вон Владика позови к себе, пусть подсядет. Смотри у него какая хлипкая картонка, протекает вся.

Марат поискал глазами Владика и увидел худого пацана лет пятнадцати, который смотрел на него молящими испуганными глазами. Что ж, пусть идёт.

– Да я не против. Подсаживайся, Влад.

Пацан, отдав кому-то свою картонку, сел рядом с Маратом. Они развернули кусок железного листа и, поставив на торцевую часть, приложили его к ногам, закрыв тем самым себя от холодных дождливых струй, стреляющих под ноги. Вот только образовалась новая проблема – барабанный шум воды о сталь. Тем не менее все молчали. Ведь даже Баба Яга-Валюха понимала, что с этим ничего не поделаешь и нужно терпеть. А терпеть бродяги города Омска умели.

Глава 13

Когда Марат проснулся, дождя уже не было. Тоненькие ниточки воды стекали с крыши на импровизированное стальное укрытие, отдаваясь слабым стрекотанием. Сосед Владик мирно посапывал, сложив руки и утонув в них лицом, а дядя Гера громко храпел.

Пора. Должно быть, уже рассветает. Но Марат не видел этого из узкого тёмного проулка, нужно было выйти на площадь и оценить всю ситуацию оттуда. Он затянул потуже сумку, в которой среди других его пожитков была и мокрая одежда (ночью ему удалось переодеться обратно в зеленые джинсы, благо, они были сухие) и отправился на территорию перед вокзалом. Выходя из бомжацкого пристанища он отметил, что горизонт уже практически ясный. Утренний свет незаметно полз по небосводу, постепенно заполняя собой каждый метр пространства. Парень предположил, что сейчас около полпятого утра, и он почти угадал – большой циферблат на столбе привокзального парка показывал пятнадцать минут пятого. Есть ещё время. В его голове было лишь один образ и одно имя – Дарина. Он очень соскучился по ней, пусть это было всего лишь его воображение, но он любил это воображение. Он повернулся к лестнице, ведущей ко входным дверям и увидел её. Она спускалась, чуть торопясь, а на лице её пылало счастье. Марат представил, что она

очень рада его видеть, а он рад был ей ещё сильнее. Любимая фантазия, как ты?

– Любимая Даринка! Как ты?

– Хорошо, – сквозь улыбку с ямочками произнесла она. И подойдя близко крепко его обняла, как будто не видела многие годы. Её нежная щека прикасалась к груди парня, и он, чуть склонив голову, поцеловал ее в макушку.

– Ты же знаешь, что я тебя люблю?

– И я тебя, Марик. Очень сильно!

– Ну ладно, хватит телячьих нежностей! – выпалил Марат. – Как ночь провела?

– Хорошо. Удалось подремать. Охранник меня не тронул...

– Пусть попробовал бы! Я бы его так тронул...

– Прекращай! – засмеялась Дарина. Было видно, что ей приятно.

– Надо что-то решать, Даринка, это не дело... Я-то еще как-то могу перекантоваться. Но тебе я не позволю ночевать постоянно на вокзале.

– Что ты так распереживался? – игриво съязвила она. – Я же воображаемая и меня никто не видит! А?

Опять галлюцинация.

– Ой, ладно тебе. Могу я представить, что ты настоящая? Я же совершенно один здесь.

– Ты не один, я с тобой. И я всегда буду с тобой, ты же знаешь...

А вот это уже воображение. Он любил представлять эту фразу.

– Расскажи хоть, как сам переночевал? – заботливо спросила она.

– Нормально, жить можно.

– А-а, то есть, ты жить все-таки собрался здесь? – всё еще иронизировала она. Но на этот раз по-доброму, по-родному – так, как любит Марат.

– Ну, если надо, то и поживу. Только тебя куда-то пристрою...

Они ещё посидели на лавочке около часа, поворковали. Затем Марат отправился на планёрку. Он представил, что Дарина якобы осталась, пообещав, что тоже подыщет себе работу, отправившись на изучение объявлений.

Планёрка проходила в зале ожидания. Арина Николаевна сухо поприветствовала всех и распределила точки, кто какой пост сегодня будет занимать. Марату досталось место возле «Горячих пирожков». Ну что ж, место знакомое, и человек рядом знакомый – это хорошо. Начальница охраны после общих слов всех поблагодарила и подзвав к себе Марата, выдала ему сложенную рубашку и брюки.

– А паспорт?

– Не сегодня. Я не успела оформить, записать тебя. Некогда было, – скороговоркой ответила она.

– Чего там оформлять то?

– Работай, – отрезала женщина в погонах. После этого она

оглядела всю группу крепких парней, а затем направилась к лестнице.

– Мда... Ну, конечно, одежда такая себе... – пробубнил под нос Марат, развернув выданную форму. Это была очень простая серая дешевая рубашка, на груди которой коряво было вышито РЖД и совсем не новые коричневые брюки, в кармане которых парень обнаружил бейджик с одним лишь словом «Охрана».

– Ты веришь, что вот это стоит 500 рублей? – спросил парень, стоящий рядом.

– Не знаю даже...

– А я тебе говорю, она нас обманывает. Вот это тряпьё стоит рублей 150. Снято с бомжей каких-то...

– Это неважно. Я хоть в клоуна оденусь. Главное, чтоб платила, – подошёл к ним еще один парень, лицо которого украшал неприятный шрам.

– И как здесь с этим? Платит хоть?

Парни вымученно заулыбались.

– Да не очень она платит. Все обещаниями кормит. Я за тот месяц лишь какие-то копейки получил. Обещала всё всем выплатить, сейчас, мол, проверки какие-то, дескать, трудно с этим. Мы ж неофициально...

– У неё постоянно проверки, – сказал парень со шрамом. – Я уже третий месяц работаю, и всё проверки...

Послышались частые хлопки и громкий голос Арины Николаевны:

– Давайте-давайте-давайте! Не тяните! Ночная группа тоже устала, идите их менять быстрее! Динари, быстрее переодевайся и тоже иди меняйся!

Парни спешно разошлись по сторонам. Марат, услышав свою фамилию, прямо здесь в зале ожидания переоделся и, засунув свою скомканную одежду в сумку, отправился к «Горячим пирожкам» уже знакомой ему Ирины Олеговны. Сменив охранника и встав недалеко от киоска, Марат махнул продавщице в знак приветствия. Она его узнала и даже как будто улыбнулась, затем подозвала к себе и спросила:

– Значит, взяли? Будешь теперь здесь работать?

– Ну, не факт, что каждый день именно здесь. Арина Николаевна старается менять точки.

– Ну, поживем – увидим. Я, собственно, чего тебя позвала... Хочу предупредить, что сюда ходит один местный алкаш привокзальный... Хочет, чтобы я его накормила. Его гоняют постоянно охранники, а он всё равно. Я, конечно, не злая, иногда угощаю, но...

Вот и началась работа. Сразу жалобы.

– Вас понял. Но всему есть предел. Угостив один раз, товарищ захочет и второй. И так и будет ходить. Вы не переживайте, разберёмся. Вы, если что, сразу зовите. Я Марат.

– Спасибо, молодой человек, – улыбнулась дама в красном фартуке.

Первые пару часов заступивший на пост новый охранник простоял, наблюдая за передвижением пассажиров, и ничего

примечательного не увидел. Жизнь текла потоками путешествующих людей, через вены соединяющих органы внутреннего убранства вокзала. Марат почувствовал скуку, и каждый взгляд на электронные часы у касс убеждал его в том, что время нарочно замедляет секундный отсчет.

Нужно чем-то себя занять. Где там его любимая девушка?..

Как не силился он представить, что Дарина выходит из движущегося человеческого потока – ничего не выходило. Видимо, две последние ночи дают о себе знать моральной усталостью. Ну, пусть хоть появится в виде галлюцинации, пусть ведет себе произвольно, главное – она сейчас была нужна Марату. Ведь он придумал её, чтобы бороться со скукой...

– Ну дай чего-нибудь, Ира! Ну, жрать хочу!

Марат повернулся к прилавку Ирины Олеговны и увидел незнакомого бомжа. Он был определенно не из группы, к которой присоединился вчера парень. Этот худощавый грязный оборванец с разбитым лицом (Марат заметил, что лица разбиты у большинства бездомных), в разорванных зимних меховых сапогах на босу ногу и в сером линялом пиджаке стоял у киоска и терроризировал на продавщицу.

– Нет у меня, Паша... Ну, не могу... Марат!

– Да, я здесь, – быстро подошёл парень.

– Это ты новенький охранник? – усмехнулся бродяга.

Быстро, однако, молва разлетелась.

– Это я. Не приставай к женщине. Она работает. Хочешь поесть – иди тоже работай.

– Обездоленным надо помогать!

– Да я бы тебе может и помогала бы, – сказала женщина, – если б ты так не пил и не тунеядствовал. Жалко... Ты так-то мужик неплохой.

– Слушай, баба! Ну не дашь пожрать, дай денег хоть на бутылку, горит, не могу!..

– Ой, противно сразу стало... Иди, Паш.

Марат хмуро молчал и наблюдал за диалогом, переводя взгляд с одного оппонента на другого.

– Ирка, ты мне надоела! Сейчас вот силой возьму у тебя пирожки твои!

– Ты не заметил, что рядом охранник?

– Этот твой новенький ничего мне не сделает! Видно же, что он боится...

От этих слов Марат улыбнулся. Слышать такое от пропитого алкаша было смешно.

Паша потянулся к приготовленному для кого-то свёртку со съестным, лежащего на прилавке и попытался его ухватить, но Ирина Олеговна ловко отодвинула пакет на другой край. Бомж схватил её за запястье и попытался вернуть сверток назад. Но вдруг его плечи и корпус стянули могучие руки Марата.

– Э!..– брыкнулся было Паша. Но «новенький охранник» уже волок бомжа ко входным дверям вокзала.

– Ты... Слышь! Отпусти!

– Отпущу.

– Сейчас!

– На улице, – Марат был спокоен. Он знал, что делает.

– Ты кто? Чё руки распускаешь?! – крикнул уже за входными дверьми усмирённый бунтарь. Сделал он это нарочито громко, будто бы хотел, чтобы кто-то другой это услышал.

– А ты не ори. Людей пугаешь. У Ирины Олеговны больше не появляйся.

– Всё равно появлюсь, если захочу.

– И сразу опять тебя выкинут. Не я, так другой. Не нарывайся, Паша. Лицо-то вон какое неправильное от побоев.

– Угрожаешь? – прохрипел бомж. – С Булей нужно поговорить бы о тебе, новенький...

Буля? Хм... Так вот и один из его приспешников.

– Зови своего Булю.

– Всему своё время, новенький, – засмеялся Паша и двинулся в другую сторону. По всей видимости, пошел попрошайничать у магазинов или у подземного перехода. Ну, пусть идёт.

Марат повернулся, чтобы вновь ретироваться на рабочее место, когда увидел паренька Владика, с которым сегодня соседствовал ночью. Тот смотрел на него глазами, в которых были перемешаны чувства испуга и восхищения.

– Чего ты, Влад?

Пацан помотал головой «ничего».

– Есть хочешь?

«Да».

– Пошли. Только никому не рассказывай, откуда это у тебя, лады?

– Спасибо.

– Да подожди благодарить, ещё... Взаймы попрошу у продавщицы один пирожок. А то, может и не даст.

Крепкий парень постарше и хилый мальчуган помладше прошли вновь к знакомому киоску. И Марат, бесстрастно выслушав благодарности от Ирины Олеговны, пообещал ей, что Паша больше не вернётся.

– Ещё раз спасибо! Вот, Марат, угощайся! Это я тебе приготовила! Я знаю, что ты ночуешь на улице... Мне Женя вчера рассказал.

Он улыбнулся. Ох... Женя, Женя.

Марат развернул сверток и достал его содержимое. Отведя Владика на небольшое расстояние, он вполголоса проговорил:

– На вот, смотри, здесь три пирожка. Один я возьму, остальные бери и ешь. И никому не давай. И не говори об этом. Спрячься куда-нибудь и пожуй.

– Спасибо. Это... Спасибо, Марат.

– Давай, шуруй!

Владик ушёл своей странной походкой, ссутулившись и болтая руками. Марат вновь вернулся на пост.

– Марик, а я наблюдала за тобой! Какой ты у меня моло-

дец, мужчина!

Явилась. Сама. Странная штука, этот человеческий мозг – вот когда надо...

– Привет, моя Даринка, я скучал!

– И я скучала, Марик! А знаешь, где я была? Недалеко здесь по объявлению ходила. Меня, кажется, возьмут в секонд хенд работать продавщицей! Может и приодену тебя со временем! – Дарина улыбалась.

Непонятно. То ли Марат действительно неосознанно вообразил, как она это говорит – ведь он только час назад думал примерно о таком – то ли галлюцинация. Скорее всего, второе. Охранник-шизофреник вокзала города Омска. Здорово как. Это называется – домечтался...

Он вдруг вспомнил, что должен позвонить.

– Марик, ты позвонить должен, помнишь?

Всё-таки иногда она всё ещё его воображение. Будем надеяться, что полностью самовольной галлюцинацией она не станет.

– И как мне отлучиться? В туалет как будто? Пойду, скажу Олеговне...

Так он и поступил. Продавщица пирожков теперь с улыбкой каждый раз его встречала, по-доброму отвечала и шла навстречу. Устроиться на работу и обосноваться здесь, заведя знакомых? Этот этап квеста пройден.

Глава 14

В этот раз Марат решил первым делом позвонить Юле, дочери Григорича. При звонке её мужу чувствовалось неудобство навязчивости, тем более, этот человек был ему незнаком. А с дочерью торговца они были из одной деревни. И в этот раз удача улыбнулась парню.

– Алло!

– Здравствуйте, это Юлия?

– Да, а кто спрашивает?

– Меня зовут Марат, я из деревни Ивановка. Ваш отец дал мне этот номер, сказал, что вы можете помочь.

– Ой... Марат? – вдруг обрадовалась девушка. – А не Марат ли Динари?

– Именно, он.

– Вот так встреча!... Ну, вернее... Рада слышать тебя, Марат!

Парень удивился, что Юля его помнила. Оказывается, она его хорошо знает. Почему же он сам её не помнил? Впрочем, неважно.

– Спасибо! Я тоже рад вас слышать!

– Так... Давай по-простому говори! Не обезьяничай! Коль мы-то не чужие с тобой! Перестань выкать!

Такая же, как папа. Не любит «выканий».

– Юль, Александр Григорич говорил, что ты можешь по-

мочь... Что муж у тебя работает где-то в органах или типа того...

– «Или типа того»! – передразнила девушка, рассмеявшись. – Ты почему как не родной? Так говоришь, как будто я тебе чужая...

– В каком плане?

– Ты притворяешься?..

– Прости, Юль, я даже не понимаю, о чем ты говоришь...

– Ладно, – голос собеседницы стал ледяным и бесстрастным, – да, мой муж работает в ГИБДД, начальник отдела. Что ты хотел узнать?

– Я ищу отца. Олега Юрьевича Динари. Он был каким-то чиновником и предпринимателем, а может, и сейчас является... Я больше ничего не знаю.

Голос Юли смягчился:

– Ты мне не говорил про отца...

Марат молчал. Он не понимал, когда он мог ей это сказать. Такого рода непонятные вещи вызывали у него раздражение, но сейчас парень был не в том положении, чтобы повышать голос, выясняя странные обстоятельства.

– Информации мало, – вновь оледенел её голос, – но я попробую узнать через мужа.

– Спасибо.

– Слушай, Марат... Ты делаешь вид что меня не помнишь, из-за моего мужа?..

– Юль, пока мне Аляксан Григорич не сказал, что у него

есть дочь, я не знал о тебе... Прости.

– Ох... Маратик, Маратик. Ну мы же с тобой всё выяснили тогда...

Марат заметил краем глаза, что Дарина стоит рядом со сложенными руками на груди и с укором смотрит на него. Ревность?

Галлюцинация.

– Прости, Юль, может, ты что-то путаешь?

Через минутную паузу собеседница сухо отчеканила:

– Ладно, Марат, проехали. Позвони мне завтра. Я тебе скажу, что удалось узнать.

В телефонной трубке послышались короткие гудки. Марат недоумённо повесил трубку на рычаг и вышел из-под козырька привокзального таксофона.

– Кто эта Юля? Ты мне не рассказывал.

– Да не помню я, Даринка, правда. Мне кажется, она что-то путает.

– А что она сказала?

Марат детально описал весь телефонный разговор.

– Говорит, что что-то мы выяснили... А я ее вообще никогда не видел и не помню.

– Странно, Марик.

– Ты ревнуешь?

– Да нет, не ревную. Просто, зачем тайны какие-то?..

Снова галлюцинация.

– Да нет никаких тайн! Не знаю я!

– Всё-всё-всё, – Дарина примирительно улыбнулась, – нет так нет.

– Нужно скорее возвращаться на пост.

Вернувшись на свою точку, Марат обнаружил, что у прилавка «Горячих пирожков» стоит Арина Николаевна, его начальница. По всей вероятности сейчас было её обеденное время, как и вчера, когда он её встретил.

– А, явился, – сказала она, – отходишь в туалет – не задерживайся! А так молодец, Ира мне рассказала, как ты поработал. Так держать.

– Вы, главное, паспорт мой верните.

Женщина с погонами промолчала. Взяла из рук Ирины Олеговны сверток с пирожками и направилась к лестнице, даже не взглянув на Марата.

Весь остальной день прошел без происшествий. Иногда появлялась Дарина, и Марат беззаботно с ней беседовал, но затем она надолго исчезала. Странно, но, стоя на посту, ему никак не удавалось её представить и пообщаться так, как он делал это у пруда в деревне. Здесь приходилось ждать, когда она появится сама, освещая окружающий мир своей божественной улыбкой.

По окончании рабочего дня Марат вышел из здания вокзала, окунаясь в теплую атмосферу вечернего города, которая ложилась на кожу приятными теплыми дуновениями. Погода была замечательная.

Вдруг парня окликнул один из таксистов со стоянки. Это

был усатый хохотун Женя.

– Ну как ты, странник? – смеясь, сказал он, когда они приблизились к друг другу.

– Да всё нормально. Первый день отработал.

– Ну, молодец! Ничего, помощь будет нужна, обращайся.

Может, подвезти куда-то надо будет...

Марат улыбнулся.

– Спасибо. Но я вот пока как-то здесь.

– Ну, здесь так здесь. Не пропадёшь! На вот, слушай...

Таксист протянул ему пакет. Марату было неудобно, но в его случае глупо было отказываться. Пакет был набит съестным. В нём было два батона хлеба, палка колбасы, несколько фруктов и овощей, а также бутылка минеральной воды.

– Ой, Женя, спасибо... Мне, правда, неудобно как-то...

Женя по своему обычаю заразительно захохотал:

– Неудобно, когда в попе зонтик раскрывается!

Парень рассмеялся вместе с таксистом, а затем, попросившись и взяв с собой пакет, отправился в парк. Ноги его изнемогали после целого дня напряжения, но приподнятое настроение заглушало неприятные ощущения усталости. Прошагав три километра, он со вздохом опустился на одну из свободных лавочек парка – ноги гудели. Парк был наполнен искренней вечерней благодушностью и семейным уютom: взрослые обсуждали прошедший день и насущные проблемы, не переставая улыбаться друг другу, а дети, смеясь, играли, погрузившись с головой в свои детские миры.

Марат, сильно проголодавшись, только и успевал делать бутерброды, запивать их водой, есть фрукты и овощи. Он представлял, что Дарина ест вместе с ним, ведь его фантазия тоже была голодна.

Когда их макушек коснулись лепестки городских сумерек, парень решил, что нужно искать новый ночлег. Поскольку дождя сегодня ночью не предвиделось, он снова мог бы найти какую-нибудь лужайку с кустами недалеко от вокзала и растянуться на своем одеяльце.

– Марик, а что будем делать с остатками еды?

– Давай оставим тебе немного на завтрашнее утро. А что-то я заберу и угощу своих соседей по ночлегу.

– Правильно, я горжусь тобой! Но помни, что добром на добро отвечают только добрые люди. Не держи в голове этот свой поступок и не считай его козырем. Такие люди, как они, никогда не будут считать себя должниками перед кем-то.

– Спасибо, Даринка. Мне очень важны твои советы.

– Я надеюсь, ты не обижаешься, что я с тобой умничаю постоянно... – смущенно сказала Дарина, когда они уже отправились по направлению к вокзалу.

Он нарочно представил, что она боится его обидеть, ведь на самом деле в глубине души ему было ясно, что все её нравоучения и советы не что иное, как его собственные заключения, рожденные подсознанием в силу его любопытности и запоминания деталей.

– Я понимаю, что ты хочешь как лучше, Даринка! И... И

ты, в конце концов намного больше книжек читала, чем я... Я ведь сам так придумал, что ты у меня начитанная.

Пройдя весь путь от парка до вокзала, он решил дойти до бомжацкого убежища – того самого узкого проулка с выступающей крышей – и посмотреть, есть ли там кто из его ночных соседей.

– Даринка, давай теперь распрощаемся до завтра. Я надеюсь, что сегодня тебя вновь никто не тронет в зале ожидания.

– До завтра, мой мужчина!

В проулке никого не было. Под крышей одиноко валялись куски пластмассы, клеёнки и картона, оставленные их хозяевами до следующего дождя. Его соседи, скорее всего, разбрелись по обжитым местам под открытым небом, которых еще не знал Марат. Нужно было обойти всю немалую территорию и найти хоть кого-то, кто подскажет, где находятся все остальные. Прятать пакет было некуда, нужно было всё раздать сейчас.

Марат ещё стоял, оглядывая место их ночлега, когда услышал сзади голос.

– Вот! Это он! Новенький!

Парень обернулся и увидел четверых. Среди них был тот самый бомж Паша, которого сегодня утром скрутил Марат. Этот бездомный и был владельцем заискивающего голоса. В середине этой шайки стоял плотного телосложения мужчина около сорока пяти лет, заметно лучше одетый, чем окру-

жающие его бездомные, но в то же время было совершенно очевидно, что вещи на нём далеко не новые, а в некоторых местах даже чуть грязные. На лице его красовалась седая неровно стриженная бородка, что нисколько не омрачило его вид, а даже наоборот, прибавляло некоего импровизированного стиля. Левый глаз мужчины был с красным белком, словно от лопнувших капилляров, а голову его украшала серая кепка «уточка». Взгляд, полный надменности и самоуверенности, выражающий полное презрение, как к Марату, так и к своим спутникам.

– Ты что ли новенький охранник? – сказал он, жуя соломинку.

– Я что ли. А ты кто?

– Меня здесь все Булей называют.

– Понятно. Буля так Буля... А я Марат.

– Хотел бы сказать «очень приятно», новенький, да не могу. Паша мне сказал, что ты любитель руки распускать.

Марат чувствовал, что с этим человеком дружбу заводить не стоит. Поэтому, дружеский тон он припрятал.

– Я выполнял свою работу, – холодно сказал он.

Буля повернулся к Паше:

– Он тебя бил?

– Н-нет... Ну... Схватил сзади и вытащил на улицу...

– А что ты внутри делал? Я тебе что говорил?

Паша, потупившись, промолчал. Марат ответил за него:

– Он пытался украсть пирожки у продавщицы. Я его вы-

ташил на улицу, подальше от того киоска.

– Какого хрена ты меня зовешь с ним разговаривать? – крикнул Буля в сторону Паши. – Ты сам виноват! Идиот бес-толковый! Тебе сколько раз говорить?!

– Буля...Ну...Я...

От прежнего задиристого Паши не осталось и следа.

– «Ну я»...Струя! – снова вскрикнул вожак бездомных, а потом снова уставился на Марата. – Этот идиот, конечно, сам виноват... Да. Но он под моей опекой. Трогаешь его – я трогаю тебя. Усёк, новенький?

Марат сделал несколько уверенных шагов по направлению к этой четвёрке. Бомжи от неожиданности отступили на шаг. Все, кроме Були. Вожак не шелохнулся.

– Ну, я подошёл, – сказал молодой парень, – ты уже готов меня тронуть?

Буля смотрел чуть снизу прямо в глаза Марата. Это была битва взглядов – оружие, направленное на оппонента в целях демонстрации более сильного характера.

– Буля, а тут у него пакет с харчами!

– Делиться будешь? – процедил вожак, продолжая бур-авить взглядом парня.

– Нет.

Через минуту Марат почувствовал тупой удар по спине чем-то твердым. Он стал падать на Булю, впереди себя. Тот отпихнул его в сторону, с вальяжным видом вздернув рука-ми. Парень упал на четвереньки и, сморщившись, часто ды-

шал, приходя в себя. Пакет выпал у него из рук.

– А это мы возьмём! Спасибо за угощение! – заржали бомжи.

Шайка двинулась в направлении рельс к своему убежищу, продолжая переговариваться и гыгыкать. Марат встал и отряхнулся, жмурясь от боли в спине – будет синяк. Обведя глазами вокруг себя, он увидел небольшую ржавую железную трубу, которая, по-видимому, и была оружием. Вчера эта импровизированная стальная бита являлась домиком для веселого ночного ручейка.

Глава 15

Спина была охвачена болью. Марат попытался присесть у стены и передохнуть, прийти в себя, но так было ещё больнее. Видимо, придётся парню какое-то время пребывать в вертикальном положении. А этого делать очень не хотелось, поскольку позади был целый день на ногах.

– Здорова, крепыш! – послышался сипловатый голос дяди Геры.

Это был один из тех голосов, который, услышав лишь раз, узнаешь теперь даже сквозь сон. Марат обернулся и увидел приближающегося старика, вслед за которым шел худощавый Владик. На лице первого была приветливая улыбка, которой он сразу же располагал к себе. Второй же не выражал ничего, и во взгляде, опущенном на землю, можно было прочитать не то грусть, не то безразличие, или, может быть, даже глупость.

– Живой? – спросил дядя Гера. Взгляд его не выражал никакого сочувствия. Весь вид старого бездомного говорил: «Так и должно быть».

– Вы видели, да?

– Видел, конечно! И Владик видел. Да, Влад?

Тот кивнул.

– Что за пакет-то у тебя отобрали? Ценное есть что?

– Ну, если еда, это «ценное»... – усмехнулся Марат, по-

морщившись от боли.

– Еда – это наше золото! Владик! Скажи, я прав?

Тот вновь кивнул.

– Да не кивай ты как лошадка, Владик! Скажи!

– Еда – золото.

Вдруг Марату стало так смешно, что он, держась за спину и морщась от боли, беззвучно захохотал. Владик смутился, но тоже заулыбался. Дядя Гера с помощью своей харизмы умел разрядить обстановку.

– Я просто так это не оставлю. Так нельзя, – сказал Марат, успокоившись.

– Нельзя-то, конечно, нельзя, но бездомная жизнь она такая. К этой несправедливости привыкаешь быстро.

– Не хочу к ней привыкать.

Дядя Гера улыбнулся краешком обветренных губ.

– Придётся, крепыш, придётся. А там, кто его знает, может, ты подомнешь всех под себя... И бездомная справедливость восторжествует!

Забавный старик. Нравился он Марату. Но все же парень чувствовал, что этот дед не так прост, как кажется. Есть у него какая-то тайна.

– Сегодня ночью будет хорошо, тепло, дождя нет. Оставайся здесь, расстели из картонок себе место и лежи, залечивай спину здесь один, – проговорил старик, а затем деловито взглянул на Владика, – пацан, ну-ка давай, сбегай в зимнюю берлогу, там в углу сверху над трубой аптечка лежит,

там вроде были мази какие-то, может, обезболивающее... Давай-давай, Владик, не ленись!

Владик, кивнув, быстро зашагал в сторону площади вокзала, привычно болтая руками.

– Что еще за зимняя берлога? – поинтересовался Марат.

– Ааа... Есть у меня ключи от подвала одного из тех домов, – указал старик в сторону зданий, в направлении которых ушел Влад, – как эти ключи мне достались – не спрашивай, это тебя не касается... Ну вот, когда холодно, там в подвале проходит теплотрасса... Ну и кто просится, я, конечно, приглашаю, места там есть. Грязно и пыльно, но тепло. Летом мы туда не ходим, лишний раз не мозолим глаза жителям дома, да и духота там летом стоит, пыли много. А зимой мы с пацаном там постоянные обитатели.

– Ну ясно... А пацан-то этот, Владик, как среди вас оказался?

– О-о, у него, конечно, невеселая история...

Старик достал пачку дешевых папирос и предложил Марату. Когда тот отказался, старик, пожав плечами, прикурил одну из них, выудив спичку из потертого коробка. Они стояли под знакомым выступающим козырьком, чуть прислонившись пятыми точками к выступу из стены. Марату это было удобно, так как по недавнему опыту он знал, что сидячее положение чревато более сильными болями, а так вроде есть какой-то кофморт, да и можно прислонить больную спину к холодному бетону, что давало некий эффект облегчения.

– Так вот, крепыш, Владик наш из неблагополучной семьи, – продолжил старик, – осталась у него только мать, которой пацан оказался не нужен, когда она сошлась с каким-то дерзким мужичком, любящим приложиться к бутылке... Влад, конечно, молчаливый, не говорит... Но я думаю, ему от них очень доставалось.

– Собственная мать избивала?...

– Ну вот, я думаю, что да. На пару со своим хахалем. Напьются и давай куражиться. А он-то смотри хилый какой... Уже пятнадцать, а вширь как-то и не растёт.

– Может, ел тоже плохо... – задумчиво произнёс Марат.

– И ел тоже плохо. А где ему есть? Пооди, в школе только, в столовой... Учился плохо, конечно. Но ты знаешь, как он рисует? Шедевры! Вот, бывает, найдет где-то газетку какую-то, огрызок карандаша и давай рисовать пейзажики. Портреты хорошо рисует! Меня раз пять уже рисовал!

– А почему он на вокзале оказался?

– Слабый у него характер... Единственное, на что он смог решиться – это уехать к своей тётке в Благоярск. Но и это ему не удалось сделать. Деньги у него отобрали прям здесь на вокзале подонки Були, а возвращаться домой он не хочет, ну и взял я его под своё крыло. Вот, он уже третий год со мной здесь везде плетётся следом, куда я ни пойду. Но он молодец, всегда мне во всём помогает. А я стар, мне помощь, конечно, уже не лишне...

– Он здесь плохо ест, поэтому и не развивается вширь,

дядя Гер...

– Ну а что я могу сделать, крепыш? Если прогоню, скажу «иди давай отсюда с вокзала!», он же пропадёт. Домой возвращаться не хочет, его там бьют, а ответить он не может. Друзей у него нет. Ну а так и мне помощь какая-то – от этих ведь пьянчуг грязных не дождешься – и я его оберегаю от беды. Меня, старика, не трогают, и его не тронут. А поесть... Поесть найдём всегда.

Пацан Владик, о котором шла речь, вернулся, держа в руке пожелтевшую тряпичную аптечку со сломанной молнией на боку.

– Всё нормально там у нас, Влад? – спросил дядя Гера.

– Да, всё хорошо, вот ключи.

Старик убрал ключи в карман, который, судя по небрежному шву, зашивался не один раз, раскрыл аптечку и с хриплым возгласом «чё тут тока нету!» стал копать внутри, переворачивая содержимое. Он нашёл обезболивающие таблетки прошлогодней давности и мазь от ушибов.

– Так, крепыш, давай отойдем в сторону, на вот, возьми пару таблеток, запей вон дождевой водой, – Гера указал на ручей, стекающий с крыши, – и давай я тебя намажу, полегче станет, да и синяк быстрее сойдёт. Ночевать будешь сегодня здесь. Владик, собери все картонки эти, листы, еще что-нибудь найди подходящее и устрой вон там в углу ложе какое-то...

– Ложе?.. – спросил Влад.

– Он не знает, что такое ложе, – заулыбался старик.

Только сейчас Марат заметил, что практически все передние зубы у дяди Геры были золотыми. Грязный, невымытый, небритый старик с золотыми зубами. Ну что ж, бывает и такое.

– Пацан, ну не глупи, сооруди удобное место для него, чтобы он мог полужёла расположиться, больно ему. Давай-давай, Владик! Ты взрослый, думай своей головой уже!

Владик молча, неуверенными движениями стал собирать куски картона и фанеры, что валялись вдоль стены. Все его действия говорили о том, что он не понимает, что делает.

Марат выпил таблетки, как и говорил ему старик и, отойдя вместе с ним в сторону, задрал футболку на спине.

– Оххо... Это, конечно, они здорово тебе приложили. Гематомка-то немаленькая! По краям-то с кровавыми отёками.

– Да и ладно. Первый раз, что ли? – небрежно буркнул Марат. Владик обернулся и взглянул на него с отблеском восхищения в глазах, потом снова принялся собирать оставленные бомжами «покрывала». На этот раз его действия стали более уверенными, и движения уже говорили: «Я хочу помочь».

Ночь подступала осторожными шагами, накрывая темным покрывалом территорию вокзала. В проулке совсем стемнело, только тихий лунный свет пробивался через проёмы бетонных нагромождений. Марат сидел на импровизированном шезлонге из листов фанеры и картона, которые со-

орудил Владик, и размышлял, теребя в руке всю ту же ивовую веточку. Он был совершенно один. За пару лет с тех пор, как он начал себе представлять девушку по имени Дарина, он привык чувствовать, что он не одинок. Но сейчас впервые понимал, что представлять её присутствие нельзя, поскольку у воображаемой девушки появилось новое нежелательное свойство. Он не знал, кто из божьих может навещать ночью в проулок, и не хотел выглядеть сумасшедшим, прогоняя галлюцинации. Но он вновь скучал по своей воображаемой девушке. Ему не хватало её голоса, не хватало её поучительных советов, не хватало смеха, ямочек на щеках, приятной шелковистости волос... Не хватало её влюблённого взгляда. Несколько раз он порывался сходить в зал ожидания, представить, что она сидит там и побыть с ней, пообщаться. Но для этого ему нужно было признаться своей фантазии в том, что произошло, а он совершенно не хотел, чтобы она переживала. Он увидит её завтра, и он вообразит снова эти влюбленные, чуть тронутые звучанием востока, глаза.

Снова всплыли воспоминания о деревне. О тех двадцати двух годах, проведенных в Ивановке. Но ему никак не удалось вспомнить дочь Шилина Александра Григорьевича, Юленьку, который он звонил недавно. Судя по тому, что она говорила, они хорошо знакомы с Маратом. Но почему он её не помнит? Это было очень странно.

С этими размышлениями парень провалился в сон.

Глава 16

– Крепыш! Просыпайся!

Марат открыл глаза. Была еще ночь, проулок всё еще утопал во тьме. Сквозь мгlistую дымку еле проглядывалась фигура старика Геры.

– Давай-давай, вставай! Уходить тебе надо!

– В смысле? Куда уходить?

– Я думаю, туда куда-то беги, за рельсы. Були и его дружков, скорее всего, там уже нет, попробуй спрятаться у них. Вдруг эти туда сегодня не пойдут...

– Кто – эти?

Марат всё еще не мог проснуться, и не мог понять, что ему пытается втолковать бездомный старожил вокзала.

– Менты, крепыш, менты! Они сегодня тешатся-потешаются!

Здесь Марат сообразил и вспомнил о том, что рассказывал дядя Гера. «Ментовский беспредел». Избиение бедных бомжей как аттракцион.

– А вы?

– Меня не тронут.

Марат не стал спрашивать, почему. Скорее всего, старика давно знают, и ментам было его жаль. А может, что-то другое...

– А Вла...

– Владика тоже не тронут. Да он уже на полпути в зимнюю берлогу. Давай, крепыш! Беги! А то к одному синяку добавится еще десять! А тебе завтра на пост!

Марат схватил свою сумку, на бегу привычными движениями надел через голову, затянув ремни потуже. Бежать было на удивление легче, чем он предполагал. Спина болела уже меньше – таблетки и мазь действовали исправно. Он выбежал на край стоянки и увидел, как от фасада здания вокзала к нему приближаются трое явно подвыпивших людей в форме. Их нетрезвость можно было определить исходя из криков и быдлярского смеха.

– Вон цыплёнок! Держи его! – проорал один из них, указывая в сторону Марата.

Парень рванулся в сторону проёма между зданиями, который выводил к рельсам и, обогнув несколько автомобилей, пробежал через него, оставляя лунную тень на стене. Он слышал, как сзади бежавшие менты свистели и улюлюкали ему вслед; всё это было разбавлено отборным матом и грязными словечками. Перебежав несколько полос рельсов, Марат остановился. Подозрительно стало тихо. Он взгляделся в освещенные участки позади себя – ничего. Может, они бросили погоню? Наверяд ли.

Вдруг послышался громкий голос одного из них:

– Цы-ып-цып-цып! Эй, чувачок! Иди сюда – не тронем!

Раздалось сдавленное хихикание сослуживцев.

Где они? Что-то не понятно...

– Ты, говорят, здесь охранник новый? И живёшь тут – бомжуешь? Это непорядок! Это надо пресекать!

Смех уже был менее сдержанным.

Откуда они узнали? Получается, они специально шли за ним?

Марат понял, что менты, стараясь не шуметь, приближались к нему по плохо освещенному участку, находящемуся чуть далее по направлению рельсов. Вглядываясь в этот отрезок, невозможно было разобрать ни одну фигуру, и если бы «охотники за бездомными головами» сами себя не выдали, смеясь и крича, то, быть может, у них что-то и получилось бы. Парень ждать их не стал. Он решил пробраться сквозь заросли кустов и деревьев к тому самому заброшенному зданию. Старый бомж Гера сказал, что, скорее всего, там сейчас пусто...

Ну что ж, проверим.

Марат прошуршал через заросли к обшарпанному дому с пустыми глазницами окон и, обойдя его уже со знакомой ему стороны, влез в первое попавшееся окно. Взбираться на шершавую кирпичную кладку подоконника, который находился на уровне его лица, было тяжело, поскольку ушибленная спина давала о себе знать. Но всё же он сделал это и оказался на территории неприятеля.

Это была импровизированная кухня: старая ржавая электрическая плитка на полу у входа, на которой стоял непонятный металлический сосуд (видимо, когда-то это был чай-

ник); рядом небольшая стопка кастрюлек, немых уже долгое время; в углу у окна, через которое влез парень, несколько пятилитровых бутылей с водой; вдоль стены лежал свернутый рулон брезента (как видно, им бездомные закрывали окно на зиму). Марат заметил, что из потолочного угла над электрической плиткой свисает провод, к которому наскоро были примотаны концы сетевого шнура от плитки. Мастера-электрики, блин.

Он прошёл в темный коридор и проследовал к лестнице на второй этаж. Её было еле видно, и вся она была почти разрушена, но это не остановило Марата. Превозмогая боль в спине, он взобрался на лестничный пролет, рискуя неудачно ступить на кирпичи и куски бетона. Шум падающих обломков кирпичей и пыли выдало бы его местоположение, а «охотники» были уже близко. Но все вышло удачно: Марат почти без звука залез на второй этаж и устроился в темном помещении без окон.

Внизу хрустела бетонная крошка под ногами вошедших. Звуки, исходящие с нижнего этажа, было слышно хорошо, поскольку между плитами в полу была большая щель. Будем надеяться что эти пьяные блюстители порядка не будут разглядывать потолок над собой. Впрочем, было темно, и в этой щели они увидели бы непроглядную черноту.

- Ты думаешь, он здесь? Вроде тихо.
- Куда ему еще податься? Хотя...
- Что?

– Он наверное думает, что он умнее нас! Сделал вид, что бежит сюда, а сам в кустах засел!

– Вот падла!

«Сам ты падла», – подумал Марат.

– А чего Буля этот про него сказал? – вдруг спросил третий голос.

– Говорит, он новенький, мол, борзый очень, что надо проучить.

– Мало ли что этот бомж говорит. Мы еще под его дудку плясать будем?

– Да не, не будем... Пошли. Найдём других.

– Погоди, давай опять спалим их пожитки! – развеселился пьяный мент.

– Да не, не надо, Лёх... Сейчас лето. Пожар может случиться.

Этот голос более трезво и адекватно звучал. Ну правильно, кто-то должен присматривать за остальными.

Зазвучал грохот, шелест и хруст. Менты решили оставить след своего пребывания здесь. Куражатся, ломают бомжацкий ночлег.

– Всё, ладно, пойдём!

– Подожди, капитан, последний штрих!

– Ну ты и вандал, Лёша! – заржал капитан.

Победный вскрик и звук разбитого стекла.

–Хорош! Уходим.

Хруст удаляющихся шагов и пьяное гыгыкание. Решили

осмотреть территорию вокруг. Либо плюнуть на «новенького», что вероятнее всего.

Марат не хотел сходить с этого места: мягкая сумка за спиной, сквозь которую немного чувствовался холод от плиты, и плюс удобное положение, которое так удачно удалось занять парню. Синяк на спине ныл намного меньше. Но ему нельзя было здесь оставаться в таком удобном положении, иначе можно уснуть и даже проспять работу. Да плюс не очень-то хотелось просыпаться в стане врага.

Сейчас... Только еще немного посидеть...

Грохот удара кирпича о стену. Знакомый голос:

– Ко-о-о-злы!!

Марат открыл глаза, уже было светло. Похоже, всё-таки уснул. Но, судя по прохладной свежести, что улавливало его обоняние, было совсем еще рано.

– Смотри, Буля, они здесь опять всё разрушили! – продолжил Паша. – Ну, хорошо хоть не сожгли...

Марат осторожно отодвинулся от щели между плитами, чтобы его не заметили снизу, и продолжил слушать.

– Мне интересно, нашли ли они новенького? Почему они опять именно сюда заявились? – сказал Буля.

– Он сбежал, наверно... Он же теперь с теми... Ну, те... А там, ну...

– С кем с теми?! Говори нормально!

– Валюха, Вася-труба... Ну, там...

– Что ты мыкаешь! Скажи нормально! Тебя хрен поймёшь!

Марат улыбнулся уголком губ. Он стал свидетелем того, как Буля, раздражаясь, пытается научить бездомного алкаша говорить понятным языком. Их вожак, скорее всего, сразу понял, о чем пытается сказать бомж, но в силу своей вспыльчивости специально раздраживал сам себя, пытаясь выпытать у бедного бродяги хоть одно нормальное предложение. Эта привычка, как заметил Марат, была неотъемлемой частью Були – привычка гасить раздражение, обругивая своих приспешников.

– Если не можешь сказать, так и молчи! Бесит, когда ты зявалку свою распахиваешь!

– Да я чё... Я...

– Чё чё... Всё, заткнись! Давай, убирай иди... – процедил Буля, а затем более громко объявил, – короче, приберитесь чуть и спать ложитесь, я возьму матрац и пойду посплю на кухне!

Послышалось шуршание веника, слабый стук и чуть слышные разговоры.

Вскоре, прямо под Маратом раздался голос Були, который, видимо, тащил матрац:

– Ну, Капитан Солодкин! Попляшешь ты у меня однажды... Попросил же меня и хату не трогать... Бей кого хочешь! Новенький весь твой! Так нет же, надо напакостить.

Мразь...

Марат улыбался. Буля-то, оказывается, стукачок! «Бей кого хочешь, но меня не трогай. А еще у нас есть новенький, который весь твой.» Как интересно!

Он дождался, когда все стихнет, и осторожно направился к окну. Выглянув наружу, он понял, что здесь невысоко, но прыгать, однако, не хотелось. Испытывая ноющую боль в спине, Марат свесился на руках и спрыгнул на кучу обломков, которые под ногами стали разбегаться в стороны маленькими камешками. Этот шум, как надеялся парень, не заметит никто, поскольку только что была уборка, и каждый из обитателей «хаты» подумает, что это была её часть. Так и вышло.

Пора валить за горизонт, как сказал бы Пацик. Интересно, как там сейчас его друзья?...

Площадь вокзала утопала в голубом рассеянном свете прохладного утра. Машин на проезжей части, казалось, меньше не стало, и днем и ночью их было как будто одинаковое количество. Знакомый подземный переход выдавливал из себя людей, спешащих на раннее отправление и, наоборот, проглатывал прибывших.

Как и в прошлый раз, Марат представил, что из здания вокзала вышла Дарина и, подойдя, обняла его крепко-крепко. Он чувствовал, как бьется её сердце, и чувствовал бие-ние своего. Они звучали в унисон, дополняя друг друга, и

образовывали общий пульс любви.

Оторвавшись от него и оглядев его одежду, она озабоченно, но с улыбкой, заговорила:

– Марик, ты почему такой потрепанный и грязный, где тебя ночью носило?

– Ну, я же сплю на улице, Даринка...

– Но всё равно, Марик, что-то ты мне не договариваешь, – улыбнулась она.

Он обожал представлять её озабоченность его видом.

– Всё нормально, Даринка, всё в порядке. Сейчас к планёрке переденусь в «РЖД» и буду выглядеть получше.

– Точно! – захохотала девушка. – Эта форма делает из тебя супермачо! Такой красавец становишься, загляденье!

– Да перестань, – вторил её смеху Марат.

Парень знал, что сегодня его, скорее всего, поставят на улицу, поэтому нужно было представить, как Дарина куда-то уйдёт, дабы не разговаривать сам с собой на виду у прохожих и бомжей.

– Марик, я же сегодня выхожу первый день на работу!

– Тот сэконд-хэнд?

– Да! Так что мы увидимся с тобой только к вечеру...

– Ну, ничего, у нас впереди вся жизнь.

– Ты собираешься меня всю жизнь себе представлять?

Опять галлюцинация. Не нравится ему, когда она говорит что-то, что он себе не воображает.

– Мне пора идти, – сказал он, проигнорировав её вопрос.

Он представил как она схватила его за руку и, притянув к себе, крепко поцеловала. Потом осторожно оторвала свои губы от его губ и, раскрыв свои изумительные глаза, посмотрела в его. Не нужно было слов, вместо них говорили чувства

Марату это было необходимо, ведь ему очень не хватало этих чудесных фантазий.

Глава 17

– Да, слушаю, – прозвучало из трубки.

– Юлия, здравствуйте, это...

– Марат, ты? Опять выкаешь мне... – с досадой в голосе проговорила дочь Александра Григорьевича.

– Ой... Ну... Ты узнала что-нибудь?

– Да, в общем, пробили мы по своим каналам. Смотри... Фамилия твоего отца довольно редкая для Омска. С этим, конечно, повезло. В нашем мегаполисе-миллионнике есть два Олега Динари. Один из них молодой, работает на небольшом теплоходе на Иртыше...

– А второй? – перебил Юлю Марат, сразу отбросив предложенный вариант.

– А второй, я думаю, более нам подходит. Семейный мужчина, 56 лет...

Вот это «НАМ подходит» Марату не очень понравилось. И он даже не мог объяснить, почему. Вопросов, связанных с дочерью деревенского рыночного торговца, возникало всё больше и больше.

– Кстати, – продолжила она. – На него зарегистрирован «И-пэ».

Что такое ИП Марат не знал, но предполагал, что это понятие связано с бизнесом. Значит, Олег Динари... Бизнесмен. Ну вообще, как раз то, что нужно.

– Адрес дашь?

– Ты собираешься ехать к нему? И что ты ему скажешь?

Парень промолчал.

– Ладно-ладно Марат, не моё это дело, я понимаю, – будто с обидой пролепетала Юля. – Значит, записывай...

Нацарапав огрызком карандаша адрес на картонке из-под пачки чая, и, поблагодарив Юлию, он повесил трубку, а затем вышел из-под козырька таксофона и, взглянув на бескрайнее омское небо, с облегчением вздохнул.

– Сегодня, – сказал он. – Я поеду по адресу сегодня вечером. Слышишь, Даринка?

Дарина молчала. Он снова не мог её представить. Его подсознание не давало этого сделать, ведь где-то там, в глубине, была уверенность, что Дарина якобы на работе, и ее сейчас не может быть рядом. Марат снова глубоко вздохнул и подумал о том, что вечером попробует поговорить с отцом и, может быть, попросит его о помощи. Главное, чтобы всё это время рядом была его воображаемая спутница. Без этой девушки, которую он себе выдумал, ему было совсем сложно – это особенно явственно ощущалось, когда он находился в одиночестве на своем рабочем посту охранника, боясь представить её и опасаясь новых нежелательных галлюцинаций.

Весь остальной день Марат спокойно отработывал, стоя на улице на небольшом пяточке среди разношерстных автомобилей. Мимо вышагивали прохожие, поглощенные сво-

им внутренним миром; парковались и снова уезжали машины; подходил пару раз таксист Женя и поднимал парню настроение. Ближе к концу рабочего дня начался дождь, но и здесь добродушный таксист решил спасти молодого охранника вокзала:

– На, держи! На том свете, может, вспомнишь! – смеясь провозгласил Женя, протянув парню старый изношенный зонтик. Этот зонтик был еще цел и, несмотря на свою потёртость, довольно сносно укрывал человека, прячущегося от дождя.

– Почему на том свете? – хохотнул в ответ парень. – Я тебя и здесь вспомню!

– Ну, только добрым словом-то, а! А то ведь на другое я не согласный! А ты чего такой помятый?

– Да вот...

– Местные разборки поди?

– Ну, можно и так сказать.

– Ну, ты ведь каратист же, каких свет не видывал?

– Чего? – задумчиво буркнул Марат.

– Да ничё! – захохотал усатый таксист. – Это я так! Пытаюсь тебя развеселить, а ты...

Марат улыбнулся, потеряв ушибленную спину.

– Ладно, слушай, – сказал Женя, сменив тон, – я, конечно, давно в курсе про эти пьяные рейды. Эти менты – беспредел, что тут скажешь... Я только знаю, что твоя начальница как-то связана с этим.

– Да это я уж и сам догадался. Там и Буля этот как-то связан. Стучит им...

– Он никак с ними не связан, Марат-сто-карат, – снова перешёл на шуточный тон вокзальный бомбила. – Просто он сыт, понимаешь, сикает!

– Понимаю, – рассмеялся Марат. – Чё ж тут непонятного.

– Но боится он не того, что его побьют...

– А чего?

– Я тебе рассказывать не буду... Боюсь соврать, налепить того шо не надобно. Ты лучше у старика Геры узнай, он тебе поведает. Хотя, может, и не скажет, кто его знает-тоть.

– Да что ты заладил, таксист! Может то, а может это!

Женя хорошо уловил шуточные нотки и искренне захохотал. Впрочем, это почти всегда было искренне. Есть же люди...

– Ты смотри какой дерзкий-деревенский! А то буквально вчера был неуверенный и испуганный, как котенок!

– Котенок за один день превратился в тигра, понял, дядя Женя? И всё, не мешай работать!

– Ха-ха-ха! Ох и нравишься ты мне, парень! Ладно, чао-какао, друг, увидимся!

– Жень, стой... Я тут хотел у тебя помощи попросить... Мне неудобно... Ты ведь и так мне помогаешь.

– Перестань мяться! Омск не терпит неуверенности! Говори, брат! Не томи душу!

– Мне сегодня вечером нужно попасть по одному адре-

су...

Марат достал картонку и протянул ее Жене.

– Это недалеко, – пробормотал таксист. – Тебе повезло и это будет стоить не так много.

– Я...

– Да шучу я, Господи!

Женя предложил отвезти Марата в семь вечера, поскольку это было именно то время, когда вокзальный бомбила обычно заканчивал рабочий день и уезжал домой.

– Марик, скучал? Как ты, мой герой? – услышал Марат игривый женский голосок, как только закончился рабочий день и вечерняя группа охранников сменила дневную. Вот и она – любимая призрачная девушка.

– Конечно скучал, моя Даринка, весь день думал о тебе! Как у тебя дела?

– Хорошо! Отработала день. В магазин-то почти никто не заходит. Мне так и хотелось улизнуть на десять минут и прийти к тебе!

Он представил, как она, улыбаясь и запинаясь от волнения, рассказывает ему все подробности новой работы. Ему приятно было осознавать, что девушка, пусть ненастоящая, делится с ним событиями прошедшего дня. Вот только иногда в своем повествовании она излагала такие подробности, какие он сам не смог бы придумать. Странная все-таки штука – человеческое подсознание. У Марата сложилась некая

теория – подсознание, запоминая некоторые детали из телепередач или из радиоэфиров, воспроизводило новые подробности рассказа Дарины уже самопроизвольными деталями. Это одновременно пугало и забавляло парня.

– Даринка, а у меня есть новости, и мы скоро кое-куда едем!

– Марик! Ты узнал адрес отца?... Неужели!

– Да. Женя нас отвезет к нему. Я договорился.

– А ты не боишься при Жене говорить со мной? Ты с ним вроде так подружился, а то ведь сочтет тебя душевнобольным.

– Я постараюсь с тобой не говорить. И ты тоже у меня ничего не спрашивай. Договорились?

– Да, мой капитан! – воскликнула она, но в ее задорности Марат уловил нотку огорчения.

– Даринка...

Она его поняла с полуслова.

– Все хорошо, Марик, не бери в голову. Буду молчать.

Через сорок минут возле Марата остановилась машина Жени, издавая пение свежих покрышек. Марат бросил в салон свою уже потертую сумку, устроился на заднем сиденье, вообразив, что рядом с ним села Дарина, и протянул картонку с адресом водителю. Тот махнул утвердительно, дескать, «я помню», и они тронулись с места, оставляя позади злосчастный омский вокзал. Всю дорогу Марат чувствовал как

наяву тепло хрупкого тела своей воображаемой девушки, и это отдавалось в нем сладко-тоскливым чувством родственности с этим призрачным человеком рядом. Она молчала, как и пообещала ранее. Но, что странно, всю дорогу молчал и таксист Женя, который без шуток и своего заразительного хохота не мог ступить и шагу. Что-то было не так. И это было не в первый раз. Такое он ощущал и ранее, и это состояние ему очень не нравилось: Марат как будто находился в каком-то стеклянном сосуде – совершенно один – притом, что вокруг него были живые люди. Он пытался позвать таксиста, спросить у него что-то, заведя разговор, но тот упорно молчал и вел своего железного коня, задумавшись о чем-то своем.

«Видимо, неудачный день, – подумал Марат, – а тут я со своими проблемами».

Вскоре автомобиль остановился у многоэтажного дома.

– Ну, приехали, Марат-сто-карат! – весело прощebetал Женя, словно проснувшись от тягучего сна. – Бывай! Увидимся! Назад уж сам как-нибудь, оке? Трамвай тут, я знаю, вон с той остановки доставит тебя напрямиком на вокзал. На любой садись, они все в ту сторону едут!

– Да, спасибо, Жень, ты уж извини, если что не так!...

Таксист отмахнулся, как от назойливой мухи и, стартанув с места, укатил дальше.

– Марик, теперь можно говорить? – поинтересовалась воображаемая девушка.

Её тон не понравился парню. Она как будто сдерживала смех.

– Можно, – невесело буркнул Марат, направляясь к подъезду, даже не взглянув на неё.

– Чего ты сейчас недовольный?

– Потому что ты смеешься надо мной! Ну да, я псих больной, и чего теперь?! Я же тебя придумал, теперь ты выходишь из-под моего контроля, становишься галлюцинацией все чаще и чаще. И при этом галлюцинация еще и смеется надо мной! Слушай, Дарин, мне это очень не нравится...

– Да подожди ты кипятиться, что с тобой такое?

Марат чувствовал какое-то противное, едкое раздражение и вскоре понял, с чем это связано.

– Марик, я поняла. Просто ты волнуешься. Эта встреча с отцом... Успокойся.

Марат нервно вдохнул и, прикрыв глаза, произнес:

– Да, Даринка, прости, не люблю повышать на тебя голос...

– Ничего. Тебе нужно было выпустить пар, удовлетворить жажду раздражения, очистить накопившиеся негативные эмоции, чтобы со свежими силами ступить в незнакомую для тебя реальность.

– Думаешь?

– Конечно! Никогда не знаешь, что будет дальше. Ты ехал в Омск прежде всего найти отца. Вот, ты его нашел. Удачной встреча будет или нет – неизвестно. Но ведь главное –

сам путь, что ты проделал, и вселенная не имеет права повернуться к тебе спиной после всего...

– Будем надеяться.

– Замени.

– Что?

– Замени слово «надеяться» на слово «верить».

– Будем верить.

Глава 18

Девушка стояла на ухоженной площадке лестничного пролета, которая находилась ниже, и улыбалась. Он должен быть один, когда откроется дверь. Если Дарина будет рядом, то парень будет вести себя неестественно, что может напугать отца, и поэтому быстро возникла мысль, что девушка останется и будет наблюдать со стороны.

– Давай, с Богом! – раздался эхом приглушенный голос девушки.

С Богом.

Палец парня надавил на кнопку дверного звонка, заставляя неведомую птицу чирикать внутри квартиры. Следом послышалось наивное тьяканье небольшой собачки, которое мгновенно прекратилось, как только повернулся замок. Дверь аккуратно приоткрылась. В образовавшийся проем протиснулась маленькая мальчишеская голова с топорщащимися вихрами на затылке и удивленно уставилась на Марата.

– А вам когоо...

У Марата сладко защемило где-то в груди. Боже... Это его брат. Из глубины квартиры раздался твердый мужской голос: «Витя, тебе сколько раз говорили, не открывай незнакомым людям сам!»

А это – его отец.

– Позови, пожалуйста, папу... Папа дома?

– Сейчас!

Через несколько мгновений к Марату вышел высокий худой человек с сильно поредевшей шевелюрой неопределенного цвета. Однако, худоба проглядывалась только в лице и плечах; ниже груди его красовался огромный пивной шар. Мужчина был одет в новую спортивную форму и сланцы, будто только вернулся с пробежки, хотя Марат понимал, что это всего лишь домашняя одежда, и никаких пробежек нет, учитывая необъятное пузо мужчины. Как сказала бы Дарина: «Человек обычно не тот, кем кажется тебе. И зачастую не тот, кем кажется себе».

– Чем могу помочь? – бросил Олег Юрьевич Дианари (а это, несомненно, был он).

Марат смотрел на него исподлобья и не ощущал ничего. Ему казалось, что он будет переживать яркие смешанные чувства при виде отца, но внутри был полный штиль. Будто эмоции в этот момент отключились от питания, требуя зарядки, а перед ним стоял абсолютно чужой человек. Впрочем, он и был ему чужим.

– Ну, не знаю... А ты можешь помочь? – ответил Марат, пристально глядя на человека в спортивке.

– Эмм... Мы знакомы? Ты кто?

– Я – Марат.

– И что? Я – Олег. Для тебя Олег Юрьевич. Чего тебе, пацан? Продаёшь чего?

– Не груби, папаша...

Краем глаза Марат заметил, как Дарина машет ему с лестничного пролета, подавая знаки «не надо, не заводишь, будь вежливее».

– Какой я тебе папаша?! Ты кто такой, паренёк? Мне милицию вызвать?

– Ты меня не узнаешь? – неуверенно спросил Марат. Он почувствовал всю глупость вопроса, ведь отец его видел лишь пару раз, когда он был совсем малышом. Так со всей уверенностью можно было сказать, что отец его не видел никогда.

– А должен? – раздраженно ответил мужчина.

Марат вздохнул, собрался с силами и проговорил:

– Ты – Олег Юрьевич Динари. Я – Марат Динари. Деревня Ивановка... Бабка, хозяйство у неё...

– Стоп.

Отец пристально смотрел на сына. Морщины, покрывавшие его лоб, казалось, стали глубже и отчетливей, желваки так и играли под худыми щеками, и только сейчас Марат заметил, насколько человек был бледен.

Спустя паузу мужчина спросил:

– И что ты хочешь?...

– «Что ты хочешь»?! Я сын твой!

– Ты голос не повышай, – процедил отец, прикрывая за собой дверь. – Я, по-твоему, должен скакать от радости?

– Не должен. Ты мне вообще ничего не должен, кроме то-

го, чтобы быть отцом, и не бросать расти одного.

– Послушай, как тебя...Марат?... Марат, ты не вовремя. Ты приехал выяснять отношения?... Ну, я... Я не знаю, что я должен сделать. Мне извиниться перед тобой? У меня своя семья, другая жизнь.

– А вот этот мелкий – мой брат, получается?

– Не надо. Слушай, не лезь к нему и не подходи. Оставь нас в покое... Блин. Бабка же обещала, что ты меня никогда не потревожишь! Я же исправно переводил деньги!

– Ну, хоть за это спасибо.

– Слушай, ты правда не вовремя...

– Ты это уже говорил, папа.

Странно, но когда он произнёс слово «папа», внутри что-то шевельнулось. Он ведь никогда никого так не называл.

– Подожди минуту, я сейчас, – сказал мужчина и вошел в квартиру, прикрыв за собой дверь.

– Ну как ты, Марик, ничего? – эхом раздался полусшепот Дарины.

– Нормально.

– Спокойно, ты только не заводись, ладно? Его тоже можно понять...

– Ты так думаешь? – резанул парень.

– Тихо, Марик, ну тихо... Сейчас соседи сбегутся смотреть, что происходит.

– Ну да, а я тут сам с собой разговариваю. Ну-ну...

Дверь открылась и на пороге появилась женщина лет

тридцати пяти, в синем шелковом халате.

– Вы кто, молодой человек?

Марат снова заметил знаки Дарины «не говори».

– А вам какое дело? У меня свои вопросы с вашим мужем.

– Не надо грубить, молодой человек. Вы думаете, я не позвоню в милицию? Что вам от нас нужно?

Женщина говорила нарочито громко, чтобы слышал весь подъезд. Вернулся отец.

– Любаш, не надо... Сейчас он уйдёт. Я сам разберусь. Это... Это по работе.

– По какой работе? Ты не работаешь уже пять лет!

– Ну, по бывшей работе...

Ага, значит отец давно уже не чиновник. Интересно, а чем же он зарабатывает?

– Ладно, разбирайся, Олежа, но чтобы его тут через пять минут не было. Он Мурсика пугает нашего! Ты не заметил, что он лаять перестал? Забился за кресло и не выходит.

Мурсик – это, видимо, собачка, что заливалась неистовым лаем после звонка. Забавно.

– Сейчас. Сейчас он уйдет, Люб, дай нам поговорить.

Люба, жена отца, скрылась внутри квартиры, которая, как заметил Марат, была неплохо обставлена и довольно просторна.

– Слушай... На вот, все, что есть.

Отец протянул ему скомканную пачку купюр.

– Ты от меня откупиться решил, папаша?

– Я... Я не знаю, что я должен сделать. Чем тебе помочь? – мямлил отец Марата.

– Я живу на вокзале. Ночую на улице! Ты можешь хотя бы крышу какую-то дать над головой?

– Впустить я тебя не могу... Ты же понимаешь. Я не хочу, чтобы они знали о тебе. Возьми деньги! Здесь хватит тебе на какое-то время...

– А что потом?

– Я не знаю... Боже, как ты не вовремя!

– Уж извините, папаша, что свалился вам на голову!

Дарина ладонями вниз осторожно опускала и поднимала руки. Это было всего лишь движение, но этим она говорило ему «спокойнее, Марик».

– Ладно, сейчас. У меня идея, – сказал отец и снова скрылся за дверью квартиры.

Вернувшись буквально через несколько секунд, он протянул парню связку ключей. Связкой, конечно, это было сложно назвать, скорее, два ключа на небольшом колечке.

– Вот, смотри... Как раз таки не так далеко от вокзала есть старый завод. Он не функционирует – закрыт. Внутри есть сторож, но его не бойся – он временно. Скажешь, что от меня. И всё... Пожалуйста с ним не общайся. Ничего ему про себя не рассказывай...

– Почему?

Отец будто не услышал и продолжил:

– Скоро завод продадут, я как раз этим занимаюсь, но как

скоро это будет – не знаю... Там есть небольшие одноэтажные кирпичные хибарки вдоль забора – это бывший гараж, мастерские и так далее... Даю тебе ключ от одной из них. Сейчас пока тепло, ты можешь пожить там. Я как раз её использую как склад для своих старых домашних вещей. Можешь делать там, что хочешь, как угодно обустроить, я не против...

– А твои туда не могут наведаться? Женушка, например?

– Нет. Она знает, что я продаю завод и не более. Ей это неинтересно.

– Ну хоть так, спасибо... – буркнул парень.

Отец проигнорировал его слова и продолжил:

– Пока поживи на эти деньги, что я тебе дал. Через пару недель я приеду, привезу еще. Ты вообще где-то работаешь? Или просто... Или просто приехал и живешь на вокзале... Ты зачем вообще сбежал из деревни? Как там бабка твоя?

– Она не моя. Зачем я уехал – это мое дело, – произнес Марат, уже заметно успокоившийся. – Мне нужна была помощь – ты мне ее дал. Спасибо. В остальном я сам.

– Ну... Сам так сам. Ладно... Я к тебе заеду, через пару...

– Ага.

Мужчина, смутившись, замолчал. Наступила неловкая пауза.

– Куда ехать ты мне скажешь? – спросил парень.

Отец протянул ему сложенную бумажку, видимо, успел быстро нацарапать, когда ходил за ключами.

– Ну давай... Марат, это... Крепись. Ты, я вижу, парень крепкий...

– Ой, ладно, папаша, не надо вот этого... – бросил через плечо сын, спускаясь к Дарине.

Они обнялись и поцеловались. Марат чувствовал как наяву ее нежные теплые губы. Дверь в квартиру выше давно уже закрылась, и остались только двое – он и его воображаемая девушка.

– Ты ведь знаешь, что я тебя люблю? – говорила она.

– Знаю, и только благодаря этому я в ответ тебя люблю еще сильнее.

Спустившись на лифте (для Марата сегодня это было чем-то новым), и выйдя из подъезда, он пересёк проезжую часть и направился в сторону остановки трамваев. Ему нужно было узнать у любого водителя общественного транспорта, как доехать по указанному адресу. Всё получилось удачно: буквально через пять минут остановился практически пустой трамвай, и женщина, сидевшая на месте водителя, дружелюбно объяснила парню, каким образом он мог бы попасть к заброшенному заводу.

– Ну что, Марик, едем на этом транспорте с пересадкой или пойдем ждать другой, который нас по прямой доставит? – спросила Дарина.

Марат призадумался на секунду.

– Молодые люди, быстрее, у меня расписание! Едем дальше?

«Молодые люди»? Он же один. Видимо, это манера омичей, называть молодого человека во множественном числе...

– Едем с вами, потом на пересадку. Вы мне скажете, когда?

– Я напомню, да. Динамик не работает, но я махну тебе. Будь внимателен. Тебе нужно проехать четыре остановки...

Трамвай неспешно тронулся и лениво пополз по рельсам. Марат прошёл в конец вагона и, сев на одно из сидений, принялся наблюдать за незнакомой городской жизнью, которую окутывал оранжевым цветом потрясающий омский закат. Казалось, люди были счастливы, и возможно, это так и было, ведь счастье, как водится, приходит летом. Но Дарина однажды сказала: «Люди прячут себя в улыбках». И это правда. Неважно, лето или зима, человек всегда будет поглощён своими проблемами, даже если при этом на лице светится святая гармония.

– Смотри, Даринка, а город действительно уютен и красив. Я бы хотел здесь жить.

– Ну ты ведь и так здесь уже живешь, Марик, – сказала Дарина. – Неважно, как именно и где. Ты уже омич.

– Как-как? – ухмыльнулся Марат.

– Омич, – повторила Дарина, едва сдерживая смех.

– Звучит так, как будто я записал рэп-альбом года.

Девушка расхохоталась.

Марат улыбался и смотрел на нее. Как же здорово, что она везде с ним.

Выйдя из трамвая на нужной остановке и узнав у прохожего, где останавливается другой трамвай, парень отправился в указанном направлении. По дороге он зашёл в магазин, купил целый пакет съестного, а также, дойдя до небольшой кучки палаток, где женщины торговали одеждой, сменил джинсы и футболку.

– Ох, я теперь как заново родился! – воскликнул Марат, выливая на руку воду из бутылки и умывая лицо.

– Ты давай поешь, Марик!

– Да поем-поем, успею! Поехали скорее в эту кладовку отцовскую, посмотрим, что там.

– Жил на вокзале, теперь будешь жить в кладовке. Парень приехал покорять Омск, и я с ним заодно!

– Ой как смешно, Даринка!

Он привлек ее к себе. Она звонко захохотала все еще тем самым смехом, похожим на звон божественного хрусталя.

– Ты же знаешь, что однажды мы будем жить в своей квартире. У нас будет все, и это не пустые слова.

– А в квартире будет своя стиральная машина? – ехидно прищурившись, спросила девушка, обнажая ямочки на щеках.

– В ней будет все, что ты захочешь!

– А если серьезно, Марик, твой квест, если так посмотреть, проходит довольно удачно, ты не находишь?

– Один из этапов...

– Один из **ОСНОВНЫХ** этапов.

– Один из основных этапов – пройден.

И они оба утонули в жадном поцелуе.

Глава 19

Сумерки лениво сгустились, обволакивая путами мрачное индустриальное место, которое свирепо отпугивало пустотой заблудившиеся тени. Вид был жутковато таинственный, словно перед глазами предстал кадр из триллера: разбитый асфальт по периметру территории, из которого то и дело безжизненно торчали пучки сорняков; сетчатый забор, проржавевший настолько, что, казалось, при желании его можно разорвать руками; кучки кирпичей, битой плитки и ржавой арматуры, лежащие так, будто уже не ждали, что их когда-нибудь уберут; те самые кирпичные строения, задняя стена которых являлась продолжением ограждения; ну и, конечно же, само здание завода, что стояло во главе промышленного пейзажа и которое, несомненно, являлось умершим, о чем говорили многочисленные пустые глазницы окон.

– Ох, Марик, что-то мне не по себе, – передёрнула плечами Дарина.

– Ничего. Все нормально. Пойдем.

Марат взял её за руку и направился к воротам, которые в отличие от остального хлипкого забора были почти новыми и стояли довольно устойчиво, стянутые между собой большим амбарным замком. Убедившись, что ворота закрыты накрепко и рядом нет никакой калитки, он взгляделся в зда-

ние, задумчиво пережевывая слова:

– Вон, смотри, видишь – свет горит, на первом этаже, справа, у входа? Видимо, это сторож.

– Будешь его звать отсюда? – поинтересовалась девушка.

– Ну, можно постучать по воротам...

– Да мало ли, кто здесь стучит, Марик, сюда же, наверняка, подростки приходят весело проводить время. Вон, смотри, надписи по всем стенам.

– Но что-то я здесь не вижу никаких подростков, может, помимо сторожа, охрана тут какая-то есть...

– Отец бы тебе, наверное, сказал.

– Ну да, а то, говорит, там один сторож, с которым ты, мой брошенный сын, не разговаривай и не общайся.

– Интересно, почему с ним нельзя общаться? Опасения, что поймёт, что ты сын хозяина завода?

– Не знаю. Навряд ли... Какое дело обычному сторожу, кто кому сын?

– Гм... Что-то здесь неладно...

Марат молча побрел вдоль забора в поисках какого-нибудь лаза и вскоре нашёл его. Это была часть ржавой сетки, прилегающая к столбу, которая была никак на нём не закреплена. Если поднять ее за нижний угол, то открывалась вполне просторная дыра. Судя по засохшим следам, подростки именно здесь и пробирались на территорию.

Попав внутрь, Марат вновь огляделся. Перед ним воинственно простирались заросли репейника и крапивы, грозя-

щие оставить свои следы на всяк сюда входящем. Тропинка среди этих сорняковых джунглей еле просматривалась, вероятно, местные малолетние вандалы не бывали здесь давно.

– Нам туда, – пробормотал парень, кивнув в сторону.

Нужно было пройти от зарослей по разбитому асфальту к кирпичным боксам, и лучше бы это сделать незамеченным, поскольку настроения на выяснение отношений со сторожем у него не было. Марат еще раз бросил взгляд на слабоосвещенное окно главного здания и, взяв Дарину за руку, двинулся через заросли, осторожно обходя и перешагивая неприятно жалящие побеги. Ему нравилось представлять, как он укрывает свою девушку от крапивы, обжигаясь о заросли, при этом почти как наяву чувствуя благодарное, легкое сжигание ладошкой в капкане своей могучей кисти.

– Постой пока здесь, – тихо произнёс парень, когда они ступили на разбитый асфальт. Он представил, как девушка кивнула и отошла в сторону, встав за сухую корявую ель в ожидании знака.

Марат, дабы не терять времени, достал ключи и двинулся к первой двери, которая была частью больших металлических ворот.

Вдруг раздался сипловатый бас:

– Так! Пацаны! Вы чего опять здесь? Вам мало было тогда?

Уже второй раз такое... Ну почему его каждый раз замечают охранники и сторожа?

– Я тут один, извините. Я от Олега Юрьевича...

– От какого Олега Юрьевича?

К Марату, прихрамывая, приближался мужчина лет пятидесяти, который, впрочем, остановился на расстоянии, видимо, опасаясь непрошенного гостя.

– Ну как от какого? Олег Юрьевич Динари. Он дал мне ключи от одного из этих блоков.

Сторож тут же заметно смягчился. И, затягиваясь табачным дымом, но все еще глядя на парня с подозрением, спросил:

– Забрать что-то надо?

– Не совсем. Я...

Марат замаялся. Ему неудобно было говорить «я пришел переночевать».

– Что «Я»?

– Короче говоря, мне нужно пересидеть где-то, и вот...

– Ты его знакомый?

– Да.

– И откуда ты его знаешь?

– А вам какое дело?– раздражаясь, буркнул Марат.

– Да ладно тебе, парень... – будто бы испугавшись, залезил мужичок, – ключи Олега есть, значит, ты свой... Не мог же ты их украсть у него! Ты ж понимаешь, работа у меня...

Этот мужичок сразу почему-то вызывал чувство жалости у Марата. Было видно, что что-то с ним не так. Скорее все-

го, отец его по доброте душевной пристроил сюда сидеть по ночам, ведь охранник из него был никакой.

– Ты надолго?

Марат сдался. Надо сказать.

– До утра. И, наверное, завтра приду тоже. Олег Юрьевич разрешил какое-то время здесь ночевать.

– Ну, ясно. Ладно... Значит, свои. Тут раньше постоянно подростки шныряли, рисовали на стенах. Ну, наркотики, выпивка... Им плевать было, что здесь сторож. Тем более, такой, как я, немощный. Я тут временно, вообще-то. Делаю обход по вечерам, смотрю, чтоб везде было все нормально. А подростков гонять я, конечно, не нанимался... Хорошо, Олег нанял местный ЧОП. Пару раз приехали, наказали этих вандалов, теперь не суются.

– Угу, – промычал Марат и снова двинулся в сторону ближайшей двери. Ему было неинтересно то, что рассказывает сторож.

– Как звать-то тебя, раз уж мы будем соседями теперь? – бросил ему вслед мужчина.

– Марат.

– Марат?... Хм...

– Ну да. А вас как?

– Фёдор Алексеевич. Можно просто Фёдор. Слушай, парень, не пробуй ты эти ключи ко всем дверям. Вон, видишь, отдельный хозблок? Ну, вот эта ржавая дверца и есть то, что тебе нужно. Только ее нужно правильно открывать. Давай

помогу, ты сразу не откроешь.

Фёдор проковылял ближе к Марату, взял у него ключи и пристально посмотрел новому соседу в лицо. Затем, улыбнувшись, побрел к узкой железной двери, что являлась крайней у одного из кирпичных строений. Приподнимая массивную дверь за ржавую ручку и поворачивая ключ, сторож приговаривал «похож, похож...». Марат сделал вид, что этого не слышал, ведь он догадался, что мужичок узнал в нём сына своего начальника. Не хотелось сейчас что-то объяснять незнакомому мужчине.

Шагнув внутрь, Марат даже не удивился нагромождению хлама, что заполнял все пространство хозблока. Так примерно он себе и представлял это помещение: обшарпанные кирпичные стены, еще в некоторых местах держащие на себе остатки бетона и синей краски; рыхлый потолок без единого намека на сглаживающее покрытие; одинокая лампочка, висящая посередине на корявом пыльном проводе, и запах старых вещей, покрытых многолетней, застарелой пылью. Повернувшись к двери, Марат кивнул Фёдору, а потом грубо закрыл ее перед носом сторожа, всем своим видом показывая «спасибо, но я очень устал». Сейчас нужно первым делом осмотреть внимательнее помещение и придумать себе какое-то ложе.

Из-под зеленоватого брезента (видимо, это была старая палатка) выглядывала треснутая стойка кровати. Это было то, что нужно. Если на ней сохранился матрас, то Марату

повезло – спать он будет почти что в комфорте.

– Н-да, Марик... Ну это все же лучше, чем сидя в зале ожидания. И уж точно лучше, чем сидя под козырьком, накрываясь картонкой, – сказала Дарина. Она была уже здесь.

– Прости, что заставил тебя ждать.

– Да ничего, я все слышала. Он тебя вроде узнал.

– Он узнал во мне черты Олега Динари и, наверное, понял, что я сын.

– Ну да, наверное, ты прав... – неуверенно прошептала девушка.

Раздался гулкий стук в железную дверь. Это вновь был сторож Фёдор, который принес потрепанный матрас для Марата.

– На вот тебе. Я знаю, тут кровать где-то стояла... А, да! Вот она. Давай помогу разгрести...

При свете Марату показалось знакомым его лицо, и пока они вместе пытались освободить кровать, он мучительно пытался вспомнить, где видел Фёдора Алексеевича. Вместе они соорудили что-то похожее на добротное спальное место, и Марат, поблагодарив за помощь, принялся разгребать низкий журнальный столик, чтобы сложить на него свои пожитки.

– Ну всё? Дальше сам? – поинтересовался хромой мужичок.

– Да, спасибо.

– Ухх, вырос!

– Что?

– Да ничего. Это я так...

Направляясь к выходу, мужчина остановился на мгновение, а потом спросил:

– Как там мать-то моя?

Марат, продолжая переключать безделушки, вздрогнул и остановился. Он вспомнил, где видел этого мужчину. Он видел его в детстве, когда был еще совсем юным и ничего непонимающим сорванцом. Этот мужчина несколько раз приезжал к бабке, и они долго сидели на кухне и пили чай, при этом не приглашая за стол Марата, ведь еще будучи ребенком, он почему-то знал, что лишний среди них.

Отнекиваться от очевидных вещей парень не стал, а просто угрюмо ответил:

– Нормально. Жива-здорова.

– Ты ведь узнал меня?

– Узнал.

– Отец твой попросил придумать, куда тебя пристроить, когда ты родился, и...

– Не надо ничего объяснять, Фёдор. Идите. Спасибо за помощь, дальше я справлюсь.

Сторож вздохнул и вышел.

Несмотря на то, что Марат очень устал за день, он никак не мог уснуть. Сон всячески обходил его стороной, и даже воображаемая девушка, которая мирно посапывала у него на

руке, щекоча дыханием покрытое толстыми венами предплечье, не успокаивала его и не убаюкивала разгоряченный разум. Все мысли парня витали вокруг деревни, бабушки, ее сына Фёдора, отца...

В конце концов, устав от переживаний и навязчивых, тяжелых раздумий, он решил выйти подышать свежим воздухом, по привычке представив, как осторожно выбирается, покидая свое ложе, опасаясь разбудить любимую девушку. Небосвод был темен и чист – не было видно ни звездочки. Марат глубоко вдохнул ночной омский воздух и попытался успокоиться, освободив голову от шуршащих в голове гадких мыслей.

– Чего не спится, дружок?

Парень обратил внимание, что неподалеку разгуливает Фёдор Алексеевич. По всей видимости, он вышел покурить и как бы невзначай приблизился к хозблоку, где поселился сегодня Марат.

– Не спится.

– Да я вот тоже здесь по ночам плохо сплю... Ты, если хочешь, заходи, чай попьем. Чай у меня хороший. Вкусный! Посидим, поговорим...

Марат понимал, что поговорить с этим мужчиной стоит хотя бы ради того, чтобы немного успокоиться и прогнать так неистово пожирающие его тоскливые раздумья. Да и предложение выпить чай было заманчивым и прозвучало совершенно кстати.

– Ну... Почему бы и нет, – сказал он.

– Вот это по-нашему! Пошли!

– Сейчас, подождите...

Он приблизился к двери хозблока и, чуть приподняв, с лязгом закрыл ее. «Опять исчезла», – подумал Марат, заметив, что Дарины на старой кровати уже нет. Может, это к лучшему, тогда он спокойно может поговорить с Фёдором, без опаски, что тот сочтет его странным.

Каморка, где обитал сторож, напомнила Марату комнату Пацика – его друга из деревни. Это была комната три на четыре, завешанная разным тряпьем, по периметру которой располагалось бесчисленное количество пустых пивных банок, горделиво стоящих на всех окружающих поверхностях. Черно-белый телевизор без задней крышки молчал, и его немой сон продолжался уже долгое время, о чем можно было судить по слою пыли на округлом стеклянном экране. Это допотопное чудо техники, судя по всему, являлось некой полкой для мелких вещей, которыми была завалена его верхняя часть. Такой же полкой являлась и старая радиола рядом, но, в отличие от телевизора, не была покрыта пылью и уж точнoчaстo использовалась по назначению. Неприятный запах так и висел в воздухе, что говорило об отсутствии чистоплотности хозяина, и это опять же напоминало комнату Пацика. И только лишь стол, стоявший у окна, был удивительно чист и более-менее прибран; на нем находился

старый самовар и две дымящиеся ароматным паром кружки.

– Ну, рассказывай, дорогой Марат...

– Что рассказывать?

– Зачем ты сюда приехал из деревни? Да и вообще...

– Затем, что когда я родился, я решил, что не хочу всю свою жизнь провести с чужим человеком.

– Шутишь, значит?... Это хорошо. Мать ты мою оставил, бросил... У нее ж хозяйство! Я с ней год назад разговаривал по телефону – хвалила тебя, говорит, руки у тебя золотые, работающие. Да я и гляжу вон, силенка-то есть.

Марат молча отпивал из засаленной кружки, которую поставил ему сторож. Чай был действительно вкусный.

– Говорит, только дружочки у тебя непутёвые, как бы и ты такой не стал... – продолжил Фёдор Алексеевич. – А то началось... Выпивка, дискотеки... А то, может, и наркотики. А?

– Ты мне решил нотации здесь читать? – отставив кружку, спокойно проговорил Марат.

Вся вежливость парня внезапно исчезла, и называть этого мужичка на «вы» он почему-то больше не видел смысла. Марат вдруг почувствовал, что перед ним сидит такая же «деревня», как он сам. Этот персонаж, как видно, откуда же, из Ивановки, прибыл в мегаполис и выбился в люди, использовав однажды подвернувшийся шанс, и, скорее всего, этот шанс не имел ничего общего с законом. Да, конечно, парень понимал, что это не его дело, да и по большому сче-

ту, ему было всё равно. Но и пусть Фёдор не сует свой нос в его жизнь.

– Не собираюсь я тебе нотации читать. Просто хочу познакомиться поближе, – обиженно пробубнил сторож.

– Ладно... Расскажи, откуда ты знаешь отца? Почему ты сейчас работаешь ночным сторожем на заводе. И почему, в конце концов, когда я родился, меня отдали бабке в деревню? Ты не думаешь, что я имею право знать? Фёдор... Алексеевич...

Всё же назвать его Федей у Марата не повернулся язык, хотя была острая потребность съязвить. Спасибо бабке – воспитала. А быть может, это всё гены... Но «спасибо» отцу говорить почему-то ему не хотелось.

– А где мать моя? – задал новый вопрос парень.

– Слушай. Ладно... Давай все по порядку... – вздохнул Фёдор Алексеевич.

Как и предположил Марат, Фёдор Свиридов приехал в Омск зарабатывать деньги в составе одной из криминальных группировок. Познакомившись на одном из бандитских банкетов с Олегом Динари, он понял, что у них много общего, и предложил ему стать партнером в стремлении «пробиться в верха». Это был успешный творческий криминальный тандем, который принес Олегу бизнес (этот самый завод) и работу начальником омской торгово-промышленной палаты. Сам же Фёдор являлся его заместителем. Когда чиновник, Олег Юрьевич Динари, узнал, что случайно обрюха-

тил сотрудницу, первым делом, он, конечно же, поделился со своим другом, а тот в свою очередь предложил спрятать ребенка в надежное место далеко от мегаполиса. Это был все еще Советский Союз, и поэтому все похождения чиновников держалось втайне – никто не должен был знать. Мать ребенка умерла при родах, и Олег все-таки решился на поступок, предложенный его заместителем. Марат рос, а его отец не интересовался им. Но им интересовался Свиридов, который периодически заезжал и проводывал мальчика, заодно привозя деньги, которые отец по тем или иным причинам не смог выслать по почте. Однажды произошел казус с финансовыми махинациями, в которых участвовал чиновник Динари, после чего Олега попросили сложить полномочия, обещая замять дело. Его заместитель, конечно, последовал за ним. В скором времени бывший заместитель Динари, Фёдор Алексеевич Свиридов, пережил инсульт, а отец Марата, как и предполагалось, по доброте душевной, предложил работу ночным сторожем у себя на заводе.

– Чем же он зарабатывает, если завод не функционирует? А чем тебе платит? – спросил Марат.

– Есть у него некий пассивный доход... Хе-хе. Не спрашивай, – ухмыльнулся сторож.

– Незаконный?

– У нас всё законно!

– Ну-ну.

– Ну, до того, как мы перевели это в рамки закона... Это

было, конечно, не совсем...

– Так я и знал, дядя Фёдя, – ехидно буркнул парень.

Сторож улыбнулся, ему явно пришлось по душе такое обращение.

– Ничего плохого теперь нет. Начало девяностых, конечно, наложило свой отпечаток. Но сейчас, ближе к концу, все тип-топ.

– Тип-топ... – пробубнил Марат, отворачиваясь к окну.

– Доход небольшой, но стабильный. Ему, как он говорил, хватает. Ну и мне оплачивает ночные вот эти дежурства...

– Ладно. Я пойду спать. Мне завтра рано вставать на работу, Фёдор Алексеевич. Спасибо, что всё рассказал, теперь усну спокойнее.

– Тебя разбудить завтра?..

Марат уже не слышал. Он молча вышел из каморки и направился к хозблоку. Ночь была довольно свежа, слегка чувствовался приятный запах – предвестник дождя.

Открыв железную дверь, он увидел, что его любимая воображаемая девушка вновь спит на реанимированной кровати. Неосторожно лязгнув, он вошел. Дарина вздрогнула и, открыв глаза, спросила: «Все в порядке?» Парень кивнул и, устроившись рядом, крепко обнял своего любимую галлюцинацию. Все в порядке.

Глава 20

Дни тянулись, словно одинокий поезд, ползущий мимо спящей платформы. Марат исправно успевал на планерку, добросовестно отработывал день, а затем вновь ехал на завод. Конечно, парень не так себе представлял покорение мегаполиса, но смиренно принимал реальность такой, какая она есть, и в силу своего упорного характера продолжал делать то, что должен. Его грела мысль, что вот-вот на днях должна быть первая выплата ему как работнику вокзала. Этот заработок, произведенный вне своей глухой деревни, должен дать какую-то уверенность в правильности его пути, и именно эти деньги дадут старт к отсчету его самостоятельной успешной жизни. «Делание обычных вещей по-новому меняет тебя так, как будто то, к чему ты привык, не существовало вовсе», – говорила Дарина.

Минули также и первые выходные, которые парень посвятил туру по городу Омску и изучению его достопримечательностей, благо, погода в эти дни стояла солнечная. И, конечно же, он воображал, что не один. Иногда ему казалось, что Дарина действительно рядом, и он может дотронуться до нее, но подсознательно понимал, что это всего лишь надуманный мираж, который его мозг, словно в утешение, воссоздает для него, стараясь обхитрить гнетущее одиночество. Он прокатился в метро, побывал на Иртышской набережной, не пре-

минул зайти в один из музеев, а также посидел в кафе с видом на реку Омь и Юбилейный мост. Для Марата эти выходные были посвящены его девушке. Это было огромным удовольствием представлять свидание с ней и видеть (или почти видеть) улыбку на таком любимом лице. Ту самую искреннюю улыбку, которая говорила «я счастлива несмотря ни на что». Он уже почти перестал думать о том, что однажды ему захочется сводить точно так же на свидание настоящую девушку. Пусть люди думают, что хотят, а Марат будет довольствоваться тем, что он себе воображает.

К вечеру воскресенья парень наведался на вокзал и, дойдя до знакомого бомжацкого проулка, увидел одиноко сидящего Владика в углу, на законном месте дяди Геры. Тот сидел, сложив руки перед собой на коленях, и угрюмо изучал стену напротив. Глаза его были заплаканы.

– Влад, ты чего?

Молчание.

– Где дядя Гера? Где остальные?

Молчание.

– Что случилось, ты можешь сказать?

Снова никакой реакции, лишь горестно упавшая голова на сложенные руки.

– Тебе избили или чего? – Марат стал раздражаться. – Чего ты молчишь?

– Предатель этот пацан, вот что!

Сзади показалась припухлая красная физиономия. Это

был вдрызг пьяный Вася-Труба.

– Кого он предал, тебя, что ли? Где Валюха твоя беззубая? Идите проспитесь оба!

Вася испуганно закричал и попятился, неистово вытирая свои грязные ладони о рваную толстовку, которая безжизненно висела на субтильных плечах.

– Всех нас предал он... Валюха! Этот борзый опять пришел! – крикнул он куда-то в сторону, а услышав что-то в ответ, пьяно прохрипел. –Что?! Пошла ты, идиотка!

Бомж удалился, матерясь и вытирая руки о себя. Марат снова повернулся к горем убитому Владу.

– Кого ты там предал? Говори, Влад!

Немного помолчав, хилый паренек что-то все-таки промямлил.

– Что-что? – все сильнее повышал голос Марат.

Владик оторвал губы от сложенных рук, грязной ладонью отер лицо и, не глядя на Марата, произнес:

– Почему ты ушел?

– Куда?

– Почему ты с нами перестал оставаться?

Паренек жалобно взглянул на Марата.

– Я нашел себе ночлег и буду ночевать там, – ответил Марат.

Владик снова хмуро отвернулся.

– Там тепло? – спросил он.

Марат проигнорировал вопрос.

– Ты что, обиделся, что я теперь не с вами? У вас своя берлога есть, у меня своя.

– Теперь у нас нет берлоги, крепыш! – прозвучал вдруг голос дяди Геры.

Старик, появившись словно из ниоткуда, тяжело прошагал мимо Марата. Его внезапное появление было кстати, поскольку Марат окончательно стал закипать. Он жуть как не любил таких ситуаций, когда пытаешься выковырять правду, притом, что это явно не секрет.

– Почему? Может мне кто-нибудь объяснить?!

– Владка у нас бо-о-ольшущий молодец! Поддался влиянию Були и даже отдал ему ключи от нашей зимней берлоги!

Казалось, что старик произносит эти слова с некой долей юмора. Будто он совсем не зол на пацана, а как будто иронично играет роль.

– Зачем отдал? – не понял Марат.

– Расскажи, Владик, зачем ты отдал?

Худой паренек, сидящий у стены, внезапно заплакал, шевеля губами нечто вроде «я не хотел».

– Ладно, крепыш, у него истерика, – поджал седой подбородок старый бродяга. – Я сам расскажу...

Помолчав и покашляв, словно намеренно вызывая у Марата новый приступ раздражения, старик продолжил:

– Когда ты куда-то уехал, Владика пытался завербовать Буля. Обещал ему чуть ли не горы золота! На деле это конечно еда, ночлег и покровительство. Владик хотел быть как

у бомжа за пазухой! – тут бомж хохотнул. – Только Владиду нужно было сделать какой-то взнос, чтобы попасть в эту шайку. Ну и пацан решил отдать Буле ключи от берлоги. Ну а тот...

– А тот, конечно, послал его на три буквы и никуда не принял, – закончил Марат.

– Вот-вот! Надавали ему подзатыльников, мол, канай отсюда, малой!

– Ну ладно, отдал. Ну, и чего так убиваться, горевать?

– Не поймёшь ты никогда нашу бродяжью жизнь, крепыш. Эта берлога была для нас словно отдушина. Как некое успокоение, греющее душу нам, бездомным, которые знали, что есть, где спрятаться или согреться. Осознание того, что у тебя есть такое место, помогает держаться крепче.

Марат приблизился к сидящему Владиду и с жалостью посмотрел на него.

– Я не хотел... Я... – цедил сквозь руку Влад, безжизненно глядя перед собой.

– Перестань. Вставай, пошли.

– Ку... Куда?

– Ключи забирать.

– Ты будешь драться? – с оттенком восхищения спросил худой паренек.

– Не буду я драться. Пошли.

Владик спешно вытер слезы рукавами, вскочил, отряхнулся и направился к освещенному солнечным светом проходу.

Дядя Гера улыбался.

– Стой, подожи, крепыш... Может, само решится. Нужно просто немного подождать.

– Дядя Гер, такой подонок, как Буля, сам ключи назад не принесет. Чего ждать-то?

– Это да. Ключи надо забирать. Надеюсь, успеют...

Старик вздохнул.

– Кто? – удивился парень.

– Да это я так... Надеюсь, мол, успеют одуматься, прежде чем ты перемолотишь их всех! – рассмеялся дядя Гера.

Что-то здесь не так.

– Никто никого молотить не собирается, – нахмурился Марат.

– А ты уверен, что обойдется без драки?

– Не знаю. Посмотрим.

– Владик, конечно, не виноват... Его поманили, он и купился.

– Разберемся, кто виноват, а кто нет, – буркнул Марат, уходя.

Когда они прошли через полосы рельсов и уже приблизились к заброшенной двухэтажке, старший парень покровительственно дал наставление младшему, чтобы тот ждал на улице, а если позовут, тогда войдет.

– Хорошо, Марат... Ты будешь драться?...

– Да не буду я драться! Что ты заладил, Влад! Попрошу

отдать ключи назад.

– Так они тебе и отдали...

– Угу. Все, жди здесь.

Марат вошел в импровизированное жилье, которое было ему уже знакомо, и постучал по доске, стоящей вертикально у стены.

– Есть кто?

– Заходи, новенький! Заступаться за мелкого пришел? – голос явно принадлежал вожаку.

– Нет. Просто поговорить.

Марат отодвинул ткань, служащей дверью, и ступил на территорию неприятеля. Везде валялись заляпанные матрасы и рваные покрывала, на которых восседали невымытые обитатели заброшки, а чуть далее на единственной койке сидел, ухмыляясь, бомж с красным белком глаза. Атмосфера запустения, грязи и лжи.

– Ну, говори.

– Ключи, – твердо сказал парень, тем временем не забывая контролировать окружающую обстановку: как только кто-нибудь дернется, сразу получит. Важно быть наготове в таких ситуациях.

– Ты чего такой напряженный, новенький? Что «ключи»? Буля продолжал ухмыляться.

– Ключи верни.

– Не верну. Он мне их подарил. Да, пацан?!

Последнюю фразу главный бомж выкрикнул нарочито

громко, будто знал, что Владик ждет снаружи. Вопрос эхом пронесся через бетонные стены.

– Позови его сюда, чего он там стоит? У него и спросим.

Бомжи заржали хриплыми, пропитыми голосами. Конечно же, они издали видели, что Марат идет не один, и уже были готовы ко встрече.

Марат с леденяще-бесстрастным лицом проговорил:

– Ничего спрашивать мы у него не будем. Отдай назад ключи, и мы спокойно уйдем.

– Я не подарил вам ключи, – сказал вошедший Владик, который старался держаться молодцом и не показывать, что он до смерти боится. Это выглядело немного смешно.

– Я тебе сказал быть на улице! – процедил Марат.

– Да чего ты его гонишь? Пусть расскажет, как он захотел быть с нами, как обещал попросить у тебя деньги и отдать их нам, как подарил нам ключи...

Марат посмотрел на Владика без тени укора, но тот покраснел и отвернулся.

– Смотри-смотри, мальчик сейчас слезами хату зальет! – воскликнул Паша, приставучий бомж.

– Заткни рот! – крикнул Буля. – Сейчас я говорю, а не ты!

Паша и все остальные бездомные обитатели заброшки мгновенно замолчали. Не было слышно и смешка.

Замолчали все, но не Марат.

– Ты давай не ори. Ты поступил нечестно. Обманом завладел ключами.

– Ох, какая же я сволочь!

Бомжи осторожно похехекивали, будто проверяя, можно ли смеяться или нет.

– И что ты будешь делать, если я пошлю тебя в задницу? – поинтересовался Буля. Его приспешники уже хрипло ржали не стесняясь.

Марат ни слова не говоря сделал два шага в направлении вожака. Тот будто ждал этого и, крикнув «давайте!», вскочил. Бездомные навалились на парня со всех сторон, пытаюсь то ли ударить, то ли схватить, но это, конечно, у них получалось слабо, неуклюже и даже забавно. Только Марату было не до смеха – он ногой откинул одного, двинул локтем в беззубую челюсть другого, и... остановился. Перед ним, в руке вожака, блестел красивый армейский нож. Буля ухмылялся, глядя на парня как на пойманную добычу, а затхлый воздух заброшки резало эхо сиповатого верещания горе-вожаки, который только что получил локтем по круглому чумазому лицу.

– Ну чё, мне тебя прямо здесь разделать, новенький? – насмешливо пробурчал человек с ножом.

– Ты забулдыг своих отзови, давай как мужики поговорим?

– То есть, помахаемся один на один? Ты это хочешь сказать?

– Мы можем без махалова все обсудить и выяснить. Без всяких вот этих ножей. Пусть пацан уйдет, он все понял, бу-

дет умнее.

Буля повернулся к Владику и осклабился.

– Говорят, что ты все понял, сморчок! Ну беги, раз обоссался весь. Зови на помощь. Только вот наш бомж-охранник никому не нужен, и за него никто вступаться не будет!

«Сморчок» Владик встал как вкопанный, не зная, что делать. Он явно не хотел оставлять Марата одного, но при этом жуть как боялся.

– Не стой, Влад! Иди. Со мной ничего не будет. Скоро я вернусь с ключами.

Буля идиотски заржал, словно намеренно искажая голос, чтобы смех звучал противно. Его грязные краснолицые гены подобострастно вторили ему, а получивший в челюсть продолжал выть.

– Ты смотри, какой упертый! Он ведь реально думает, что заберет ключи!

– И заберу! Влад, иди! Дяде Гере скажи – все нормально.

Пацан ушел, а Буля при помощи своих прихвостней продолжил издеваться над Маратом, пытаясь запугать его сверкающим холодным оружием. Парню было не по себе, но не от ножа и уж точно не от угроз Були. Ему было противно и мерзко от царапающей вони, которая исходила от тех, кто его держал. Находиться с ними так близко было невыносимо.

– Что делать-то будем, новенький? Может, шнырем у меня будешь?

– Кем? – не понял Марат.

– Шнырем, дурень! Будешь нам покушать приносить! – крикнул приставучий Паша и отвратительно захихикал.

Марат повернулся к нему и коротко стрельнул глазами в глаза. Этот взгляд длился всего секунду, но Паша вдруг мгновенно стушевался и отпустил на мгновение руку, испуганно жуя слова «да это я так...»

– Да чё ты его боишься, идиот! – взревел Буля.

– А ты не боишься? – улыбаясь уголком губ произнес Марат. – Пусть вот эта Грязь твоя меня отпустит, и мы поговорим один на один. Или ты только с ножом такой смелый?

«Ты не дерзи...» – начал было вожак, но внезапно в бетонном коридоре послышался топот ног, и через мгновение, минуя дверь-занавес, ворвались люди в камуфляжной одежде и масках. На их спинах гордо красовалась желтая надпись «ОМОН». Бездомные с перепугу попадали, закладывая руки за голову, и даже получивший от Марата по зубам краснолицый мужичок перестал выть и тоже упал ничком в цементно-кирпичную пыль. Марат вместе со всеми присел, складывая руки. «Это еще что за номер», – думал он. Лишь один Буля, откинув нож, попытался прыгнуть в занавешенное тряпкой окно, но неудачно запутался в материи.

– Стой, Хорин! Не дергайся! Спокойно! – крикнул чей-то голос из-под маски.

Буля перестал сопротивляться, явно понимая, что рыпаться смысла уже нет, и встал между двумя омовцами, сложив руки за спиной, при этом стараясь гордо держать

голову, бурявая окружение ненавистным взглядом. Один из омовцев поднял из бетонной пыли нож и удивленно при- свистнул.

– Это где же ты, дорогой наш, такую чудесную заточку от- хапал?

– Нашел.

– Ну да, конечно-конечно! – расхохотался главный (судя по всему, это был именно он). – Ладно, разберёмся! За ноше- ние и угрозу жизни еще пришьют, Хорин, ты че думаешь?!

Буля молчал.

– Сейчас подъедет капитан, и все решим, – главный по- вернулся к остальным бомжам. – А этих пьяниц отпустите. Можно, конечно, обыск устроить, да и вообще, они нелегаль- но здесь обитают, как я вижу. Ну ладно, хрен с ними. Задача: поимка беглого уголовника Хорина. Мы его взяли. Пошли!

Сотрудники спецотряда покинули старую заброшенную двухэтажку, выводя вместе с собой пойманного бомжа, так и не обратив внимания на молодого парня, который отличал- ся от всех не только возрастом, но и сравнительно чистой одеждой.

– Слушай, пареньь... Мы это... – подошел к нему Паша.

– Проехали. Где ключи?

– Вот, – Паша протянул ему знакомую связку. – Мы не хотели... Слушай, ну это...

– Всё нормально. Не трясись. Теперь у вас нет Були. Те- перь, Паша, ты у этих главный.

– А ты? – с надеждой спросил бомж. – Я не хочу быть главным...

– Придётся, Паша, придётся. А мне это все нафиг не надо, у меня свои дела.

Марат вышел из здания, а потом, вернувшись обратно ко входу, крикнул внутрь голого бетонного проема.

– И сходите куда-нибудь, помойтесь! Невозможно!

Глава 21

Перешагивая через пути, Марат увидел Владика, который нервно слонялся из стороны в сторону, собирая ногами комки грязной пыли. Увидев Марата, худой паренек радостно воскликнул:

– Это ты! Всё нормально? Я видел, там были люди в масках!

– Это ОМОН, Влад. Всё нормально. Где дядя Гера?

– Где-то там, на территории. Они все-таки успели! Ты знал, что Буля – беглый зэк?

– Не знал. Мне это зачем? Мне все равно, кто он. Как понять «успели»?

– Это дядя Гера навёл их. Он пошёл к Арине... Она срочно позвонила, и...

«Арина?! С каких это пор начальница вокзальной охраны выпускает к себе бомжа, да еще и делает то, что он говорит?» – подумал Марат, а вслух сказал:

– Пойдём, нечего тут околачиваться.

Этим вечером погода стояла жаркая, но вполне переносимая и даже приятная, что создавало некий уют в любой точке улицы. Дядя Гера умиротворенно дремал на лавочке в парке перед фасадом, и никто его не трогал. Обычно охранники старались сгонять бомжей со скамеек территории, чтобы те

не пугали своим видом ожидающих пассажиров, но с этим стариком было все иначе. И дело здесь совсем не в уважении к почтенному возрасту этого бездомного. Марат твердо решил все выяснить, несмотря на скрытность старика и умение незаметно сменить тему разговора.

– Дядя Гер.

– А-а, крепыш? – старик даже не приоткрыл своих глаз.

– Это что еще за новости? Как это вы пошли к начальнице охраны?

– Ногами я пошел к ней, – хохотнул дед.

Марат, нахмурившись, поджал губы.

– И когда это было?

– А ты думаешь, откуда я пришел в наш проулочек и увидел тебя и горем убитого Влада?

– Откуда вы знаете Арину Николаевну, дядя Гер?

Старик будто не слышал вопроса.

– Жалко было Владика, он ведь столько пережил, а тут... – говорил он. – Знаешь, из-за чего он больше всего волновался?

Гера открыл глаза и старческими воспаленными глазами посмотрел на сидящего рядом парня.

– Он переживал из-за того, что ты будешь в нем разочарован, – продолжил бродяга. – Ведь ты вселяешь в него восхищение. Ты его оживляешь. А когда ты уехал и к нам не вернулся...

– Ну я же вот, вернулся.

– Да все поняли, крепыш, что оставаться ты с нами не будешь. Я же так всем этим бездомным дуракам и сказал... У тебя свой путь. И я это понимаю.

– Спасибо, дядя Гер.

– Вот и пришлось мне задействовать последний свой козырь, – хехекнул старик. – Видит бог, не хотел я этого делать.

– Вы об Арине Николаевне?

Старик не ответил и вновь блаженно прикрыл глаза, подставляя лицо щипающим солнечным лучам.

– Почему вы раньше этого не делали, дядя Гер? Этот Буля же вас терроризировал, издевался. Да и его прихвостни наверняка его недолюбливали, но боялись... Давно надо было сообщить куда надо! – негодовал Марат.

– Вот что я тебе скажу, парень...

Бомж приподнялся и сел прямо. Его старческое мудрое лицо, усыпанное по подбородку седыми волосами, выражало строгую непроницаемость.

– Во-первых, я не доношу никогда до других. Вы любите таких называть «стукач». Лично мне не нравится такое название, я предпочитаю «доносчик». Так вот, я не доносчик, крепыш. Но, к сожалению, здесь ничего больше не оставалось... Жаль было Владика. Бедный мальчик...

– А во-вторых?

Марат чувствовал, что вот это «во-вторых» содержит самое основное и интересное.

– А во-вторых. Я не хотел с ней разговаривать и что-то у

нее просить.

– Вы про Арину? Откуда вы ее знаете?

Старик вздохнул и отвернулся.

– Она моя дочь.

Судьба военного офицера Герасима Коровина после увольнения в запас не отличалась оригинальностью. Он, как это часто бывает, от мнимой потери смысла жизни начал много пить и со временем превратился в безнадежного алкоголика. Начались бесконечные траты военной пенсии. Распитие спиртных напитков сопровождалось шумными скандалами, которые не раз приводили бывшего подполковника в отделение милиции. Его жена, решив, что спившегося мужа не исправить, в скором времени от него ушла. Однако дочь Арина, которая на тот момент училась в военном училище, пойдя по стопам отца, искала возможности как-то ему помочь: пыталась пристроить в центр реабилитации, обращалась к специалистам по кодированию, возила к психологам. Ну и, конечно же, сама неоднократно пыталась с ним поговорить, помочь найти увлечение и как-то все исправить. Хваткая девушка искала для него работу в различных сферах (в том числе охранной), пыталась привлечь отца к различным бизнесам (в том числе незаконным). Но все было безуспешно – бывший подполковник Коровин продолжал пить, все сильнее опускаясь на дно. Многочисленные скандалы отца и дочери, сопровождались крепкими словечками, которые все

больше и больше ранили сердца друг друга.

Однажды Арина, в очередной раз найдя отца сильно пьяным, позвонила своему возлюбленному, который приехал и выкинул еле стоявшего на ногах Герасима за порог его же квартиры. Герасим, проспавшись прямо на лестнице, стал ломиться в дверь, но изнутри раздался низкий мужской голос, который оповестил папашу, что он здесь больше не живет. Тогда бывший военный воззвал к дочери, угрожая расправой, но та через дверь лишь напомнила отцу, что тот по пьяной лавочке переписал все имущество на дочь, следуя ее указаниям и не соображая, что делает. Коровин снова принялся за угрозы, обещая поднять все свои связи, которые он заимел в период военной службы, но Арина только смеялась, а открыв дверь, остро намекнула ему, что, дескать, для всех ты никто и звать тебя никак, и виной всему твое пьянство. Казалось, будто дочь совсем разочаровалась в отце и ничего больше к нему не чувствует, обращаясь в этот момент с ним так, словно это был приставший незнакомец. И это стало переломным моментом в их отношениях. Герасим пообещал, что будет жить на улице и умирать от холода и голода, и в этом виновата будет она. Дочь ответила, что ей все равно. И следующим ее актом ненависти к собственному отцу стала смена фамилии и отчества.

Упавший на дно подполковник в отставке в скором времени действительно стал жить на улице, а впоследствии перебрался на вокзал, следуя за своими собутыльниками. Ари-

на, в тайне от своего возлюбленного, который все это время не позволял искать Герасима и как-то ему помочь (вероятно, в страхе потерять теплое местечко), отыскала-таки отца с твердым намерением вновь попытаться его спасти. Этот поступок был ни что иное как попытка подавить в себе чувство вины, которое преследовало ее все это время. Первое что она увидела, явившись на вокзал, был ее отец, лежащий у входных дверей, через которого перешагивали люди, будто через кучку мусора. Она вновь налилась обидой, граничащей с ненавистью. Однако, чувство вины ее так и не покинуло.

Со временем, многое изменилось. Арина вновь стала одинокой, пройдя через боль утраты возлюбленного, который попал в страшную аварию. Освободившись от диктаторства, она решила вновь пригласить отца жить к себе, поскольку знала, что тот жив и относительно здоров, но все еще зол на дочь и продолжает в отместку жить на вокзале. Найдя его на территории, она вновь попыталась с ним поговорить, и казалось, уже не было той обиды и той злости, и они уже ПОЧТИ говорили нормально, пусть и далеко не как отец с дочерью. Но... Бывший военный Герасим Коровин отказался вернуться в квартиру, сказав «Я все равно буду пить. Тебе меня не переделать. Иди к своему хахалю». Арина не стала говорить, что «хахаля» уже нет, не стала извиняться за обман с квартирой, не стала делать ничего. Слова «я все равно буду пить» вновь оживило в ней то сильное чувство обиды.

Арина Николаевна (Герасимовна) устроилась на вокзал и

там дослужилась до начальницы. Она бы сказала, что этот факт ничто иное как совпадение, но любой неглупый человек поймет – это было сделано для того, чтобы держаться ближе к отцу. Хотя она бы ни за что в этом не призналась, утверждая, что его для нее не существует. Герасим же настолько утонул в жизни бездомного пропойцы, что ему было уже все равно.

Отец постарел, все эти годы живя на вокзале (не без тайной помощи дочери), бросил пить (что этому поспособствовало, никто не знает) и уже даже отпустил все обиды. Но гордость... Гордость не давала ему просить помощи, и это же чувство не давало Арине ее предлагать. И уже по эмоциональной привычке отец и дочь все еще не знали и не разговаривали.

– Н-да... Сложная у вас, конечно, история... – пробубнил Марат.

Старик рассмеялся.

– Она проста как валенок, крепыш. В наших отношениях есть много чувств и эмоций. Гнев, осуждение, обида, ревность... И даже зависть.

– А что насчет Були?

– А что насчет него? Беглый зек, который так сказать спрятался на виду...

– А вы это откуда узнали?

Старик промолчал, лишь цыкая зубами.

– Офигеть... Это называется моя милиция меня берет, – раздосадовано прошептал Марат. – Разыскиваемый у них под носом, а они...

– Здесь Буле надо отдать должное, крепыш. Он придумал все хорошо. Скрылся умело.

– Разве это умело?

– По-моему очень умно, – усмехнулся дядя Гера. – Учитывая то, что бомжей никто не замечает, и все их сторонятся... Если ты становишься нищим и бездомным – для всех остальных ты исчезаешь, становишься невидимкой.

– А как же пьяные менты, которые устраивали рейды и избивали бомжей?

Не дождавшись ответа, Марат встрепенулся и воскликнул:

– Так вот почему менты вас не трогали! Арина разрешала это мероприятие, но просила старика не трогать!

Дядя Гера хрипло хехекнул.

– Может быть, крепыш, может быть...

– Омский вокзал, блин... – пробубнил парень, а затем спросил: – А как это ОМОН так быстро приехал?

– Ооо, крепыш! Они ж передерутся за то, чтобы выслужиться! Стоило только сообщить про беглого зека Хорина, они пулей сюда полетели, тем более отделение здесь недалеко...

Тут старик приподнялся и взглянул на площадку перед фасадом.

– О! Ты есть хочешь?

– Что?

– Кушанье привезли. Смотри, вон наши грязнульки подтягиваются. Сейчас передерутся! Вон и Владик!

Марат проследил за взглядом старика и увидел фургон с какой-то надписью. Рядом с ним молодой мужчина раскладывал стол, а позади стояла девушка с большой дымящейся кастрюлей в руках. К этому месту действительно подтягивались все местные бомжи, и даже появился приставучий Паша и его дружки – теперь уже бывшая банда Були.

– Кто это такие? – спросил Марат.

– Волонтёры. По выходным они бесплатно кормят здесь нуждающихся.

– Ну, ясно. Значит, по выходным вы едите хорошо.

– Мы никогда не едим хорошо, крепыш. Такая доля наша, босяцкая...

– Дядя Гер, я... – начал было Марат, собираясь прощаться, но старик все понял.

– Удачи тебе, крепыш! Спасибо тебе за все! Будешь работать здесь, будем иногда видеться... Ты только с малым попрощайся. Скажи, мол, так и так, Були нет и не бойся теперь, а я ухожу.

Марат крепко пожал старику руку.

– Берегите пацана, ладно? Однажды я его отсюда заберу.

– Молодец, Марат, – старик в первый раз назвал парня по имени. – Все- таки здесь Владику не место...

– Но пока что днем я буду где-то здесь. А если что, вы знаете, где меня найти.

– Где-то на территории в рубашке с корявыми буквами РЖД? Знаем, знаем... – расхохотался дед.

Марат нашел Владика в проулке. Тот сидел на корточках и интенсивно жевал то, что было наложено в одноразовую тарелку, которая покоилась на его растопыренной ладони. Увидев подошедшего парня, он спешно поставил тарелку рядом на асфальт и вскочил.

– Марат!

– Всё Влад. В прошлый раз я ничего не сказал – это моя ошибка. Вот теперь говорю...

– Ты прощаешься?

– Ну, не совсем. Если что-то понадобится, можешь найти меня днем в будни где-то здесь. А так, да, оставаться с вами я больше не буду.

– Ну, ладно... – Владик явно расстроился.

– Будь везде с дядей Герой, он тебя в обиду не даст. Були теперь нет, теперь вдохнешь свободнее. Потерпи немного... Сейчас у меня денег немного. Но я найду деньги и помогу тебе уехать к тётке.

– Я не хочу!.. Меня родители там найдут и заберут!

– Влад, ты здесь пропадешь. Однажды начнешь пробовать водку и станешь алкашом как остальные местные забулдыги, тебе зачем это?

– Я уже пробовал водку.

– Ну, вот, это уже началось. И не вздумай колоть себе что-то как Вася-труба с Валюхой. Они берут это неизвестно где.

– Буля им давал...

«Эх, жалко этих чуханов. Склеятся ведь от ломки, всех изведут», – подумал Марат.

– Влад, ты держись дяди Геры, ладно? Потерпи немного, я что-нибудь придумаю. Сейчас пока я не могу взять тебя с собой.

– Я... Я буду ждать. Это... Спасибо.

– Все, давай ешь.

Марат хлопнул паренька по плечу и удалился. До завода он решил пройти пешком, не тратя лишние деньги на трамвай. Там ждала его любимая галлюцинация, которая весь день находясь с ним рядом, как будто бы не вышла у вокзала из транспорта, а поехала дальше. Таким образом, он хоть на время мог подавить ее присутствие – мозг шел у парня на поводу. Кажется, потихоньку Марат научился контролировать придуманный мираж.

Глава 22

– Ну что, пацаны, готовы опять получить отказ? – смеялся парень со шрамом на лице.

– Думаешь, опять не выплатит? – спросил кто-то из ребят.

– Как пить дать!

Группа крепких парней стояли наготове в фойе вокзала. Вот-вот должна начаться планёрка, на которой начальница охраны раздаст заработанное за полмесяца. Никто из них еще не переделся в это жалкое подобие формы к сегодняшнему рабочему дню, словно выражая этим протест. Все ждали Арину Николаевну. Небольшое число пассажиров разгуливало по фойе, опасливо косясь на ребят, что стояли кучкой и тихо переговаривались.

– Что будем делать, если опять не выплатит?

– Будем требовать, чтоб выплатила. Для меня это принципиально.

– Я что-то не пойму... – задумчиво пробурчал Марат.

– Чего ты не поймешь?

– Ну, начальница охраны, ладно... А где главный начальник вокзала? Надо идти к нему, а не с этой Ариной...

– Постой-постой, друг, ты же не в курсе...

– Вы о чем?

– Начальник вокзала уволился давно, – заговорил один из парней, – и Арина временно взяла на себя его полномочия.

Ну, типа исполняющий обязанности...

– Ну и... – подхватил второй. – Как это часто бывает, времянка превратилась в постоянку.

– И что, она и начальник вокзала, и начальник охраны вокзала?

– По документам начальником вокзала оформлен кто-то другой, а она официально начальник охраны, но деньги получает за того и за того. Ты что, не знаешь этой схемы?

– Нет, не знаю.

– Темный лес! – заржал парень со шрамом.

– А никто не пробовал сообщить куда-то? Дальше пойти? К мэру города, например...

– У неё, скорее всего, все оговорено и завязано со всеми. Схема работает как часики. Документы в порядке. Только вот левым нанятым охранникам не выплачивает положенное жалование...

– Выплатит, – нахмурился Марат.

– Тут ты уж слишком самонадеян. Ты ж не будешь насильно из нее выбивать...

Внезапно послышался знакомый высокомерный голос женщины, вещающей на повышенных тонах:

– Так! Молодые люди! А вы почему еще не переодеты?! Время уже, время! Давайте-давайте! – часто захлопала она в ладоши, как это делает почти каждый раз.

Они стояли не шелохнувшись. Парень со шрамом заговорил:

– Мы не будем работать пока нам не выплатят обещанное.

– Ой... Ну начинается! – закатила глаза начальница. – Выплачу я вам всё! В конце месяца обязательно! Со всеми рассчитаюсь! Сейчас проверки эти... Поймите, что вы не официально. По документам не проходите.

– Аквариум продай свой дорогой и все безделушки! – огрызнулся рослый парень с большой головой и пудовыми кулаками.

– Не поняла... А мы давно на «ты» перешли? – деланно изумилась начальница.

– Минуту назад. Как ты сказала, что выплатишь только в конце месяца.

– Тебе если что-то не нравится, ты свободен! Если кому-то тоже не нравится, можете уходить, вас никто не держит!

– Паспорта отдай, и мы уйдем! – гаркнул Марат. – Только однажды ведь мы вернемся за честно заработанными деньгами. Спать будешь спокойно?

– Ты здесь вообще никто, Динари! Тебя я вообще не спрашивала.

Марат смотрел на нее исподлобья.

– Ты же понимаешь, что мы так просто это не оставим?

– Да делай, что хочешь... Так! – резко выкрикнула она. – Кто готов работать дальше и согласен получить выплату в конце месяца?

Ни один из парей не шелохнулся. Уже никто ей не верил.

– Я спрашиваю...!

– У Белова спроси, – перебил её хмурый парень с плешью на макушке.

Арина внезапно замолчала и удивленно оглядела группу молодых людей.

– Что за Белов? – прошептал Марат.

– Губернатор, – прошептали в ответ.

– Меня этой фамилией не надо пугать! – воскликнула Арина, но в возгласе послышались нотки неуверенности.

Марат понял эту игру. Парень с плешью продолжил:

– Ты что, Арина Николаевна, развернула тут мошенническую схему и думаешь, никто этим не заинтересуется? У тебя, думаешь, все завязано? А еще врешь про проверки! Ладно, ребят, как и говорили, идем напрямиком к Белову. Дядя мой сказал, что поможет попасть к нему.

– Давно надо было. Нужно эту мошенницу отсюда убирать. Пошли, – сказал Марат и, повернувшись, зашагал ко входным дверям. Парни последовали за ним.

– Ладно-ладно! Стойте... Как маленькие! Сегодня с трех часов дня приходите по одному в кабинет. Не все сразу! Остальные работают! Договоритесь между собой, когда кто приходит по очереди.

– Паспорт верните, – вновь потребовал Марат.

– Придешь за деньгами, верну. Сегодня. А сейчас давайте-давайте! Уже время! Расходимся по точкам!

Марат ни слова не говоря направился к знакомой лестни-

це, ведущей на этаж, где располагался кабинет Арины.

– Ты куда, Динари!

– За паспортом.

– Милицию вызову сейчас, ты слышишь, молодой!

– Вызывай.

Сделав еще несколько шагов, он вновь обернулся и крикнул:

– Ребят, езжайте к Белову! А кто хочет, пошли со мной!

По счастью, людей в форме на вокзале в столь ранние часы не оказалось. Поэтому Арина даже и не пыталась позвать милицию.

– Что... Куда?!

– Туда, – буркнул парень со шрамом и направился в сторону лестницы, где стоял Марат, – я с тобой, друг.

– Я же сказала, сегодня все выплачу! Отдам паспорта!

– Вы еще что-то придумаете, Арина Николаевна. Не надо. Давай сейчас, а не потом, – сказал Марат.

– Подождите. Я первая поднимусь, а вы приходите через пятнадцать минут.

Марат сразу понял, что хочет сделать эта женщина. Ей всего лишь нужно закрыться изнутри в кабинете и вызвать наряд. Не получится.

– Идем сразу все вместе, Арина Николаевна. И не спорьте. Расплатитесь сейчас и отдадите паспорта. Мы не идем к Белову и не сообщаем куда надо. Кто захочет, останется и дальше у вас работать... Но я думаю, многие точно уйдут.

– Уж ты-то, Динари, куда пойдешь? – нервно рассмеялась Арина. – К бомжам своим, без гроша в кармане? Кому ты там нахрен нужен!

Марат не стал говорить, что есть те, кому он нужен и без гроша.

– Пошли, парни, – сказал он и первым ступил на лестницу. За ним проследовал парень со шрамом и еще двое ребят, остальные сделали вид что уходят, якобы отправляясь на встречу с губернатором Омского края Беловым.

Начальница охраны уже не пыталась обогнать поднимающихся по лестнице, но было видно, как она нервничает.

– Динари, зачем тебе эти проблемы? Вы застали меня врасплох, но ведь я же сообщу кому следует, фамилию твою запоминающуюся я знаю... – спокойным голосом изрекала она, поднимаясь по лестнице рядом с Маратом. Она понимала, что дергаться и бежать вперед бесполезно – ее бывшие подчиненные наготове.

В коридоре на нужном этаже им вновь встретился один из машинистов, как это было в первый день, когда Марат приходил на собеседование к начальнице охраны. Мужчина кивнул Арине, та ответила кивком, но даже не попыталась попросить помощи (что-то останавливало ее это сделать). Он безразлично мазанул взглядом по группе ребят и, опустив взгляд, направился к лестнице.

Женщина в погонах в сопровождении крепких молодых парней вошла в просторный кабинет.

– Заходите по одному!

– Дверь пусть будет открыта, – сказал Марат.

Наконец она выплатила обещанное четырем парням, постепенно доставая пачки купюр из ящика стола. Отсчитывала суммы она нарочито медленно.

– Довольны?

– Нет. Паспорта, – напомнил Марат.

Начальница охраны, закатив глаза, встала и, обойдя аквариум, склонилась над небольшим сейфом, который приютился в уголке за зарослями комнатных растений.

Внезапно раздался звонок телефона. Марат вздрогнул, а затем, почувствовав раздражение, подошел к аппарату, быстро поднял и опустил трубку. Потом он приблизился к Арине и, склонившись к уже открытому сейфу, заглянул внутрь – на верхней полке были видны корочки аккуратно сложенных паспортов. Парень сгреб их в кучу и вытащил на свет, не тронув остальное содержимое сейфа. Арина нервно смеялась, глядя на упрямые действия парня. Этим смехом она словно угрожала ему, обнажая в этом зловещем хохоте интонации ненависти. Остальные парни также наблюдали за этим с улыбкой. Но их улыбки, в отличие от смеха женщины, была одобряющими.

Когда дело было сделано, и парни в приподнятом настроении собрались уходить, Марат сказал:

– Ребят, у меня есть пара слов к Арине Николаевне. Без лишних ушей. Не могли бы вы выйти, а я задержусь?

Никто ему не задавал вопросов. Парни получили свое и были рады скорее покинуть кабинет, оставив Марата и начальницу охраны одних.

– Что ты хочешь, Динари? Будешь умолять меня не трогать тебя? Тебя все равно найдут. Все эти бомжи все про всех знают, кто где ночует и кто чем живет. Жди милицию, дружок. Все эти деньги, украденные у меня сегодня, ты вернешь.

– Во-первых, деньги ukrала у нас ты. А мы честно заработанное взяли сами. А во-вторых, ты говоришь, что бомжи все про всех знают? И отец твой тоже?

Арина побагровела. Казалось, ее лицо слилось с прической.

– А ты не лезь, куда тебя не просят! Ты вообще кто такой! Хрен с горы!

– Слушай, давай успокойся. Я тебе предлагаю компромисс: сегодня придут остальные ребята, и ты выступишь и им. Паспорта у нас, их мы раздадим. По поводу Белова мы не шутили, он узнает, и ты потеряешь это место, потеряешь свою золотую жилу, а также окончательно потеряешь отца. Если не Белов, то кто-то другой, еще выше. Говорят, с мэром города ты в хороших отношениях, поэтому к нему мне путь заказан...

– Ты мне угрожаешь? – спокойно спросила Арина.

– Это не совсем угроза, а скорее, предупреждение. Все те чиновники к которым мы пойдем, узнают о твоём отце.

Узнают о махинациях. Узнают об idiotских неоплачиваемых рабочих местах охранников вокзала. И это ведь вершина айсберга, я так понимаю. Вся эта дурь с охранниками – это лишь малая часть.

Арина сопела, глядя на Марата ненавистным взглядом.

– Арина Николаевна, я зла на вас не держу. Мне на ваш этот псевдобизнес абсолютно побоку. Делайте, что хотите. Но после того, как выплатите положенное парням. В том числе тем, кто работает в ночных и выходных группах. Я не доносчик, как скажет ваш отец, – здесь начальница взрогнула, – никто не о чем не узнает. Это ведь не мое дело.

– Да, ты прав, Динари, это не твое дело, – произнесла она, но, судя по ее голосу, Марат понял, что она сегодня же все выплатит.

Через несколько минут он спустился в фойе и обнаружил, что некоторые ребята переоделись в эту отвратительную форму и ожидают распределения по точкам.

– Вы чего?..

Один из парней виновато промямлил:

– Ну, мы паспорта получили... Говорят, что она сегодня все обязательно выплатит.

– И что, вы собираетесь и дальше работать здесь?

– Почему нет? Я, например, уже как-то привык.

– Привык, что она тебя наё...ет? – выругался Марат.

– А ты куда? Ты ж на улице живешь? То, что она заплатила тебе, быстро кончится, и что дальше? – спросил другой.

– Разберусь. Это уж как-то не твоё дело.

Ребята, отмахнувшись, продолжили переодеваться, всем своим видом показывая, что им плевать на Марата. Честно говоря, он был совершенно не против этого. Спокойно выйдя из вокзала, он вдохнул утренний августовский воздух.

– Марик, а я к тебе! – услышал парень.

К нему приближалась светящаяся радостью Дарина. Он был не удивлен. Марат себя успокаивал тем, что когда она была ему очень нужна, когда отчаянно хотелось ей выговориться или что-то обсудить, мозг покорялся и являл ему эту девушку, изменяя придуманные им события, связанные с ней.

– Приве-ет, – сквозь улыбку полушепотом произнес Марат, обнимая девушку и приподнимая над землей. – Ты моя радость, Даринка.

Девушка хохотнула, упираясь губами в основание его шеи. Он как наяву почувствовал дрожание ее живота во время смеха, и это было приятное ощущение, такое близкое и родное. Марат не боялся, что его увидят в странной позе и, возможно, сочтут умалишенным. Пусть думают, что хотят, а он был рад видеть свою призрачную девушку. Эта радость усиливалась вдвойне из-за прошедших чуть ранее событий, поскольку появилось ощущение свежего шага совершенного на своем пути.

– Меня отпустили на сегодня, – сказала она, – у них сегодня какой-то пересчет. Я подумала прийти, побыть с тобой

здесь.

– У меня как раз есть, что тебе рассказать!

– Что?.. Не выплатила? Или наоборот, выплатила?

– Выплатила, еще как.

– Расскажи! – заинтересованно захлопала глазами Дарина.

– Расскажу, пойдем сядем.

Они спустились по лестнице, перешли дорогу, а затем, миновав стоянку, расположились на той самой скамейке, где недавно восседал, блаженствуя, дядя Гера. Там Марат в подробностях рассказал события сегодняшнего утра.

– И что, она прям испугалась?

– Ну, не то чтобы испугалась, но запаниковала, – ответил Марат, – она явно не хочет иметь дело с Беловым. Поверила, что мы можем до него дойти. Мы наплели ей, что дядя у нас есть, который у него работает, и нас проведет к нему...

Дарина расхохоталась, а чуть успокоившись, полушепотом спросила:

– И что, вот этот бездомный старик ее отец?

– По ходу, да.

– Н-да, Марик... Когда только ты перестаешь чему-то удивляться, жизнь тебе дает повод испытать шок.

– Много лет ее отец живет здесь, мерзнет, не доедает... А она вроде как присматривает за ним, но не пытается облегчить ему жизнь.

– Вот что делает обида. Раненое сердце, в отместку за по-

лученную травму, может совершать удивительно уродливые вещи.

Немного помолчав, Марат встрепенулся.

– Слушай, Даринка, у меня ведь сегодня первая зарплата была! Это надо отметить. Я тебя приглашаю на чашечку кофе с пирожным.

– Я готова!

– Тогда вперед! Прогуляемся, найдем кафе и... Там поболтаем, и я наконец расскажу, что я придумал.

– В смысле? Ты о чем?

– О моих дальнейших шагах.

– Ты хотел сказать, о наших?

– О наших дальнейших шагах, – поправился Марат.

– Ты решил дальше не работать охранником на вокзале?

– Нет. Это пройденный этап нашего этого квеста, как мы с тобой любим говорить, и... Прямо скажем, он не совсем удачный. Я немного жалею, что потерял время...

– Не переживай о потерянном времени. Ведь каждый шаг на твоём пути чему-то учит тебя, даёт сделать какие-то выводы, знакомит с новыми людьми. И, быть может, с этими людьми ты больше никогда не увидишься, но их слова, их поведение и их поступки обогащают твой жизненный опыт.

Марат улыбался внимательно глазами, исследуя её призрачное лицо.

– Какая ты красивая, когда умничаешь...

Дарина хлопнула ладошкой Марату по предплечью.

– Ну, хватит... Хочешь сказать, я зануда? – налилась краской Дарина.

– Ни в коем случае, Даринка, ни в коем случае! Ты мой психолог, мой лучший друг, моя отдушина, мое спасенье, и в конце концов – моя любовь.

– А, значит, любовь все-таки в последнюю очередь?

– Это неважно. Что в первую очередь, а что в последнюю – не имеет значения. Главное – это есть.

Глава 23

Жизнь большого города шла своим чередом. Путь Марата потерпел существенные перемены, и Омску, конечно же, не было до них никакого дела, но парень знал, что до них есть дело его воображаемой девушке, которой он с энтузиазмом расписывал свои планы, сидя в уютном кафе в двух кварталах от вокзальной площади. Весь диалог он фантазировал, а на деле в одиночестве спокойно попивал чай из небольшой керамической кружечки.

Марат рассказал об одном парне, которого он несколько раз замечал на территории вокзала. В руках этого молодого человека неизменно был красивый цветочный букет, который испускал потрясающий аромат, когда он проходил мимо. Марат наблюдая за ним понял одну вещь – этот парень никогда не покупает цветы где-то на территории вокзала (к примеру, у бабушек, которые торговали авторскими букетиками вдоль стоянки), а всегда приходит со своими. Другое дело, что среди киосков здания вокзала не было цветочного. Но Марат предположил, что дело не в отсутствии возможности купить букет на месте. Уж слишком хороши были эти благоухающие изысканные цветочные композиции. В один из дней Марат все-таки спросил у парня, спешащего к прибывшему поезду, что это за приятные букеты, и выяснилось, что родной дядя этого молодого человека занимается выра-

циванием цветов в собственной большой теплице, а его же-
на составляет из них эти самые композиции.

– И как они их продают? – спросила Дарина, дослушав до
конца.

– Ну, знакомые покупают, а также знакомые знакомых...

– Сарафанное радио.

– Да, вот. Забыл, как это называется, – улыбнулся Марат.

– И ты хочешь продавать здесь?

– Не знаю, сам ли... Возможно, удастся договориться с
ними, чтобы они сами продавали, а я бы остальное взял на
себя. В том числе помещение...

– Аренда на вокзале ведь стоит немало, скорее всего, –
задумчиво нахмурилась воображаемая девушка.

– На этот счет у меня свои мысли.

– Поделишься?

– Кто у нас начальник и вокзала и охраны и вообще всего?

– Эта женщина, как её...

– Арина Николаевна.

– Арина Николаевна, да. Ну и?...

– А что я про нее знаю того, что не знает никто?

– Ты про ее отца?

– В том числе. А еще много другого, интересного про нее
знаю.

Дарина подняла брови.

– Ну, Марик... Шантаж? Ты же не такой!

– Я и не собираюсь ее шантажировать, – торопливо заго-

ворил парень. – Просто я думаю, что у меня есть преимущество, ну и вероятность договориться с ней выше, чем у других. Она сама пойдет на встречу, лишь бы я был сговорчивее в будущем.

– А ты не боишься, что она наймет тех же ментов, и они что-то тебе сделают? Она, как я поняла, не чурается таких средств.

– Не боюсь. И я думаю, что она не будет этого делать.

– Почему ты так уверен?

– Потому что она любит деньги. Я ей предложу процент.

Через день Марат снова явился на вокзал, в надежде встретить парня с цветами, но так его и не увидел. Зато обратил внимание, что на знакомых точках продолжают стоять охранники в самодельной дешевой форме РЖД (среди них даже были знакомые лица из его группы). Марату ничего не оставалось, кроме как улыбнуться и покачать головой. Что тут скажешь... Мимо него прошли, воняя перегаром, баба-яга Валюха и Вася-труба, как всегда ругаясь и обкладывая друг друга матерными словечками. Ему хотелось их осечь и заставить уйти, ведь только своим видом эта пара, страдающая наркоманией и алкоголизмом, может испугать любого прохожего. Но Марат вспомнил, что теперь это не его работа – пусть делают что хотят, а он пришел совсем по другим причинам. Дядя Гера вновь почивал на той самой скамейке, а недалеко от входа крутился приставучий Паша.

Бездомная вокзальная жизнь продолжалась.

– О-па, Марат-сто-карат! Ты чего здесь?

Это был Женя таксист. Марат, думая о своем, даже не заметил, как приблизился к пяточку, где обитали таксисты.

– Привет, Жень. Я вообще по делу...

– Я слышал, вы тут мятеж устроили? Правильно, так и надо! А что, больше не будешь работать? Вон смотри, коллеги твои стоят.

– Не, я – всё. У меня уже другие задумки, а какие – не расскажу, – улыбнулся парень.

– Да и не надо! Подумаешь! – захохотал Женя.

– Слушай Жень, я тут иногда видел парня с цветами, девушку здесь встречает по утрам...

– А-а, я знаю, о ком ты! Руслан его зовут. Я его возил несколько раз.

– Хочу с ним встретиться, переговорить.

– Зачем это?

Марат засмеялся.

– Ну, какая тебе разница, такси!

За это небольшое время знакомства отношения парня и таксиста незаметно превратились в крепко дружеские. Казалось, что Женю невозможно не любить за его веселый характер.

– Ты смотри... Опять грубит! – хохотал Женя. – Ух, дерзкий-деревенский!

Затем он резко остановился и серьезно заговорил (это бы-

ла одна из его привычек, с которой Марат уже смирился). Он снова предложил Марату свою помощь, которая заключалась в том, что если тот «ромео» (как окрестили они парня между собой) вновь появится в поисках свободного такси, то Женя возьмет его себе, договорившись с коллегами, и предложит встретиться для делового разговора с Маратом.

– Короче, приходи через недельку, Марат-сто-карат. И я тебе скажу, когда ты с ним встретишься.

– Спасибо, Жень. Постоянно меня выручаешь.

– Делай добро тому, от кого веет таким же добром, и жизнь тебя не оставит за бортом.

– Таксит-философ, блин, – усмехнулся парень.

– Всё, иди! – усмехнулся в ответ усатый мужичок.

Женя не обманул. Через неделю Марат узнал, что молодой человек по имени Руслан встречает девушку в ближайший четверг, и его можно увидеть в семь утра в парке перед вокзалом. Руслан, конечно же, пытался узнать у Жени, для чего нужна эта встреча, и стоит ли ему бояться, но таксист заверил его, что этот охранник – неплохой парень и, возможно, встреча будет в интересах Руслана.

– Я же так и понял, что ты хочешь что-то ему предложить, – сказал Женя.

Марат в ответ слабо кивнул.

– Между прочим, он опасается, – продолжил водила. – Не хочет навести конкурентов на своего дядю. А то сейчас такие времена, могут и спалить теплицу из зависти. Сейчас же

цветами пытаются торговать все кому не лень.

– Но не такими.

– Но не такими, – подтвердил таксист. – Дяде даже однажды угрожали... Но никто, вроде как, не знает, где она, эта теплица.

– Он так свободно про это говорит... Мол, дядя занимается, теплица у него... А сам боится чего-то. Если опасается каких-то наездов, то вообще бы про дядю не говорил.

– Ну вот видишь! Похвастаться-то все любят. А как дело до серьезного...

– Так задний ход и «я боюсь».

Уходя со стоянки, Марат прошагал мимо одного из бывших коллег. Тот его узнал, но посмотрел в сторону, делая вид, что не заметил. Что это – стыд? Неважно.

В воображаемом мире парня Дарина сейчас находилась на работе в том самом секунд-хенде, и ему очень хотелось туда попасть и посмотреть, в каких условиях работает его любимая девушка. Но он, конечно же, не мог этого сделать, поскольку в реальности никакого секунд-хенда не существовало. И даже если он пойдет по тому направлению, про которое рассказывала в его фантазиях Дарина, он просто не увидит этого магазина, что сильно расстроит его. И это, возможно, нарушит все придуманные убеждения, касаемо его реальности, заставляя беспорядочно видеть галлюцинации, связанные с девушкой.

– И что вы предлагаете? – осторожно спросил Руслан.

Марат и Руслан, встретившись, прогуливались по парку, наполненному утренней свежестью. По небу были разбросаны ватные облачка циановых оттенков, а по воздуху плыли остатки хлопьев тополиного пуха.

– Я предлагаю объединить усилия, – ответил Марат. – Возможно, мне удастся договориться об аренде точки прямо здесь, на вокзале.

– А почему вы решили, что мне это интересно?

– Руслан, давайте на ты?

– Я не против.

– Смотри, я думаю, что если правильно все организовать, то в будущем получится неплохой бизнес, приносящий доход. Если оригинальные букеты, с хорошо выращенными цветами...

– У тебя есть опыт? – перебил его Руслан.

– Вообще нет, но...

– Я так и думал.

– Да подожди ты, не делай поспешных выводов. Да, опыта у меня нет, но есть упорство в достижении своей цели. Если выстрельнет на вокзале, и пойдет прибыль, то можно будет подумать о расширении.

Марат не стал говорить Руслану, что, мечтая о лучшей жизни и о том, как однажды вырвется за пределы деревенского быта, он изучал некую информацию о бизнесе в разделе одной из книг. А также, иногда по ночам по телевизору

шла передача, куда приглашали разных гостей (в том числе бизнесменов); ее Марат смотрел очень часто. Поэтому все же какая-то информация у него имелась.

– Я даже не знаю... – промычал Руслан.

– Я понимаю, ты боишься обмана. Но посмотри – я простой парень, такой же, как и ты. Я просто хочу развиваться и ищу возможности.

Наступила пауза.

– Знаешь... – через какое-то время произнес Руслан. – Я ведь давно думал об этом. Цветы дяди все-таки очень хороши...

Вероятно, он проникся доверием. Что не говори, а симпатичный, уверенный, крепкий парень располагал к себе.

– Первое, что ты должен будешь сделать для безопасности, – сказал Марат, – это перестать говорить про своего дядю. Всё – никто не знает, откуда букеты!

– Понял. Слушай, мне пора, сейчас электричка будет. А то ведь Машка меня не найдет...

Он достал ручку и, вырвав из блокнота листочек, записал домашний телефон.

Глава 24

Следующие несколько дней практически непрерывно лил дождь. Он был то хлестким, то успокаивался на время, стреляя противной моросью, а потом вновь раздраженно усиливал свою мощь. Казалось, тучи, изливаясь до предела, выжимали из себя остатки влаги, чтобы не дать земле стать сухой, а солнце окончательно смирилось с потерей господства и скромно дожидалось за их спинами. Рабочая неделя в который раз подошла к концу и наступили новые выходные. Марат проводил их в своей складской камере, где-то на территории безжизненного завода. Прячась от дождя, он обустроивал свое жилище все лучше и лучше, готовясь провести в этом месте еще долгое время (сколько именно – одному Богу известно). Он находил интересные вещи, которые пристраивал вокруг для красоты (без советов Дарины не обошлось), а что-то и вовсе оказалось полезным для его быта. Пару раз звал сосед Фёдор на чай, но Марат всякий раз отказывался, ссылаясь на занятость.

– Марик, а что со стенами будем делать?

– А что с ними?

Дарина задумчиво поджала губы.

– Ну, кирпич сплошной, некрасиво... Даже, вот самому визуально хочется уюта, а тут...

– Ну, покрасить мы их не можем. Вонь же будет стоять.

Где я ночевать буду?

– Мы.

– Ну ладно. Где МЫ ночевать будем?... Да и отец, наверное, был бы против. И так тут все перевернули ему...

– Честно, мне кажется, твоему отцу все равно и на эту кладовку, и на этот хлам.

Марат угрюмо замолчал. Не хотелось в очередной раз упоминать о грехах прошлого Олега Динари. А ведь папаша продолжает делать то же самое прямо сейчас, убрав Марата в дальнюю кладовку.

Дарина поняла, о чем он думает.

– Все, Марик, перестань злиться. Думаем только о том, что происходит сейчас... А сейчас у нас стены. Что делать с ними будем?

– Надо найти какие-то полотна и повесить. Может, купить? Деньги еще есть.

– Давай побережем пока деньги. Неизвестно, что будет дальше. А со стенами что-нибудь придумаем.

– Вон Федя, наш сосед, все рвется чем-то помочь. У него спрошу, – буркнул Марат.

– Вот, отличный вариант, и надо бы найти веничек, я бы все тут подмела, чтоб пыли поменьше...

– То есть, мне еще придется подметать...

Дарина расхохоталась, шутливо погладив его плечо.

Раздался гулкий настойчивый стук, эхом пронесшийся по помещению.

– Опять Федя... Что ему нужно? – пробурчал Марат, подходя к двери.

Открыв дверь, он увидел прозрачно хрустальную стену из дождя. Сквозь нее проглядывался силуэт мужчины в темном дождевике, который, сгорбившись, попытался протиснуться внутрь. Из-за шума падающей воды о сбитый асфальт Марат не расслышал, что крикнул мужчина, но отступил, поскольку, кажется, узнал его. Это был не Фёдор, а ведь кроме сторожа об этом месте знал только один человек. Его отец.

– Ух! Ты смотри, обжился тут! Этот хозблок прямо и не узнать! – сказал Олег Динари, стряхивая с капюшона капли и обводя взглядом помещение.

– А ты давно здесь был? Судя по пыли – давно.

– Ну, знаешь... Выкинуть все это жалко, а постоянно ездить проверять... Пусть лежит, однажды пригодится. Вот и пригодилось, – улыбнулся он.

– Я могу тебе чем-то помочь? Для чего ты здесь?

– Слушай... Я стараюсь сделать все возможное, чтобы тебе помочь. Зови... Зови меня Олег.

– Ладно, Олег, проходи.

Марат был немного испуган, ведь в его фантазиях здесь с ним была Дарина, которая может начать с ним говорить, обратившись навязчивой галлюцинацией. Вероятно, парню придется ее игнорировать. Сможет ли он? Не хотелось предстать шизофреником перед отцом, поскольку это может стать одним из поводов избавиться от внезапно появивше-

гося сына.

– Я вот тебе принес денег еще немного. Может тебе еще сюда что-то нужно?

– У меня пока есть те деньги. И ничего мне от тебя не надо.

– Слушай, прекращай свою гордыню показывать! Ты думаешь, я тебе пытаюсь помочь из-за чувства вины? Врать не буду – это чувство есть, но я реально хочу помочь тому, кто мне не чужой. Учитывая всю сложность ситуации...

Дарина молчала и, сидя на кровати, осторожно наблюдала со стороны. Марат не мог вообразить, что она выходит, оставив мужчин одних, ведь для его придуманного мира это было бы неправдоподобно из-за непрекращающегося ливня. Под дождь девушка не пойдет. Она прошептала Марату одними губами что-то вроде «деньги нам нужны». Марат понял, что Дарина права и советует как лучше. И ведь если учесть, что она его фантазия, то получается, он сам подсознательно все понимает.

– Ладно, Олег, деньги мне действительно нужны. А еще я хотел спросить, можно ли я здесь ремонт затею. Посмотри на стены.

Олег с облегчением рассмеялся.

– Да конечно можно, кому сейчас нужна эта кладовка! Ну только без фанатизма, потому что завод сейчас на стадии продажи, и однажды тебе придется съехать. Там мы придумаем что-то еще. Пока живи. А вообще, ближе к холодам,

если завод еще не будет продан, то я тебе предложу занять место сторожа Фёдора. Будешь деньги зарабатывать за ночные дежурства вместо него.

– А он?

– Ты посмотри на него, он совсем больной. Он мне много раз говорил, что хочет уйти. А я хочу помочь ему, отправить лечиться в санаторий. Дальше видно будет. Он вроде говорил, что хочет к матери в деревню уехать.

– Я, кстати, в курсе, что его мать – это бабуля моя. Ну, вернее, не моя...

Отец смущенно промолчал.

– Красить их конечно я не буду, – сказал Марат, рассматривая грубую кирпичную кладку одной из стен. – Но вот завесить бы чем... Как раз, если что, можно быстро это все снять.

– Я тебя понял. Придумаю что-то.

Наступила неловкая минута. Оба делали вид, что рассматривают что-то вокруг себя, ища спасение непростой от ситуации, в окружающих предметах. Через какое-то время Марат спросил:

– Как малого зовут? Я понимаю, ты не хочешь, чтобы я лез в твою жизнь. Но он все-таки, получается, мне брат...

– Антон.

Марат улыбнулся. Антоха, значит...

И снова пауза.

– Слушай, Олег. Мне было неприятно как ты меня встре-

тил, когда я приезжал в прошлый раз. Но с другой стороны, понимаю, что я как снег на голову и очень неожиданно...

– Прости меня, парень, – перебил его отец. – Возможно, сейчас я не поступил бы, как это сделал тогда. Сейчас у меня совсем другая семья, и она меня изменила. Но я не хотел, чтобы они знали... И до сих пор не хочу. Я их люблю, но все же у нас сложные отношения с женой. Я бы хотел узнать тебя получше, узнать, как ты жил в деревне все это время. Я бы хотел стать тебе, если не отцом, то хотя бы другом.

– Ладно... – выдавил из себя Марат, почувствовав, что остывает. – Мне всего лишь надо было услышать от тебя «прости». А так, в целом, я ведь неплохо жил в деревне.

– Ну, не совсем же я тебя выкинул, хотя мог отдать в какой-нибудь приют. Ты все-таки мой сын. Я ведь исправно переводил деньги на твое содержание. Это, конечно, меня не оправдывает...

– Ты мог хотя бы посещать меня, изредка. Почему ты этого не делал?

– Мне рассказывал Фёдор о тебе.

Марат поморщился. Аргумент был явно очень слабым.

– Ладно, папа, я зла на тебя не держу. Спасибо, что помогал и помогаешь хоть чем-то. Бабуля всегда меня учила, что я должен со всем справляться сам. И я рад, что она меня воспитала именно таким. Быть может, это и к лучшему, что ты отдал меня именно ей.

Марат сам протянул руку для того, чтобы ее пожал отец.

Тот с улыбкой (такой похожей на улыбку Марата) ответил крепким рукопожатием.

Что-то изменилось.

Марат почувствовал, как будто восприятие этого мира перевернулось с ног на голову, а потом резко опять вернулось в исходное состояние, только уже совсем другим. Он стоял все в том же хозблоке, оборудованном под кладовку, вокруг лежал все тот же хлам, перед ним стоял, держа его за руку, все тот же отец. Но все это воспринималось как будто иначе, словно он попал в параллельную реальность, где все то же самое, но при этом другое.

– Ну, что? – сказал отец – Теперь ты познакомишь меня с девушкой?

– Что? – недоуменно промямлил Марат. – С какой девушкой?

Отец рассмеялся.

– Ну как с какой? Здесь вроде бы одна девушка сидит.

Марат бросил взгляд в то место, куда кивнул отец. На кровати сидела девушка среднего роста с темно-русым цветом волос и безумно красиво улыбалась, демонстрируя изумительные ямочки на молодых щеках. Ее фиалковые глаза, чуть тронутые звучанием востока, светились счастьем, глядя на него. И это был не призрак, не фантазия, не представление или галлюцинация. На кровати явно сидела настоящая девушка. Девушка по имени Дарина.

– Я не понимаю...

– Что ты не понимаешь, Марат? – продолжал смеяться отец. – Представь меня девушке. В прошлый раз ты с ней пришел ко мне на квартиру, она стояла в стороне, и в этот раз она сидит в сторонке, мне право неудобно.

– Ты ее видишь? – спросил Марат, осознавая всю глупость вопроса.

– Что? Конечно вижу, плохо же ты ее прячешь!

Марат снова взглянул на Дарину. Она плакала, спрятав прекрасное лицо в своих ладошках. Отец подошел к девушке, присел рядом и испуганно прошептал:

– Девушка, что случилось, почему вы плачете?

Дарина подняла лицо, и Марат сразу понял, что это были слезы счастья.

Спустя некоторое время отец, так ничего и не поняв, распрощался и оставил их одних. Он пообещал, что будет навещать периодически и помогать, чем сможет. Марат же в свою очередь пообещал не соваться в личную жизнь отца и его новую семью. Теперь никто не имел никаких претензий.

Но сейчас для Марата это было второстепенно. Он сидел на импровизированной кровати напротив девушки, держа в руке ее ладонь, и молчал, пытаясь осмыслить и понять все то, что сейчас происходит.

– Марик, что ты молчишь?

– Я не понимаю, Даринка...

– Я долго ждала этого. И не понимала где искать. Врач ска-

зал, должен быть какой-то триггер – обратное потрясение.

– Что ты имеешь в виду?

Девушка вздохнула.

– Ты болен, Марик. Прости, не злись. Как сказал врач, у тебя ярко выраженный Синдром патологического фантазирования.

– Какой еще врач?

– Когда, два года назад, я приехала в деревню, я познакомилась с тобой и без ума влюбилась в тебя. Но через какое-то время поняла, что с тобой что-то не так. И я решила во что бы то ни стало тебе помочь. Вспомни, как мы подолгу разговаривали, сидя у меня в беседке рядом с домом.

– В смысле? С тобой? Я с тобой разговаривал у пруда! Ну, вернее, представлял, что с тобой разговариваю... И я ведь тебя выдумал, потому что мне было одиноко!

– А в беседке? Помнишь, к нам мужчина приходил и с тобой общался?

Марат вспомнил, как его однажды пригласила по какому-то делу та самая Настя из деревни, подруга Юляхи. Он действительно сидел у нее в беседке, но разговор не клеился, и Марату пришлось от скуки воображать, что с ними сидит Дарина. Показаться сумасшедшим перед Настей он не боялся, честно говоря, на это ему было плевать. Да, тогда в самом деле приходил мужчина и задавал какие-то странные вопросы, но для чего это было, так и не понял.

– Почему с тобой? Я с этой Настей сидел у ее дома.

– Да нет никакой Насти, Марик. Есть только ты и я.

Марат угрюмо засопел. Дарина с опасением почувствовала, будто сейчас он отпустит ее руку. Но он этого не сделал.

– Что такое синдром патологического фантазирования? И кто этот мужчина?

– Этот мужчина – друг моего папы. Он психиатр. Он мне рассказал, что у тебя до знакомства со мной произошло какое-то потрясение, сильно повернувшее твою психику. Что-то такое, что заставило тебя чувствовать себя недостойным любви, или чтобы был кто-то рядом. Эта уверенность разви-лась в тебе настолько, что твое мировосприятие сознательно блокировало всякую возможность любви и отношений. Ты стал выдумывать себе эти отношения и влюбился в фанта-зию. А когда появилась я, твое сердце вновь открылось, но мозг так и не поверил в то, что это возможно. Ты вбил себе в голову, что ты меня выдумал.

– Бред какой-то...

– Не бред, к сожалению.

– Ну ты же вот, настоящая. Как я мог воспринимать тебя как выдуманную? Я же могу тебя потрогать.

Здесь Марату вдруг вспомнились те моменты когда каза-лось, что он чувствует прикосновения Дарины, думая, что это галлюцинации.

– Твой так называемый синдром тесно переплелся с под-сознательным самоубеждением, что ты обречен на одиноче-ство. Все твое мировосприятие перемешалось – ты не пони-

мал, где правда, а где фантазия.

– И чтобы излечиться, я должен был встретиться с отцом?

– Ну, вот видимо твое подсознание решило, что на самом деле ты не одинок, когда пожал отцу руку.

– А ты знала это? И поэтому поехала со мной?

– Я поехала с тобой не поэтому, Марик. Я поехала, потому что люблю тебя и верю в тебя. Я просто хотела быть рядом.

Марат улыбнулся и сжал крепче руку девушки. Теперь Дарина не боялась, что он ее отпустит.

– Но все же, – сказал он, – ты знала, что встреча с отцом поможет вот этому моему состоянию?

– Ну, я предполагала.

– Если все так, как ты говоришь, то у меня много вопросов. Потому что это в голове не укладывается. Мне сейчас кажется, что я сплю.

– Если хочешь, я могу ответить на те вопросы, какие смогу. Объясню то, что сама понимаю. На все остальное ты можешь ответить сам, тебе нужно просто подумать и вспомнить.

И Марат стал вспоминать.

Глава 25

– Ну что, сначала раскуримся? У меня сегодня тема! – весело лепетал Пацик.

Они сидели в машине на обочине у опушки леса. За рулём был Лёва, на пассажирском – Пацик. На заднем сиденье уместались трое: Марат, Юля и Дарина.

– Я не буду, – буркнул Марат.

– Я тоже не буду, мне и так весело, – вдруг послышался тихий голос Дарины, после чего раздался всеобщий хохот, в котором не участвовал лишь Марат.

Юля ткнула в плечо Дарину и противно захохотала:

– Как не будешь?! Ты меня бросаешь на проездвол?

Пауза.

– Произвол, дура. – мрачно изрек Лёва, почёсывая рукой бархат рулевого колеса. Потом он повернулся всем корпусом к остальным и сказал:

– Кто не хочет, тот не курит и не глотает. Если Марат не хочет, то это его дело. Если НАСТЯ не хочет, потому что не хочет Марат...

Он не договорил: салон опять громыхнул смехом. Дарина покраснела и украдкой взглянула на Марата, тот продолжал смотреть в окно и, казалось, даже не слышал, о чем шла речь. Он как будто кивал кому-то и улыбался чему-то другому. Эту привычку Дарина заметила в нём дав-

но, но старалась не обращать внимания, так как считала, что каждый человек имеет право на присущую только ему странность.

– Я рада, что ты не с ними.

Спящий наяву парень будто бы очнулся.

– А... Что?..

– Ну, я рада, Марат, что ты не хочешь сегодня быть, как они.

– А... Спасибо. Да, ты знаешь, я в последнее время чувствую себя не в своей тарелке. Мне некомфортно стало жить такой жизнью.

– И... И что ты собираешься делать?

– Я пока не знаю, Даринка...

– Я Настя, – девушка испуганно посмотрела на него.

– Ой, да, извини. Я тут вспомнил кое-что, просто...

А ведь когда они сидели в машине возле клуба, и он называл ее Дариной, она его не поправляла. Он ведь не оговорился. Марат вдруг ясно вспомнил, как Дарина обрадовалась своему имени, но тогда... Это так странно.

– Я что, там в деревне тебя постоянно называл Настя? – недовольно исподлобья глянул на девушку Марат.

Они все еще сидели напротив друг друга держась за руки. Ливень снаружи стих, а воздух пропитался озоновой свежестью. Голову парня продолжали пронзать странные инсайты

прошлого.

– Иногда ты называл меня Дарина. Врач сказал, что это кратковременные просветления, за которые не стоит особенно хвататься. Твой мозг путается.

– А как же парни?

– Они в курсе. Поначалу, когда ты начал называть меня Настей, твои друзья над тобой потешались, думая, что ты путаешь. Вспомни!

– *Марат, привет!*

– *А, привет Насть!*

– *Я – Дарина...*

Парень словно не обратил внимания, продолжая здороваться с друзьями.

– *Ты чё, лось, никак запомнить ее имя не можешь! Это ж неуважительно!* – ржал Пацик.

– *Ничего страшного,* – *улыбнулась девушка.*

– Потом, когда я все узнала и немного разобралась, – продолжила Дарина, – я пояснила твоим друзьям, в чем проблема. Лёва понял сразу и решил мне помочь, подыграть. Пацик было взбунтовался, что тебя надо в дурку...

– Я его самого в дурку запихну, – процедил Марат.

– Нет-нет, потом и он тоже проникся. Только вот Юля ничего не поняла, и по-моему даже не обращала внимания, когда с тобой было что-то не так.

– Так они же все называли тебя Настя! Зачем? – удивился Марат.

– По теории Николая Васильевича (тот самый папин друг-психиатр) нужно было подыгрывать твоему придуманному миру. Чем больше все старались бы его опровергнуть, тем больше твой мозг углублялся бы в него, уверяя себя в том, что он прав. И стало бы еще хуже.

– Я ведь все время говорил, что хочу уехать от той жизни...

– Да. Я всегда тебя подбивала это сделать и говорила, что поеду с тобой. Мне казалось, что смена обстановки, новая жизнь и новый смысл помогут тебе избавиться от навязчивых образов.

Парень как будто что-то вспомнил. Встав с кровати, он вдруг принялся что-то искать.

– Что ты ищешь? – спросила Дарина.

Он не ответил, пробормотав только «куда я ее дел...». Затем он с тихим ликованием обнаружил то, что так усердно искал. Это была та самая сумка, с которой он не расставался, приехав в мегаполис. В ней обнаружились позеленевшие джинсы, что были на нем, когда он ночевал в первую ночь на траве, а в их кармане нашлась ивовая веточка. Марат вернулся и сел рядом с Дариной, перебирая обломанный отросток в руке. Дарина присела ближе и обняла своего молодого человека, чувствуя, как он тоскует по месту, в котором вырос.

Потом парень чуть слышно произнес:

– Бабуля тоже была в курсе?

Дарина улыбнулась. Это означало «да».

– Ты ведь сознательно не замечал, как она называет меня «дочь».

– Серьезно?

– Ну да. Но я с ней при тебе старалась не говорить. Да и ей было все равно, лишь бы ты своевременно занимался делами по хозяйству.

– Ну вот в это да. Верится легко.

Девушка засмеялась.

– Не могу поверить, что все два года вы продолжали играть роли, и ты ждала, когда я наконец решусь уехать.

– И дождалась. Случилось то, что случилось.

– Интересно, как там Родя... Прошел ведь месяц.

Марат потер затылок, будто это он получил камнем по голове, а не извечный пьяница Родион.

– Будем надеяться, что с ним все в порядке, – сказала девушка.

– Интересно, он и его дружки все еще ищут меня?

. Он обернулся и увидел, что к нему приближается старая иномарка с огромной трещиной на лобовом стекле. Марат знал эту машину и был знаком с её хозяином. Александр Григорьевич Шилин.

– Здорово, Маратик! Как жизнь молодая? Куда это ты бредёшь среди ночи?

– Здрасьте! В городок наш, в райцентр. Ну, а вообще, мне на вокзал надо.

– Ну, садись, подвезу, что ли!

Марат уселся на пассажирское сидение, бросил сумку назад и пожал руку Григоричу.

– Мне сейчас вспоминаются фразы, которых, как мне казалось, не было... – хмурясь, проговорил Марат.

– Какие?

– Помнишь, Григорич нас подвозил до райцентра? Я думал, что он везет меня одного...

– Здорово, молодые! Куда это вы бредете среди ночи?

Марат уселся на пассажирское сидение, бросил сумку назад и пожал руку Григоричу. Дарина, подвинув сумку, села сзади.

– А за каким вам обоим на вокзал, если не секрет? – спросил Шилин, когда они, тронувшись, разогнались до приличной скорости. Старый забугорный драндулет ещё был живчик.

– Да вроде не секрет... – ответил парень и, чуть подумав, продолжил. – Уезжаю я, Ксан Григорич. Нет мне здесь места... Хочу жить в большом городе.

– А Даршика куда, с тобой?

– Я тоже хочу изменить жизнь, – смущенно добавила де-вушка. – Хочу поступать в институт. Но у нас денег нет...

– То есть, родители не знают, что ты сбежала?

– Нет.

– Ооо! Маратик! Да девчонка в тебя по уши влюблена! Готова за тобой на край света!

Марат молчал, словно не слышал их разговора, думая о чем-то своем.

– Что за бред?! – психовал парень. – Почему я тогда этого не слышал? Почему я вспоминаю это только сейчас?

– Не нервничай, Марик! Это вот так работал твой мозг, сознательно блокируя восприятие тех или иных событий. Эти события противоречили твоему убеждению, что ты одинок, и иначе быть не может. Ты видел и слышал, что мы общаемся с Александром Григорьевичем, но для тебя это было словно как сновидение, которое ты, проснувшись, сразу забываешь. Быть может, ты и удивился, что твоя фантазия говорит с реальным человеком, но как только мы закончили взаимодействовать, твой мозг сразу вырезал это из памяти. А может, ты вообще не обращал внимания на наше общение с ним. Это для меня загадка. Я в этом не очень еще разобралась. В разных ситуациях ты вел себя по-разному.

Полтора часа пути прошли без приключений, если не считать того, что кому-то в вагоне стало плохо. Но из тамбура Марат не видел всех подробностей, а потому просто размышлял, общаясь с Дариной. Он представлял, что женщины с корзиной нет и что на этом месте стоит его любимая девушка и рассказывает истории из детства. Парень настолько увлекся этим занятием, что порой ему казалось, что женщины и впрямь не существует, а существует лишь она – девушка его мечты. В этих разговорах и пролетели полтора часа поездки на электропоезде, увозившем Марата далеко от дома.

– О боже... Ты действительно стояла в тамбуре напротив... – прошептал Марат, все еще потирая макушку.

– Ну да, – удивилась Дарина. – А тебе что казалось?

– Я... Я выдумал какую-то женщину с корзиной... И пытался на ее месте представлять тебя. Хотя ты и так там стояла. Я совсем больной, походу...

Дарина испуганно сжала крепкую ладонь Марата.

– Не переживай, Марик, ты ведь идешь на поправку! Тебе уже лучше! Первый шаг сделан! Мы найдем психиатра здесь, в Омске. В конце концов, попросим помощи у твоего отца...

– Нет, он не должен ничего про это знать.

– Да, хорошо бы... А еще купим воды, хлеба и батон дешевой колбасы. Завтра будем питаться бутербродами. Далее что-то придумаем. Так, сколько у меня денег?..

Парень полез в боковой карман сумки, достал содержимое и опешил. Денег было намного меньше, чем он считал, их едва хватит на один день.

– Боже... Меня ограбили...

– Что теперь будешь делать? – спросила Дарина, коснувшись его руки. Он был готов поклясться, что почувствовал это прикосновение.

– Получается, меня не грабили?

– Это ты про то, как мы с тобой приехали? Ну да... Ты купил билет на себя и на меня, поэтому и денег у тебя оказалось меньше.

– Ну, как я мог купить билет на тебя, если я считал, что ты моя фантазия?

– Я... Я сама купила, прости... – смущенно потупилась девушка.

– А когда я решил, что меня ограбили, ты мне подыграла. Зачем? Не лучше ли было сказать правду, и тогда, возможно, я бы понял, что деньги потрачены на тебя, потому что ты настоящая?

– Я же тебе говорила, что врач советовал...

– Опять ты мне про врача этого!

– Марик, мы что сейчас в первый раз в жизни поссорим-

ся?

– А мне кажется, такое уже было, когда ты еще была моей фантазией...

– Да. Ты изменился, когда мы приехали в Омск, – заметила Дарина. – Но я знала, что будет что-то вроде этого. Как и говорил Николай Васильевич, кардинальная смена обстановки сильно повлияет на твоё восприятие.

– Вот почему ты как будто стала галлюцинацией, а не просто моей фантазией!

– Все же, наверное, ключевую роль сыграло то, что ты стал избавляться от чувства одиночества, уехав из деревни. И то, что ты взял судьбу в свои руки. А встреча с отцом окончательно пробудила тебя.

Вскоре он обнаружил небольшой заросший промежуток между окончанием забора и граничащим с ним зданием музея. Он затянул ляжку своей спортивной сумки туго, надев её через голову, и без труда перемахнул на внутреннюю сторону, чуть оцарапав плечо.

Марат вспомнил этот эпизод таким, какой он был на самом деле. Затем, нахмурившись, резко потянулся к Дарине и чуть оттянул кофточку на ее плече. Остаток от небольшой царапины.

- Оказывается, это ты поцарапалась о дерево, а не я...
- Ну да, а мне казалось, ты не обратил внимания.
- Обратил.

Дарина, слава богу, молчала. Он представил, что она осталась в парке, и будто бы познакомившись с какой-то мамашей играла там с детьми. Парень догадывался, что эти внезапные галлюцинации можно контролировать, убеждая себя в том, что сейчас девушки нет рядом, и она где-то в другом месте.

– Вот объясни...

– Что?

– Я же сам представил то, как ты осталась в парке, играя с детьми... Как ты могла это знать и действительно это сделала?

– Когда мы были в парке, – объяснила девушка, – ты поделился, чем ты собираешься сейчас заняться. Я подумала, что я тебе только помешаю, а там детки такие классные были, ну и я решила...

– А я значит вбил себе в голову, что я это сам придумал, – перебил ее Марат.

– Ну, да... Ну, вот так это происходило каждый раз. Я за эти два года немного изучила твое поведение и уже быстро

потом могла себе объяснить некоторые твои поступки.

Марат скептически хмыкнул.

– И что, я теперь излечился? Так просто? Пожал руку отцу, и теперь нет никакого патологического фантазирования!

– К сожалению, это психического отклонение сложно вылечить. Так же как и шизофрению... – осторожно сказала Дарина, боясь обиды парня.

Вдруг Марата осенило.

– Я слышал, что шизофрения часто наследственное! Ты хочешь сказать...

– Это не обязательно досталось тебе от отца! – перебила его Дарина. – Может, у него ничего такого нет! И вообще, может это у тебя не наследственное...

Марат нервно теребил уголок старого покрывала. Все это осознание свалилось на него как снежный ком, который при каждом воспоминании становился все больше, грозя окончательно придавить парня.

– Это временное просветление после яркого потрясения. И мы должны держаться за него. Назад в сторону Майского мы, конечно, не будем ездить, чтобы посещать Николая Васильевича, но он может посоветовать хорошего врача в Омске. В следующий раз я у него спрошу, заодно и порадую его, что мы наконец нашли тот триггер!

– В следующий раз?

Дарина вдруг покраснела.

– Ты только не ругайся... Не волнуйся...

Марат недоверчиво нахмурился.

– Что?

– Я поддерживала с ним связь. Постоянно звонила ему по телефону, рассказывала, как ты себя ведешь и так далее...

– То есть там в деревне, оказывается, знали?

– Нет! Ну, папин друг, конечно, рассказал родителям, куда я пропала... Но они не знают, в каких мы условиях. Они думают, что мы в гостинице живем, – стыдливо вымолвила Дарина.

Только сейчас Марат ясно увидел и осознал, на что пошла эта девушка ради него.

Всю дорогу Марат чувствовал как наяву тепло хрупкого тела своей воображаемой девушки, и это отдавалось в нем сладко-тоскливым чувством родственности с этим призрачным человеком рядом. Она молчала, как и пообещала ранее. Но, что странно, всю дорогу молчал и таксист Женя, который без шуток и своего заразительного хохота не мог ступить и шагу. Что-то было не так. И это было не в первый раз. Такое он ощущал и ранее, и это состояние ему очень не нравилось: Марат как будто находился в каком-то стеклянном сосуде – совершенно один – притом, что вокруг него были живые люди. Он пытался позвать таксиста, спросить у него что-то, заведя разговор, но тот упор-

но молчал и вел своего железного коня, задумавшись о чем-то своем.

– Вот в такие моменты я не понимала, что с тобой происходит, – сказала Дарина. – Ты словно как-то закрывался в себе. Твердо молчал.

– Я звал же Женю, пытался с ним заговорить...

– А на деле сидел нахмурившись и смотрел в окно. А Женя как раз звал тебя, но ты не отвечал. Тогда я ему намекнула, что мол ты не в духе. Он что-то посмеялся, а потом мы все ехали молча.

Это было очень странно.

– Привет, моя Даринка, я скучал!

– И я скучала, Марик! А знаешь, где я была? Недалеко здесь по объявлению ходила. Меня, кажется, возьмут в секонд-хенд работать продавицей! Может и приодену тебя со временем! – Дарина улыбалась.

Непонятно. То ли Марат действительно неосознанно вообразил, как она это говорит, – ведь он только час назад думал примерно о таком – то ли галлюцинация.

– Ты действительно работала в секонд-хенде?

– Я все еще там работаю. Завтра должна быть на месте.

– А я недавно хотел представить, что иду к тебе в твой магазин и смотрю, как ты устроилась. Но подумал, что у меня ничего не получится...

– Хочешь, поехали завтра со мной, заодно и посмотришь, да и я обещала тебя приодеть!

Это все еще было удивительно.

– Алло, здравствуйте! Меня зовут Марат, я из деревни Ивановка. Ваш отец дал мне этот номер, сказал, что вы можете помочь.

– Ой... Марат? – вдруг обрадовался голос из трубки. – А не Марат ли Динари?

– Именно, он.

– Вот так встреча!.. Ну, вернее... Рада слышать тебя, Марат!

Парень удивился, что Юля его помнила. Оказывается, она его хорошо знает. Почему же он сам её не помнил? Впрочем, неважно.

– Спасибо! Я тоже рад вас слышать!

– Так... Давай по-простому говори! Не обезьяничай! Коль мы-то не чужие с тобой! Перестань выкаты!

Такая же, как папа. Не любит «выканий».

– Юль, Александр Григорич говорил, что ты можешь помочь... Что муж у тебя работает где-то в органах или типа того...

– «Или типа того»! – передразнила девушка, рассмеявшись. – Ты почему как не родной? Так говоришь, как будто я тебе чужая...

– В каком плане?

– Ты притворяешься?..

– Прости, Юль, я даже не понимаю, о чем ты говоришь...

– Ох... Маратик, Маратик. Ну мы же с тобой всё выяснили тогда...

Марат заметил краем глаза, что Дарина стоит рядом со сложенными руками на груди и с укором смотрит на него. Ревность?

Теперь он окончательно все вспомнил. Вот то самое потрясение, из-за которого все началось. Юля, дочь Александра Григорьевича, – его первая большая любовь. И эта любовь заставляла Марата парить среди просторов ослепительного счастья, не смотря на то, что она расцвела среди ветхих домов, проселочной насыпи дорог, тракторов и цветущих огородов сибирской деревни Ивановка. Марат не хотел уезжать, но Юля постоянно твердила о мечте перебраться в Омск и разбогатеть, построив в мегаполисе прибыльный бизнес. Она постоянно упрекала парня за отсутствие такого стремления, и однажды случилось то, что случилось. А

именно: «Прости, Марат, я выхожу замуж и уезжаю в Омск». Парень сделал вид, что он принимает это и не держит зла, но внутри его съедала боль, ведь ему казалось, что эта любовь вечна и не может так ранить. Это и был тот самый триггер, который поспособствовал нарушению его психического здоровья.

Дарине он ничего не сказал. Пусть те его чувства остаются в прошлом, и незачем их пробуждать в памяти. Ведь теперь есть совершенно новые чувства, которые, кажется, в миллион раз сильнее.

Чтобы не выдать свой самый яркий инсайт, Марат решил в разговор добавить каплю юмора.

Марат прекрасно понимал, что ему повезло с телосложением, благодаря которому он в первый же день нашел работу.

– Ладно. Всё же это хорошо, что так получилось. И я рад, что ты со мной, моя Даринка!

– Вот! Вот этот Марат – всем Маратам Марат!

– Перестань! – хохотнул парень. Но этот хохот вышел немного нервным. Опять что-то происходит не то. Что за «всем Маратам Марат»? Он бы не стал представлять себе такую глупую фразу.

– Иногда ты говорила откровенную хрень, – прыснул па-

рень.

Дарина весело расхохоталась.

– Ну, не всегда же мне умничать!

Глава 26

Прошло около двух месяцев. Уже вовсю полыхала желтым пламенем осень, устилая землю шелковым покровом палой листвы. Одни деревья, будто боясь опоздать к приходу зимы, спешно сбрасывали с себя остатки одеяния, другие же испуганно расставили голые ветви, уже встречая ее; летний теплый воздух сменился холодным равнодушием.

Марат и Дарина все еще жили на территории завода, поскольку его окончательная продажа вновь оттянулась на неопределенный срок. Но теперь они стали обитателями сторожевой каморки, где ранее жил Фёдор. Сам Фёдор Алексеевич, воспользовавшись помощью Олега Динари и уехал лечиться в санаторий, оставив ключи молодому соседу, тем самым передав ему полномочия сторожа. Это стало новым небольшим подспорьем для парня, пока он пытался вместе с Русланом развернуть небольшой (а может и большой) цветочный бизнес, начав, как и планировалось, с вокзала. Теперь деньги, что давал отец, он получал не просто так, а как будто за работу. Дарина продолжала трудиться в секонд-хенде и периодически приобретала в нем сносную одежду, что даже пришлось соорудать мини гардероб. Они вновь затеяли ремонт и обстановку своего жилища, но только уже на новом месте, переместив туда вещи из хозблока, и уже с энтузиазмом облагораживали свой новый дом.

Дарина (как и обещала еще тогда, в августе) вновь связалась с врачом, и тот дал рабочий номер телефона высокопрофессионального психиатра в Омске, заверив, что этот человек – его хороший товарищ, и подвести не может. Якобы Николай Васильевич уже в общих чертах изложил Омскому психиатру проблему, так что можно смело к нему идти и рассказывать все с самого начала. С тех пор они уже несколько раз ездили на сеанс, который каждый раз длился ровно полтора часа. В первый раз Марат, конечно же, отказывался ехать, бурча «со мной все нормально», но девушка была непреклонна – в ход пошел вопрос «ты меня любишь?» Что же сделать, Марату пришлось согласиться. Врач, обследовав Марата, и поговорив с ним подробно, обнадежил, что тому ничего пока не грозит. «Во всяком случае, рецидив не намечается, – сказал он. – Но вы, Дарина, наблюдайте за молодым человеком и ко мне с ним на сеанс раз в неделю». Роман Альбертович не предлагал лечь на лечение, поскольку был предупрежден об этом Николаем Васильевичем заранее, по просьбе Дарины. «Уехать в Омск, чтоб лечь там в дурку. Угу, спасибо», – продолжал ворчать Марат.

Иногда ей казалось, что он ведет себя так, как раньше, и это ее пугало, но потом убеждалась, что все идет нормально. Вот и сейчас он куда-то явно собирался уходить и молчал, не обращая на нее никакого внимания, и было похоже, что сейчас он заговорит с ней как со своей фантазией.

– Даринка, поедешь со мной?

– Куда?

– Руслан звонил, – кивнул Марат на старый дисковый стационарный телефон на недавно протертом девушкой подоконнике.

– И что?

– Он приглашает нас посмотреть теплицу своего дяди.

– Нас?

– Ну да. Ну, вернее, меня позвал, а я сказал, что буду с девушкой, мол, не могу ее оставить.

Она перевела дух.

– Я конечно же за!

– Никому ведь не расскажешь? – улыбнулся парень.

– Еще чего! Завтра весь Омск узнает! Начну, пожалуй, с домов рядом с вокзалом... – весело язвила девушка.

Он поймал ее в ловушку рук и нежно прижал к себе.

– Ну тихо, Марик, задушишь так! – для вида возмутилась девушка, но на самом деле она была счастлива.

Дарина никогда не видела такого буйства красок. Ей казалось невозможным, что за всеми этими цветами ухаживали лишь два человека – дядя Руслана и его жена. А аромат, что стоял в этой теплице, казалось, сейчас взрастит на спине крылья и заставит не просто шагать среди ярких бутонов, а парить над ними. Здесь было несметное количество гортензий и пионов разных цветов; пестрели анемоны, герани, розы, хризантемы... А на высоте двух с половиной метров

свисало множество красивых шаров петуний и пластиковых кашпо с другими неизвестными девушке цветами. Теплица для такого количества благоухающей флоры, казалось, была маловата – этим цветам хотелось дать простор. Девушка будто слышала, как эти растения недовольно ворчали, стоя бок о бок со своими сородичами. Тесный, но все же восхитительный флористический эдем.

– Это рай? – спросила девушка.

Худая женщина с соломенной шляпкой, встретившая их, рассмеялась.

– Проходите-проходите! – воскликнула она. – Может, хотите кофе? Русланка нам недавно кофеварку подарил! Сейчас сделаю!

– Теть Тань! Хватит меня так называть. Я же просил! Стыдно перед людьми же... – недовольно проворчал Руслан.

– Ой, ну ладно-ладно! Руслан Валерьевич. Присаживайтесь, ребят! Я пойду кофе сейчас вам принесу! А начальник наш сейчас придет.

– Так она называет дядю Толю, – тихо пояснил Руслан.

Хозяйка спешно удалилась в дверь дальней стороны теплицы. Вместо нее внутрь скользнула серая кошка, которая, приблизившись, без опаски принялась тереться о ногу девушки. Дарина, улыбаясь, шепнула «привет» и почесала ее за ухом, чувствуя через пальцы одобрительное ответное мурчание.

Тем временем два парня обсуждали свои насущные дела.

– Я почему-то думал, она больше... – сказал Марат, окидывая взглядом цветочную оранжерею.

– Ну, уж какая есть. Нам двоим тогда было хоть такую построить...

– Да нет, извини. Я не хотел обидеть. Ну, просто она оказалась... ну... компактнее, чем я предполагал. Но зато то, что она содержит – изумительно!

– Спасибо. Да ладно, я на самом деле согласен, что нужно больше места. Но зато она у нас круглогодичная. Отопление, освещение, вентиляция – все как надо. Конечно, всем занимается дядя. А я так...

Вошел смуглый моложавый мужчина, который издали казался ровесником Руслана. Он был в синем джинсовом комбинезоне и такой же соломенной шляпе, как и у его жены. Мужчина сильно картавил, а так же не выговаривал букву «л», что в первые минуты вызывало улыбку (которую Марат и Дарина, естественно, прятали), словно перед ними был взрослый ребенок, но через какое-то время этот забавный факт стал привычным. Они обсудили все нюансы производства и сбыта, поговорили об аренде, о спросе основных праздничных периодов и, конечно, о безопасности. Все это обсуждалось в рамках начального этапа, то есть сбыта на вокзале. Потом Марат изложил свои задумки, касаясь расширения: новых точек продаж, увеличения объема, совместной стройке новой теплицы (или, как минимум, увеличении этой) и рекламе (идею о ней подала Дарина). Всем понрави-

лись идеи будущего, лишь от Руслана веяло скептицизмом, но Марат твердо верил – со временем и он убедится в их осуществимости. Эти собравшиеся люди очевидно понравились друг другу, а Татьяна даже предложила Дарине вместе работать над авторскими букетами и цветочными композициями.

– Ой! Я с удовольствием! Но... – смутилась девушка.

– У тебя есть работа? – догадалась Татьяна.

– Да... Это так.

– Ну так, уволься, – небрежно вставил Руслан.

Дарина не хотела говорить, что она не может подвести людей, которые приняли ее на работу в секунд-хенде, да и деньги сейчас очень нужны. Они с Маратом не могли жить только на зарплату сторожа, хотя отец парня не скупился.

– Я чуть больше двух месяцев всего лишь отработала. Как-то неудобно.

– Даринка, ты же можешь сюда приезжать по выходным, – сказал Марат, он понял о чем она думала. – Тебе не обязательно увольняться.

– Ну вообще, кстати, да! – воскликнула Татьяна, поправляя соломенную шляпу. – По будням с Толиком мы тут... Русланка иногда появляется...

Пауза.

– Руслан Валерьевич, – поправились она, с улыбкой глядя на хмурого Руслана. – А ты, Дарина, будешь в выходные, и мы, может, еще Машу попросим тебе помочь!

– Она не будет. У нее работа, она очень устает, – возразил

Руслан, затем пояснил. – Маша – это моя девушка, которую я встречаю на вокзале.

– Она же сама была в восторге от букетов! Говорила, что хочет помочь нам! – проговорил быстро дядя Руслана (в его торопливом произношении дефекты речи были практически незаметны).

– Ну, мало ли, что она говорила, дядь Толь! Давайте уж не будем ее трогать!

– Гхусуан!

Марат незаметно подавил улыбку. Из уст мужчины имя племянника звучало как какое-то восточное название. Анатолий будто бы это заметил и вновь заговорил быстро:

– Ты же понимаешь, что ты принуждаешь ее? Она давно тебе говорит, что хочет бросить эту работу. Она устала работать в другом городе, хотя в Омске, казалось бы, больше возможностей! Она устала приезжать два-три раза в месяц на несколько дней!

Руслан молчал. Он будто бы все понимал, но в то же время все равно не хотел соглашаться.

– Почему ты не хочешь, чтобы Машуня оставила ту работу? – спросила Татьяна.

– Не хочу.

– Ну ладно, не будем тебя мучить, в конце концов – это не наше дело...

– Угу, – промычал Руслан, вставая с места, тем самым давая понять, что они собираются уходить.

– Как думаешь, Марик, что не так с этим Русланом и его девушкой? – спросила Дарина, когда они уже прибыли обратно к своему дому на завод.

Марат не торопился с ответом, словно подбирая правильные слова:

– Мне кажется, дело в деньгах. Он мне как-то рассказывал, что она очень хорошо зарабатывает...

– А он кем работает?

– Вроде в автосервисе.

Дарина молчала, вопросительно глядя на него.

– Ну сложи два и два, Даринка! Они живут в хорошей трехкомнатной квартире...

Девушка опустила глаза, словно сказав «я поняла».

– Она, наверное, очень сильно его любит...

– Ну, уж наверное, – проговорил Марат. – Готова страдать на нелюбимой работе ради него.

– И страдать от частой разлуки. Лишь бы он был доволен.

– Да, и от разлуки.

– Вот любим мы вас, парней, и готовы ради вас на что угодно!

Марат не понял, была ли это досада или просто некий факт.

– Только вот мы парни разные, – ответил он, – кто-то довольствуется вашей любовью, и даже пользуется этим, а кто-то готов на все, чтобы его девушка была счастлива, и стара-

ется сделать все для этого! Я ведь... Я ведь все делаю лишь для тебя, Даринка! Мне в этой жизни нужно только видеть свет в твоих глазах!

Дарина счастливо вспыхнула. В первый раз Марат сказал эту фразу будучи уверенным, что она настоящая, а никакая не фантазия. И вдруг резко спохватилась.

– Марик! – испуганно залепетала девушка. – Ты что, подумал, что я тебя в чем-то упрекаю? Я же верю тебе на все сто!

– Ну, не знаю, мне показалось...

– Нет-нет! Я ведь просто сравнила!

– Да брось, все нормально, – улыбнулся Марат и лег на кушетку, по верхнему краю которой играли веселые огоньки (из найденной среди кучи хлама коробки с гирляндами). Он повернулся в сторону окна, взял в руку один из огоньков и стал его рассматривать, думая о чем-то своем.

– Марик, ты чего? – спросила девушка, а сама про себя подумала: «Я такая дура, зачем я провоцирую его? Врач рекомендовал следить, чтобы он не уходил в себя, а я...».

Дарина подошла к кушетке и села за его спиной, надеясь, что он почувствует движение сзади и сам повернется к ней. Но Марат не двинулся и не произнес ни звука, будто действительно скрывшись в себе. Она слегка коснулась его плеча.

– Марик...

– Помнишь Юлю, дочь Григорича? – тихо спросил он.

– Да.

Марат замолчал. Это был минутный порыв рассказать Дарине о том, из-за чего все началось. Он обязан быть честен со своей девушкой несмотря ни на что, даже ценой того, что это может породить в ней неприятные чувства. Но... Честно говоря...

Марат повернулся и сел. Что-то не так. Причем тут дочь Григорича? Он буквально не помнил, зачем начал этот разговор, хотя сделал это минуту назад.

«Это, наверное, про...», – подумал он.

– Помнишь, как Юля по телефону говорила, что в Омске есть два Олега Динари?

– Да, другого мы отмели сразу, – ответила Дарина, – он, вроде, работает на теплоходе, на Иртыше.

– Это мой старший брат.

Наступила тревожная тишина.

– Однажды я хочу с ним познакомиться, – продолжил он.

Девушка приложила щеку к тыльной стороне его ладони, держа двумя руками крепкую кисть парня.

– Хочешь, я пойду с тобой?

Марат усмехнулся.

– Конечно! Здорово, что я могу вообразить, что ты рядом. Это ее напугало. Неужели опять началось?

Глава 27

Стоял уже уверенный октябрь: наступили сибирские обжигающие холода, земля покрылась тонким слоем первого белоснежного ковра, а деревья по берегам реки Иртыш стояли полностью оголившись. Теплоход «Зарница» двигался не спеша, разрывая под собой ледяную водную гладь и оставляя широкую борозду на ней, которая, впрочем, почти мгновенно затягивалась, вяло следуя за экскурсионным судном. Им повезло – это был один из последних рейсов в этом году, буквально на днях уже должны закончиться круизы сезона и встать в режим ожидания до теплой весны.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как девушка заметила в нем перемены. Иногда казалось, что Марат ее воспринимает реальной, как и последние месяцы, но чаще всего, это было похоже на то, как он вел себя там в деревне. Пока парень ничем серьезным себя не выдавал, но она чувствовала, что что-то не так, поскольку была его сердцем, а он, в свою очередь, был сердцем ее. Все же Дарина надеялась, что это временное помутнение и что все непременно отступит, но когда это случится, не могла предугадать. Срочно нужен врач! Нелегко постоянно держать руку на пульсе, зарываясь с головой в бытовую жизнь и повседневные заботы. Тем более, у них только все начало удачно складываться, и необходимо было поддерживать психическое состояние Марата на

стабильном уровне, а иначе это может привести к печальным последствиям (так и говорил врач).

Гид что-то активно рассказывал группе людей, взошедшей на борт вместе с Маратом и Дариной, но парень предложил девушке прогуляться по палубе.

– Марик, так красиво! А представляешь, каково летом?

– Ну, уж извините, – прищурился Марат, – отец мне сказал о брате только недавно.

– Это вот когда он в последний раз приезжал?

– Да, когда забирал Фёдора.

«Вот за что можно ухватиться!», – внезапно девушке вспомнились два года подобных безуспешных попыток.

– Я не помню, когда твой отец забирал Фёдора. Он его забрал? – нерешительно спросила она.

Марат рассмеялся.

– Ну как ты не помнишь, Даринка? Я же переехал не так давно в его каморку! Ты что не заметила, что там его нет?

«Я переехал». Это плохо.

– Мы... – осторожно поправила его Дарина.

– Ну да, мы переехали с тобой!

Девушка решила не паниковать раньше времени. Как бы то ни было, это все равно еще не то глубокое состояние так называемого патологического фантазирования. Он ведь и раньше так же ошибался и поправлялся... Но поведение его было заметно другим.

– Я никогда не была на теплоходе, – резко сменила тему

Дарина, – и даже в холодное время здесь красиво, – сказала она, мечтательно склонив голову.

Она чувственно прижалась к нему, положив голову на грудь и поглаживая его спину руками, восхитилась видом проплывающего мимо отдаленного лесного парка, одновременно наслаждаясь теплом своего любимого человека. Скоро должен был открыться ресторан и впустить гостей, а Олег (брат Марата), по словам отца, работал именно в нем (правда, кем именно – неизвестно). Отец был не против, если братья познакомятся, поскольку Олег-младший со своей семьей давно жил отдельно и почти не общался ни с отцом, ни, тем более, с его женой.

– Твой брат, он ведь не от этого брака?

– И не сын моей матери, – подтвердил Марат. – Как мы знаем, моя мать умерла, рожая меня.

– То есть, Олег тебе все-таки не родной?

– Ну, у нас один отец. Вот, как раз, первая жена отца – это мать Олега. Судя по всему, это именно та женщина, от которой он меня прятал и скрывал свои похождения. Они, видимо, потом развелись, или что, не знаю... А вот эта Люба и маленький Антон...

– Которых мы видели, когда приезжали к твоему отцу в первый раз, – кивнула Дарина.

– Ну да. Это – третий брак.

– То есть, вы – три брата, и все от разных матерей?

– Получается, так.

Вдруг Дарина воскликнула:

– Ой, смотри, люди пошли! Наверное, ресторан уже приглашает!

Так и есть. Судовой ресторан открыл свои двери, и было видно, как внутри суетились официанты. У входа стоял один из сотрудников, расплывшись в пригластительной улыбке, и соответствующе протягивал руку, указывая направление, словно боясь, что посетители ошибутся и пройдут мимо.

Парень и девушка не проходя далеко вглубь, устроились за одним из столиков, оценивая разглядывая окружающую обстановку. Это было сравнительно небольшое продолговатое помещение с огромными окнами, которые закручивались по дуге к центру потолка (видно, к площадке верхней палубы), и создавалось впечатление, что ты находишься в некой стеклянной трубе. Небольшие промежутки между этими окнами были смело украшены различной бутафорией, что смотрелось довольно гармонично и не раздражало глаз. Квадратные столики были аккуратно накрыты зеленой клетчатой клеенкой, что для судового ресторана все-таки казалось уместным, так как эта особенность добавляла в интерьер нотки простоты и беспечности. Этих столиков было немного, но вполне хватало для набранной экскурсионной группы.

– Как думаешь, кто из них? – спросила Дарина, осторожно окинув взглядом двух хлопчаших официантов.

Не услышав ответ, девушка взглянула на Марата. Тот потирал макушку, как это обычно бывает, когда ему что-то непонятно или же что-то не нравится, и он отчаянно ничего не может с этим поделать.

Ему не по себе – она это чувствует.

Марат собрался, вздохнул и, подняв руку, позвал сотрудника, что в стороне горделиво наблюдал за официантами, постоянно им что-то подсказывая. Этот сотрудник, вероятно, являлся администратором ресторана, контролирующим работу служащих и обеспечивающим комфорт гостей. Мужчина явно заметил жест Марата, но, будто сомневаясь, приблизился не сразу.

– Чем могу быть полезен? – осторожно произнес он. – Сейчас официант к вам подойдет, но если не можете ждать, я могу вам помочь и принять заказ.

– Извините, мы ищем Олега Динари.

– А вы по какому, собственно, вопросу?

– По личному, это наш родственник.

Мужчина удивленно вскинул брови и с интересом осмотрел молодых людей. Только сейчас Дарина заметила, как он похож на Марата. Да, это он – Олег Динари-младший.

– Родственники? Извините, что-то я не припоминаю таких родственников. Олег Динари – это я.

Марат поднялся и посмотрел в глаза брату.

– Наш отец тебе, наверное, не рассказывал про меня?

– Н-нет... – еле слышно проямлил Олег, а затем, рез-

ко подобравшись и добавив голосу официоза, отчеканил: – Через два часа давайте встретимся здесь же, за этим столиком. И я вас выслушаю. Сейчас, извините, у меня много работы. Будете что-то заказывать сейчас или подождете, когда подойдет официант?

– Спасибо. Подождем официанта, – выдавил из себя Марат, садясь на место.

Они дождались обещанного официанта и заказали простые и недорогие блюда. Вкус этих блюд им показался потрясающим! Но это была не заслуга судового повара. Их восторг – результат того, что Марату и Дарине не с чем было сравнивать: оба уже понемногу стали привыкать к простой дешевой пище, которой питались с тех пор, как приехали в Омск. Один раз подошел Олег, чтобы поинтересоваться, нравится ли им качество обслуживания и уровень приготовления блюд. Дарина отозвалась восторженно, а Марат просто улыбнулся.

Через час, наевшись вкусной еды и вдоволь обсудив свои дальнейшие планы, парень и девушка решили вновь прогуляться по палубе, изучая проплывающие мимо окрестности, дабы скоротать время до встречи с Олегом. Во время прогулки Дарина при помощи неких методов в общении, которые сложились за два прошедших года, пыталась понять, как ее воспринимает Марат, но у нее ничего не получалось. Он словно сам не понимал, кто она – живой человек или мираж. Внешне это особенно никак не проявлялось, но она твердо

знала, что его мир снова начинает переплетаться с выдуманной. Пограничное состояние – то, о чем и говорил Николай Васильевич. Важно его не допускать, контролируя восприятие.

Когда подошло время, пара вновь вошла в уже опустевший ресторан и уселась за тот же столик. Марат рассказывал какую-то смешную историю из деревни, главным героем которой выступал Пазик, а Дарина смеялась, тем временем не упуская из виду каждое его движение и замечая каждую фразу.

Почти сразу же появился Олег. Он развернул один из стульев соседнего стола и, убрав из голоса администраторские интонации, объявил:

– Ну что, ребят, я готов! Выкладывайте!

Марат подробно все рассказал, практически не упустив ни одной детали, а когда закончил, его старший брат принялся расспрашивать подробности и интересующие его моменты. Дарина не вмешивалась в разговор и украдкой наблюдала за Маратом, изучая тем временем и его нового близкого родственника.

– Папаша, конечно молодец... – задумчиво проговорил Олег, потирая макушку.

Боже, как же он похож на Марата.

– Ну, хоть помогает чем-то, и то ладно, – сказал Марат.

– Да отец то у нас, в общем-то, не злой. Им жены вечно крутили! Что мать моя его вечно дергала. Он ее боялся –

жуть...

– Поэтому и не сказал обо мне и спрятал меня подальше.

– Ну да. Что вот теперь эта Любочка им вертит. Подкаблучник он у нас, брат! – улыбнулся Олег.

– А мать твоя где?

– Ушла она от папаши и свалила в Венгрию, с его же бывшим подчиненным. А я женился и мне уже стало не до их разборок.

– Ну, ясно... Теперь хоть немного прояснилось.

– Ну что, брат! Будем знакомы? – громко гаркнул Олег.

Марат, не скрывая радости, громко хлопнул ладонью о ладонь брата, сжимая ее в крепком рукопожатии. На секунду улыбка сползла с лица парня, но потом вновь вернулась в исходное положение – это выглядело как мимолетный нервный тик. Что это было, Дарина поняла несколько позже.

Марат посмотрел на свою девушку и объявил:

– Знакомься, Олег! Это моя любимая девушка Дарина!

Девушка просияла. Вот оно, лекарство! Чтобы парню вернуться в реальный мир из своих грез, нужен тактильный контакт с близким родственником.

Глава 28

Цветочное дело выстрелило практически сразу. Все получилось как нельзя лучше. Начальница охраны Арина Николаевна, встретившись с Маратом, пошла ему навстречу, охотно согласившись на чуть заниженную стоимость аренды (как и предполагалось, фраза «процент от прибыли» сыграла свою роль) и предоставила помещение на вокзале, заваленное бракованными креслами из зала ожидания. Помещение находилось в удачном месте – мимо то и дело проходили спешащие к прибытию поезда и взглядом ищущие люди. Марат, Дарина и Руслан довольно быстро освободили это помещение и привели его в порядок, расставив по периметру более-менее сохранившиеся кресла, которые будут служить своеобразными полками для ваз с пионами, анемонами и гортензиями – эти цветы были своеобразной визитной карточкой Анатолия. Кстати говоря, своеобразные букеты из комбинаций разноцветных гортензий, пионов и гераней, в свою очередь, были визитной карточкой его жены Татьяны (анемоны, по ее мнению, здесь были лишними). Все остальные виды цветов и составленные из них букеты расположились по периметру в вазонах на полу и на двух столах. Дарина и хозяйка теплицы Татьяна совместными усилиями нарисовали табличку «Цветы Дарины» (по настоянию самой же Татьяны) на куске фанеры, а Марат зафиксировал ее над

дверью помещения. Удивительно, но имя этой девушки в названии привлекало посетителей (некоторые из них сами об этом говорили). Анатолий только и успевал подвозить новые букеты, высаживая в освободившиеся горшки семена, а Татьяна трудилась в поте лица, составляя флористические композиции. Продавцом выступал сам Руслан, взяв в своем автосервисе отпуск, а Дарина пообещала, что за это время она разберется с работой в секонд-хенде и вскоре его заменит. Марат постоянно повышал цены, но спрос как будто даже усиливался, и парень прикинул, что с такими темпами через две недели закончится весь ассортимент.

– Надо искать еще поставщика, – сказал он, когда они собрались вновь в теплице.

– Зачем? У меня своя технология выращивания, а там будут совсем не такие пышные гортензии с пионами! – затараторил дядя Руслана.

– Продажи идут, вырастить новые вы не успеете, будем из чужих цветов делать такие же композиции и составлять такие букеты.

– А ведь еще же надо закупить оберточный материал и еще там по мелочи... – вставила Татьяна.

– Купим.

Дарина с восхищением наблюдала за Маратом. Его внезапно открывшаяся деловая хватка не могла не радовать ее, ведь девушка знала – ярое увлечение делом заставляет человека забыть о невзгодах, мыслях об одиночестве и даже бо-

лезнях.

– А что с тем чеченцем?

– Все нормально. Разобрались, – буркнул Марат, досадуя, что хозяин теплицы поднял эту тему.

– С каким чеченцем? – удивилась Татьяна.

– Марик, ты мне не говорил ни про какого чеченца...

Марат понял, что отмалчиваться уже нет смысла, и поведал историю, которая произошла неделю назад.

В их цветочный магазинчик зашел бородатый крепкий парень и, представившись Зауром, предложил «крышу», поскольку об этих цветах с вокзала уже была наслышана вся округа. На дворе стоял конец девяностых, и вот-вот должно смениться тысячелетие, но бандитизм и рэкет все еще процветали. Продавец Руслан отказался от охранных услуг, которые предлагались в обмен на 30% прибыли, и чеченец пригрозил скорой расправой, но расправы так и не произошло, так как об этом инциденте узнала Арина Николаевна, которая по своим каналам смогла как-то договориться с внезапно нарисовавшейся преступной группировкой. И даже поставила рядом с магазинчиком одного из бывших коллег Марата.

– У нас есть уже крыша, – улыбнулся парень, вспомнив горящие глаза начальницы охраны, когда он заикнулся о ее доле.

– Мы же платим за аренду ей... – неуверенно произнесла Татьяна.

– В том-то и дело, что мы платим заниженую аренду имен-

но ей, а не РЖД. Придется сверх этого еще... Ничего, справимся. Пока вся наша прибыль сейчас идет в дело. Но так будет не всегда, я вам обещаю, – уверенно сказал Марат.

Бизнес пошел. Цветы продавались, сеялись новые семена, а также закупались у сторонних садоводов, из которых производились авторские букеты. Несмотря на суровые сибирские морозы, что вступили в силу за пределами теплицы, цветы выращивались и цвели, и при выносе из теплицы не успевали погибать от холода, поскольку мгновенно раскупались. Но все же в самый пик зимы продажи заметно упали. Все силы теперь были брошены на подготовку нового большого ассортимента к праздникам конца зимы и начала весны. Основным прибыльным периодом, конечно, было преддверие восьмого марта. И когда подошло это время, продажи превысили все ожидания, и уже весной они вышли в значительный плюс.

Отец Марата однажды вызвался помочь связями, но парень ни в какую не хотел принимать такую помощь, а услышав, что существует возможность договориться о сравнительно дешевой аренде другой точки для продаж, согласился. Отец посоветовал, а потом и помог зарегистрировать ИП, поскольку это обещало упростить налогообложение. У Марата никогда не было отца, который мог бы его чему-то научить, но сейчас Олег Динари-старший стал для него неким наставником в его деле.

Все это время Марат не забывал о вокзальных бездомных, и периодически приносил им набитые сумки с едой и теплую одежду. И даже не жалел помощи для приставучего Паши и его людей, которые в благодарность стали звать бывшего врага «Друже». Дарине на прежней работе в секонд-хенде удалось сохранить хорошие отношения с начальницей, и поэтому она удачно покупала вновь поступившую дешевую одежду по просьбе Марата.

Парень постоянно справлялся о здоровье Владика и дяди Геры, но зимой почти их не видел, так как те часто грелись в своей зимней берлоге. Пока он не мог взять Владика к себе или помочь куда-то уехать, но твердо решил, что нужно спасти его как только появится возможность. Марат должен твердо встать на ноги. Он обязан решить многие проблемы. И он заберет с улицы Влада.

Обязательно заберет.

Когда потеплело, от отца поступило известие, что пора что-то придумывать по поводу жилья, так как продажа завода, наконец, завершилась, и здание переходит в руки нового владельца. Олег-старший сразу же предупредил сына и его девушку, что, к сожалению, помочь с новым жильем он не может. Марат, конечно, сразу же подумал, что отцу просто лень ему помогать, но так это или нет – выяснять не очень хотелось, да и помощь небольшими суммами денег все еще продолжалась. «Это знак судьбы, которая учит меня быть са-

мостоятельным», – подумал Марат и принялся изучать различные объявления об аренде жилья, которые пестрили на всех досках объявлений города. Позвонив по нескольким номерам и прикинув в уме расходы, он понял, что сейчас ему трудно это себе позволить, поскольку все заработанные средства он вкладывал в развитие бизнеса, и практически все было рассчитано до мелочей. Но все же он нашел выход, ведь как однажды сказала Дарина: «Отсутствие боязни задавать вопросы окружающим может привести тебя к невероятным результатам». А выход состоял в том, что обнаружилась однокомнатная квартира, которую соседи таксиста Жени были готовы сдавать молодой паре за сравнительно небольшую цену, и под его же поручительством согласились первый месяц сдать в долг. Жить рядом с обаятельным таксистом? Лучше и быть не может! Правда, в этой аренде были свои условия, но они были не жесткими, а в каких-то вопросах даже милыми (например, хозяева, уезжая жить в столицу, не смогли взять с собой кота).

– Теперь этот кот наш? – спросила Дарина, поглаживая недовольное испуганное животное, когда парень и девушка сидели на свежееобретенной кухне, чуть ранее войдя в квартиру с сумками наперевес.

– Ну, видимо, теперь наш, – пожал плечами Марат, кивая в сторону кота. – Голодный, небось...

– А как, интересно, его зовут?

– Я могу у Жени спросить, он же сосед – должен знать.

Мы сейчас с ним поедем на вокзал.

– Марик, а можно я останусь? Осмотрюсь здесь, приберусь... Кота накормлю. Приготовлю, так сказать, наше новое гнездышко.

– Конечно, можно. Сегодня тогда я поработаю, а завтра Руслан. А ты отдохни. Кстати, Даринка, скоро у тебя будет помощница и сменщица – будут у тебя выходные дни. Я же вижу, как ты устаешь...

Дарина благодарно улыбнулась, обнажая ямочки.

– И кто эта помощница?

– Она будет твоей сменщицей и по совместительству будет вести нашу бухгалтерию, она ведь профессионал в этом деле.

– Ну, не томи, Марик! О ком ты говоришь?

– Маша – девушка Руслана.

– Она что, уволилась? – округлила глаза Дарина. – А Руслан к этому как отнесся?

– Руслан этому и поспособствовал.

Девушка глядя на своего парня вдруг с подозрением прищурилась.

– И ты не имеешь к этому отношения?

– Я-то тут причем? Я ж не супермен решать все проблемы людей!

Она нежно обвила его шею своими хрупкими руками со словами «для меня – супермен». Они постояли так около пяти минут, затем Марат тихо произнес:

– Я просто спросил у него, любит ли он свою девушку.

Марат уехал, а Дарина принялась обживать их новое жилище. Единственная комната этой «однушки» оказалась довольно просторной и была разделена тонкой перегородкой – в одной половине жила семейная пара, во второй – маленький ребенок (будем надеяться, в Москве они нашли более удобные условия). Хозяева разрешили переставлять мебель по своему вкусу и пользоваться техникой, которой имелось не так много (все, что необходимо, хозяева забрали с собой), а место стиральной машинки, о которой так мечтала Дарина, пустовало (в совмещенном санузле на зеленоватой плитке остался отчетливый след, куда ее дели – неизвестно). Девушка всюду протерла пыль, вымыла пол, разложила личные вещи по ящикам и шкафам, приготовила постельное белье для раскладываемого дивана, а также освободила компактный стол от ненужных предметов (на нем она будет учиться). В той части комнаты, где жил ребёнок, обнаружился небольшой книжный шкафчик, который содержал в себе несколько изданий (преимущественно, детских) – его они заполнят новыми книгами. Дарина еще не знала, но чувствовала, что они здесь теперь надолго – эта квартира сразу стала ей близкой.

Закончив убираться, она сходила в магазин и вернулась с полным пакетом продуктов, ведь вечером вернётся Марат, и его нужно накормить. Девушка, разобравшись в кухонных шкафчиках, нашла много полезного и приступила к готовке ужина, не прекращая улыбаться и размышлять. Она думала

о судьбе, о любви, о настоящем, о прошлом и будущем, хотя последнее ее занимало меньше всего. Она счастлива здесь и сейчас, со своим любимым человеком. Прошлое, конечно, имеет свойство цепляться за разум своими острыми когтями, но Дарина знала, что поддаваться нужно только позитивным воспоминаниям, сознательно блокируя остальное. Вот и сейчас она с милостью в сердце вспоминала детство в Пироговске, переезд в деревню, знакомство с новыми друзьями и самое главное – знакомство с любовью всей ее жизни.

«Хорошо бы позвонить родителям», – подумала она, вспомнив в прихожей большой черный кнопочный телефон, и пока варился картофель, прошла к аппарату и набрала номер.

– Да, – через минуту послышался голос ее отца.

– Пап, это я.

– Даришка! Куда пропала-то? Как ты там, дочь? Что-то давно не звонишь.

– Да, пап, прости. Замотались мы тут...

– Как учёба твоя?

Дарина не могла сейчас рассказать правду о том, что нет никакой учебы. Она решила сделать это, когда они увидятся.

– Нормально все, пап, мы скоро приедем...

– Дарин, слушай, мы и так были против твоего отъезда. Ты, конечно, сделала нам больно, сбежав со своим Маратом!

– Пап, ну мы же в прошлый раз это обсуждали. Я не могла иначе...

– Неужели ты так его любишь, дочь?

– Люблю.

– Николай намекнул, что Марат твой не в себе, – неуверенно промычал в трубке ее отец.

«Я же просила Николая Васильевича не рассказывать папе!»

– Что он сказал?

– Да ничего толком не сказал. Мол, парень психически проблемный, но стабильный. Дарине, мол, ничего не грозит. При правильном контроле с этим парнем не пропадешь...

«Вот здесь спасибо».

– Пап, я вам с мамой все обязательно расскажу.

– А как там ваши цветы?

– Все хорошо. Наше дело цветет и пахнет.

Отец рассмеялся.

– Шутница ты у меня, Даришка!

– Все, пап, я побежала, маме привет! Люблю! – с чувством выкрикнула она.

– И мы тебя! А знаешь, что я еще хотел тебе сказать напоследок?

– Что?

– С днем рождения, дочур!

Дарина присела. Какое сегодня число? Боже мой, она забыла, что у нее сегодня день рождения!

– Спасибо, папуль!

– С меня подарок! Ты только приезжай!

– Обязательно приеду, пап!

Она положила трубку и задумалась. Марат, конечно, тоже не помнил про ее день рождения, и это, наверное, хорошо, потому что сейчас не до празднеств, и не стоит ему отвлекаться от насущных дел.

Ужин был готов, и это было фирменное пюре с курицей, которое так любит ее любимый мужчина.

Открылась и закрылась дверь. Вернулся Марат.

– Даринка! Подойди на минуту!

Она вышла в прихожую и увидела улыбающегося парня. В руках его был большой плюшевый розовый слон.

– Ты что, подумала, я забыл?

Девушка весело расхохоталась. Тогда, еще в деревне, они шутили, что когда Марат чего-то добьется в жизни, то купит ей слона. И он сделал это.

– С днем рождения, сердце мое!

Они долго стояли обнявшись, беспечно сжимая игрушку между собой. Весь окружающий мир им шептал поэтические строки о любви, а сердца этой пары восторженно проникали в них, чувствуя каждый образ как отражение своих собственных чувств. Через несколько минут (а может и часов) Марат произнес:

– Между прочим, это еще не все. Ты думаешь, на двадцатилетие я подарю тебе слона и все?

– А что еще?

– Ты помнишь мое обещание? Когда мы переедем в квар-

тиру, то там должна быть...

– Стиральная машина?! – завопила девушка. Она была в шоке.

– Иногда у тебя такая смешная реакция, Даринка, – рассмеялся парень. – Ну конечно, это именно она! Завтра будет доставка.

– А откуда она? Новая, из магазина? Марик, мы же пока не очень ведь можем себе это позволить... Зачем? Это же было вроде шутки!

– Ну, а я не шутил.

– Я так тебя люблю... – она опустила плюшего слона на пол и прижалась к Марату всем телом.

– И я тебя люблю! – сказал Марат и поцеловал ее поочередно в ямочки на щеках, как он это часто делал.

Она была так счастлива. Без условий, без сомнений, без всяких «но»...

– Даринка, я тут подумал... Может, съездим в деревню, проведем там всех. Меня ведь, наверное, уже никто не ищет. Год прошел.

Он словно читал ее мысли.

– Я только что разговаривала с папой, – сказала она, бросив взгляд на телефон, – и обещала ему, что мы скоро приедем!

– Значит, решено! Я договорюсь с Женей, он нас свозит... Кстати, я спросил у него про кота. Он не знает имени. Если хочешь, то сама назови.

– Он рыжий. И судя по всему, хитрый, как лис! По-английски лис – это...

– Фокс?

– Да. Ты не против, если ты будешь Фоксик? – обратилась она к рыжей животинке у их ног.

Кот потерялся о ногу девушки, тем самым ответив «да», а потом с интересом уставился на розового слона, стоящего на полу.

– Он не против, – сказал Марат, а затем резко одернул мягкую игрушку. – Настолько не против, что описал слона...

Глава 29

Они выехали следующей же ночью, предварительно договорившись со своими деловыми товарищами о двухдневном отсутствии. Женя согласился их отвезти и вернуть назад за символическую плату. Ехать в один конец нужно было около пяти часов.

– Приедем мы утром, пробудем там часов до пяти вечера, а потом назад, чтобы к десяти быть дома, – распоряжался усатый таксист.

– Так точно, капитан! Мы тебя там накормим, напоим и спать уложим! Да, Даринка?

Девушка кивнула с улыбкой, готовясь к очередной шутиливой перепалке.

– Вы мне это прекращайте! Мне укажи только на подушку – я вырублюсь сразу!

– Ну и ничего, поспишь хоть вдоволь! Жене-то что сказал?

– Сказал, к ночи приеду.

– Ну и все. Она ж не знает о какой ночи ты говорил!

Дарина сквозь прорывающийся хохот заверила:

– Не волнуйтесь, Евгений Анатольевич, мы вас в плен подушке не отдадим, и приедете вы вовремя!

– Вот! Дари-добро знает, что говорит! – выпалил Женя, комично прокручивая баранку. За эти месяцы Марат уже

привык, что этот добрый мужичок называет его девушку не иначе как «Дари-добро».

Парень, продолжая улыбаться, произнес:

– Да. Она знает что говорит.

– Куда ехать-то? – спросил Женя спустя почти пять часов. Они уже подъезжали к родной деревне, чуть ранее миновав до боли знакомый райцентр Пироговск.

В душе Марата что-то шевелилось, что-то тоскливое, но в то же время приятное. Все же, что ни говори, а это – его дом. И как бы судьба ни поворачивалась и на какую тропинку бы его ни выводила, он всегда будет считать своим домом деревню Ивановка.

– Вон видишь, между двумя березами просёлка начинается, – ответил Марат, – по ней вниз к трем домам. Первый – это Даринкин. Мой дом дальше после птичника будет стоять – перед ним небольшой пруд.

– Марик, я что-то боюсь.

– Ты боишься родителей? Хочешь, я с тобой пойду? Если будут ругаться и кричать, я скажу, что я виноват. Мол, вскружил тебе голову...

– За-акру-ужилась голова-а-а! – запел Женя.

– Подожди! – крикнул Марат.

Женя смолк, весело фыркнув в свои усы.

– Не надо, Марик, езжай к бабушке. Я позже к тебе приду.

Марат видел, что она глубоко переживает, хотя старается

этого не показать. В этот раз она даже не посмеялась над песней Жени, что было совсем на нее не похоже. Тем не менее, она права. Ей нужно пойти одной – так будет правильнее. Если ее родители злы на Марата, то не стоит показываться на пороге вместе с Дариной. Будет еще хуже.

Девушка вышла у своего дома и, помахав рукой, неуверенно шагнула и скрылась за калиткой.

«Удачи, любимая».

– Что у вас происходит-то, брат? – спросил таксист. – Ты мне так и не рассказал. Я иногда не понимаю, о чем вы говорите! Причем тут стокгольмский синдром?

– Да не стокгольмский, – хохотнул Марат. – Синдром у меня есть некий... Давай когда приедем домой, сядем как-нибудь у тебя на кухне, и я тебе все подробно расскажу.

– Синдром? У тебя? То-то я гляжу, ты какой-то странный! Я еще думаю – полоумный дурачок какой-то ходит!

– Получишь сейчас! – рассмеялся Марат.

Парень стоял на том самом месте, где когда-то вечерами проводил время, болтая с воображаемой девушкой. На берегу пруда, под покосившейся ивой не осталось и следа его пребывания здесь, словно этого никогда и не было; словно утонуло в пучине прошлого. И даже само дерево не было похоже на то, что отпечаталось в его памяти за всю его сознательную жизнь. Плакучая ива цвела. Цвела и радостно бросала листочки на водную гладь, словно по-детски любясь

тем, как они собираются вместе. Обломанная год назад ветка утонула в одеяле летней травы и показывала лишь один засохший конец, указывающий в сторону дома.

Калитка. Её ласкающий привычное ухо скрип. Шагом за шагом.

Марат вошел на террасу, которая по обыкновению была завалена яблоками, красными и зелеными помидорами, и вдохнул этот долгожданный запах. Спустя несколько мгновений, он проследовал к своей комнате и, толкнув знакомую дверь, осмотрелся. Ничего не изменилось. Абсолютно ничего. И даже защитная сетка, снятая с колонки магнитофона, все еще лежала на том самом месте, где он ее оставил год назад. Ему вдруг показалось, что он отправлялся в далекое многолетнее путешествие (что почти так и было) и что это место, откуда он уезжал, должно было как-то измениться вместе с тем, как менялся он сам. Но новый Марат, войдя в это помещение, встретил старого себя в этих безделушках, допотопной мебели и бордовым ковром на стене. А ведь к прошлой жизни он не собирался возвращаться; теперь у него совсем другая дорога, и эта дорога именно то, о чем он мечтал. Именно новый путь делал его счастливым.

Он знал, что бабушка сейчас должна быть на кухне у плиты. За все время жизни здесь его организм каким-то непостижимым образом научился чувствовать ее местоположение в доме. Скорее всего, этому способствовал набор обонятельных, слуховых и зрительных ощущений, которые за мно-

гие годы впечатались в его подкорку, и сейчас эти ощущения, вновь проснувшись, указывали ему, где находится эта пожилая женщина.

Она была там. Да, абсолютно ничего не изменилось, все было по-прежнему. И будто только вчера она стояла точно так же, нарезаая морковь свежезаточенным ножом на поцарапанной деревянной доске. Но... Прошел целый год.

– Бабуль, – чуть слышно произнес Марат, стоя в пустом проёме без двери. Он смотрел ей прямо в спину.

Бабушка будто не слышала его, продолжая работать руками и опустив голову.

– Бабуль, я вернулся, – уже громче сказал парень, надеясь, что в первый раз она не расслышала.

И вновь молчание, которое заполнялось лишь звуком работы ножа.

– Иди почисть у коровы, – сказала она через минуту, не поднимая головы.

Марат улыбнулся – да, это его бабушка. Та самая, близкая, но чужая пожилая женщина, которая никогда не покажет свою радость или грусть, предпочитая лишь сухость и суровость. Тот самый человек, для которого хозяйство выше всего.

Парень снова вышел на террасу, обхватил висящие у входа грязные штаны и залитую коричневой краской спецовку и привычно ловко переделался. «Все, что я сейчас вижу и к чему прикасаюсь – это я», – с трепетом думал он. С огром-

ным удовольствием он чистил у коровы, чувствуя тот самый запах сена и навоза, что преследовал его с самого детства. Казалось, что сейчас он выйдет из сарая и вообразит, как на бережке пруда, где стоит старая ива, сидит потрясающе красивая девушка, которую он однажды выдумал и назвал ее Дарина. Он выдумал и назвал?..

Марат вышел из сарая и зажмурился. Опять началось. Главное, не поддаваться.

– Марик, что с тобой? – послышался голос девушки.

Он попытался ее проигнорировать. Нужна настоящая Дарина! А она сейчас дома. Она его спасение от этого назойливого синдрома, который он сам себе создал.

– Марик, это же я!

Марат открыл глаза. Это она?

– Даринка, это ты? – он потрогал ее плечо рукой.

Неподалёку мирно стоял Женя, облокотившись на свой автомобиль с шашечками на крыше и посмеиваясь, наблюдал за ними.

– Представляешь, родители ее год не видели, а она несколько слов им бросила и к тебе! – крикнул он. – Эх... Меня б так жена любила...

– Все прошло хорошо. Папа, конечно, обижен, да и мама не в себе... Но они до слез счастливы были меня видеть. Прото, что я так и не поступила в университет, я так и не сказала...

Это она.

– Ничего. Расскажешь... – проямлил понуро Марат, а затем уже более бодро продолжил: – Ничего! Они все поймут, и моя бабушка поймет. Все устаканится, вот увидишь!

– Надеюсь, что так. Но я ни о чем не жалею, – улыбнулась она, мягко ущипнув его душу взглядом.

Марат нежно поцеловал ее, стараясь удержать свое сердце, которое так и рвалось из груди, норовя пронзить любимую девушку.

– Мне нельзя здесь оставаться одному, Даринка, опять что-то начинается. Что-то непонятное наплывает.

– Я буду рядом!

Вдруг послышался скрип тормозов и звук хлопающих дверей. Марат, не отрывая взгляда от Дарины, расплылся в улыбке и медленно помотал головой. Он очень хорошо знал эти звуки.

– Э, молодой! Ты че как не родной!

– Пацик твой явился, – прошептала Дарина, отведя взгляд, и высвобождаясь от горячих объятий.

– Батяня!!! – кричал Пацик, ускоряясь на бег с пригорка по направлению к пруду, где стояла пара.

– Ну, здорова, братуха! – Марат поймал худого жилистого парня и, перевернув его через бедро, осторожно положил на траву.

– Ну, тихо! Переломаеть так мне кости! Хотя они у меня стальные, ешкин крот!

– Привет, Денис! – приветливо улыбнулась лежащему Па-

цику Дарина. Лишь она одна называла его по имени.

– О, привет Дарин. То есть Насть. То есть... Короче! Что у вас? Где пропадали?

Не спеша от Лёвиного «мерседеса» приближались трое: сам Лёва, Юляха и еще какой-то парень, с которым девушка шла за руку, сцепив пальцы в тугий замок.

– Здоровки, Марат! Ну как сам-то? – воскликнул Лёва и, не услышав ответ, сразу полез обниматься. Марат, конечно, ответил на объятия, все-таки с детства они с Лёвой были ближе всех.

– Привет, Марат! Привет, Настюх! – кудакнула Юляха и, положив свободную руку на плечо своего кавалера, объявила: – Знакомьтесь, это Славон!

Марат протянул руку парню и представился. Тот, пожав кисть, смачно сплюнул в сторону ивы и сказал:

– Не, ну а шо...

Ухмыляющийся Пацик за спинами этой необыкновенной пары указал на них и, разведя руки, пожал плечами. Дескать, «ну а шо...».

Марат не сдержался. Следом за ним закатились смехом все. И даже Женя, стоя поодаль, поддержал общее веселье. Юляха и Славон, ухахатываясь, не понимали причину этого, но Пацик, Лёва, Дарина и Марат знали, о чем смеялись – у всех в голове была одна и та же мысль: «Эти двое нашли друг друга».

– Ну так что, расскажешь, где ты был все это время?

– В Омск умотал. Обосновался, там теперь живу. Отца нашел.

– У тебя в Омске есть отец?

– И даже старший брат.

– Ух, ни хрена себе у тебя родичи полезли изо всех щелей... – почесал под носом Пацик.

– И не говори! – усмехнулся Марат.

Лёва повернулся к Дарине.

– А ты, Настя? С ним была? Тоже вдруг пропала...

– Ребят я – Дарина. Теперь навсегда и бесповоротно!

Пацаны удивленно уставились на Марата.

– Это я теперь Настя, – буркнул он, отворачиваясь в сторону дома.

И снова грохот всеобщего хохота.

– И чего, с тобой все нормально теперь? – спросил Лёва, когда все успокоились.

– Вроде. Хожу к психиатру.

– Между прочим, ты мог бы и не бежать от Роди и его дружков, – сказал Пацик.

– Я не совсем от них бежал. Я давно хотел уехать в большой город выстраивать жизнь.

– Да помним мы, как ты перестал бухать и дуть. Я, ребят, теперь хочу жизнь поменять!

Марат по привычке натянул уголок рта. Забавно было слышать об этом.

– Я к тому, что тебя почти не искали, – продолжал Па-

цик. – Первые дни, конечно, спрашивали, где ты, и на нас наезжали. А потом сказали, что как Родя очухается, так они все вместе за тебя примутся... Прошла неделя, Родя очухался. Ну и угадай...

– Не хочу угадывать. Говори.

– Ну так вот, Родя очухался и по пьянке влез куда не надо...

– Его повязали и закрыли, – подхватил Лёва, – а его друзьям ты уже не нужен – не за кого впрягаться. Так что, брат, ничего и не было.

– Кто ж знал... Но я не жалею, что уехал.

Водная гладь пруда была устлана сброшенными листочками, и в небольших промежутках водяного зеркала отражался ветхий, но закаленный жизнью дом. Одинокая ива шумела, одобряя каждую мысль Марата, а его девушка была с ним рядом. Они сидели на том самом месте, где когда-то проводили долгие вечера, утопая в бессмысленной и в то же время наполненной жизнью, болтовне.

– Даринка, представляешь, вернувшись сюда, я вдруг понял, что больше не буду скучать по своей прошлой жизни.

– Тоска по прошлому – это только мираж. Вновь столкнувшись с этим прошлым, мы понимаем, что эти тягостные мысли были излишни.

Их окликнул Женя, который чуть ранее был гостем в доме родителей Дарины, а теперь сытый и довольный стоял со

своим авто неподалеку:

– Ребят! Надо бы уже трогать, не хочется ехать во тьме!

– Сейчас, Жень, еще пару минут и поедем!

– Не тяжело оставлять бабушку снова одну? – спросила девушка.

– Весь этот год она была не одна. Лёва сказал, что к ней повадился сосед. Он ей и помогал по хозяйству.

– Дядя Жора? – изумилась Дарина, взглянув на соседний дом.

– Ну да. Представляешь! Бабуля на старости лет в романтику ударилась.

Дарина, представив образ романтической бабушки Марата, прыснула.

– Но, скоро я все равно сюда вернусь, – сказал парень.

– Зачем?

– Помнишь Владика?

– Того паренька с вокзала?

– Да, он не хочет возвращаться к родителям. Боится, что его будут бить. Я хочу его привезти сюда, пусть живет вместо меня и помогает бабуле. Лёву попрошу присмотреть за ним.

– Это отличная идея!

– Я давно об этом думал...

– Марик. Я все-таки хочу поступать в университет... Не хочу больше врать родителям и что-то умалчивать.

– Ты сможешь делать все, что захочешь. Я во всем буду тебе помогать, и ты исполнишь все свои мечты. Ведь весь

мой путь только для тебя одной.

Девушка слушала эти слова, еле удерживая счастливые слезы. Она улыбалась, глядя глубоко в его глаза, говоря тем самым, что верит ему.

ЭПИЛОГ

– Ты же понимаешь, что это все неправда? Ты понимаешь, что его не существует?

Дарина сидела, опустив глаза в пол и молчала. Она не знала, что сказать.

– Дарина, посмотри на меня, – сказал Николай Васильевич.

– Вы, может и врач-психиатр, но вы очень многого не знаете о людях и не понимаете...

Она ловко крутанула колеса, развернув коляску, и молча уехала в свою комнату. Николай Васильевич тяжело вздохнул. Уж очень было больно всю жизнь наблюдать за дочерью своего друга – внешне красивая девушка, к сожалению, никогда не ходила и практически с рождения сидела в инвалидной коляске. Мир она знала только по книгам и из телевизора.

– Ну что, Коль? Как у нее дела? – спросил вошедший отец Дарины.

– Одиночество ее съедает. Она выдумала целую историю про какого-то Марата. Который якобы от вокзального бомжа поднялся до цветочного магната.

– Знаю я эту историю. У нее все тетради исписаны про этого Марата. Кто там еще у нее? Пазик, Лёва, бомжик Владик, дядя Гера, Арина Николаевна... Я уже и сам выучил

этих персонажей.

– У нее ярко выраженный синдром патологического фантазирования.

– Это страшно?

– Для ее одиночества – это спасение. Но будьте готовы к тому, что вы никогда не сможете ее переубедить, что этих героев не существует.

Дарина сидела у окна и с тоской смотрела на старую поникшую иву на небольшом пруду перед домом. Это дерево для девушки было символом ее одиночества, а место под ним, заросшее хилой травой, было единственным местом в мире, где она когда-то была счастлива. Но когда? Было ли это? Безусловно, было! Плевать, что близкие ей не верят! Однажды Марат придет за ней, однажды все изменится, однажды они уедут в мегаполис...

Однажды.